

S. F. Nikolskij

KAREL ČAPEK

С. НИКОЛЬСКИЙ
РОМАН
К. ЧАПЕКА
«ВОЙНА
С САЛАМАНДРАМИ»

С. В. Никольский
Карел Чапек—
фантаст
и сатирик

§ Sergej NIKOLSKIJ
Fantastika
a satira
v díle
Karla
Čapka

С. В. Никольский
ДВЕ ЭПОХИ
ЧЕШСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Византизм Института славяноведения и балканистики
Российской академии наук
Институт славяноведения и балканистики
Департамент славянских культур

С. В. Никольский
История
образа Швейка

С. В. Никольский
Над страницами антитезий
К. Чапека и М. Будакова

(Поэтика скрытого)

**V Haškových stopách
za Josefem Švejkem**

SERGEJ NIKOLSKIJ

СВ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

С.В. Никольский
и современная
славистика

Москва 2013

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

МОСКВА 2013

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

С.В. НИКОЛЬСКИЙ И СОВРЕМЕННАЯ СЛАВИСТИКА

В ЧЕСТЬ 90-ЛЕТИЯ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ УЧЕНОГО

Москва 2013

Книга публикуется в рамках Всероссийского совещания славистов, посвященного 1150-летию славянской письменности и 110-летию первого Съезда славистов России в Москве

Редколлегия:

А.В. Амелина

Л.Н. Будагова

И.А. Герчикова (отв. ред.)

Н.В. Шведова

Рецензенты:

С.Н. Мещеряков

Г.П. Мурашко

С.В. Никольский и современная славистика:

В честь 90-летия со дня рождения ученого / Отв. редактор И.А. Герчикова. — М.: ИСл РАН, 2013. — 288 с.

В сборнике представлены статьи, посвященные жизни и научной деятельности профессора С.В. Никольского, стоявшего у истоков послевоенной славистики и оказавшего на нее большое влияние. Внимание авторов — литературоведов, культурологов, историков — сосредоточено на концепциях и идеях ученого, направленных на исследование чешско-русских литературных связей, творчество отдельных писателей, в первую очередь, К. Чапека и Я. Гашека, литературных процессов у зарубежных славян, а также на вопросах истории, культуры и литературы стран Центральной и Юго-Восточной Европы от средневековья до наших дней.

Книга адресована как специалистам-славяноведам, так и всем, кто интересуется историей и культурой славянских народов.

ISBN-10 5-7576-0288-0

ISBN-13 978-5-7576-0288-2

© ИСл РАН, 2013

© Авторы, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	7
----------------------	---

Раздел I. Сергей Васильевич Никольский и его вклад в современную славистику

<i>Л.Н. Будагова</i>	
Выдающийся русский славист	11
<i>Н.К. Жакова</i>	
С.В. Никольский и изучение чешской литературы в Санкт-Петербургском университете	29
<i>С.А. Шерлаимова</i>	
С.В. Никольский — исследователь чешско-русских литературных связей	36
<i>Е.Н. Ковтун</i>	
Две эпохи славянской фантастики	45
<i>И.А. Герчикова</i>	
С.В. Никольский и К. Чапек	64
<i>Н.В. Шведова</i>	
С.В. Никольский о чешской поэзии	72
<i>Н.Н. Бобровская</i>	
Щедрость души	84

Раздел II. Актуальные исследования истории и культуры славян

<i>Г.П. Мельников</i>	
Карл IV как писатель	89
<i>П.В. Королькова</i>	
Прага в путевых заметках Й.Ю. Штросмайера	114
<i>М.Г. Смольянинова</i>	
Размышления о творчестве Вазова	123
<i>Т.И. Чепелевская</i>	
Трансформационные модели народных христианских легенд в словенской литературе XIX– XX вв. (Я. Трдина, С. Майцен)	151

<i>Е.П. Серапионова</i>	
Славянский вопрос в России на рубеже XIX–XX вв. (1898–1908 гг.)	160
<i>Э.Г. Задорожнюк</i>	
Т.Г. Масарик о Ф.М. Достоевском: рецепция и интерпретация	202
<i>Т. Кубичек</i>	
Йозеф Швейк в контексте современного романа	216
<i>З. Матхаузер</i>	
«Швейк» Гашека с точки зрения феноменологии	225
<i>Л.Ф. Широкова</i>	
Комическое в прозе Я. Есенского	238
<i>Л.П. Лаптева</i>	
Профессор Московского университета Ю.В. Готье и его лекции по средневековой истории южных славян	245
<i>А.Г. Машкова</i>	
Анималистический мотив в прозе Яна Тужинского	261
<i>А.В. Амелина</i>	
Утопия и антиутопия в современных отечественных и чешских исследованиях	271
Библиография научных трудов С.В. Никольского	
2004–2013 гг.	285

О т р е д к о л л е г и и

В марте 2012 г. в Институте славяноведения РАН прошла подготовленная Отделом истории славянских литератур конференция «С.В. Никольский и отечественная славистика», посвященная 90-летию Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, профессора, выдающегося литературоведа, богемиста, формировавшего послевоенную славистику, участвовавшего в создании и становлении Института славяноведения АН СССР. Доклады, прозвучавшие на этой конференции, легли в основу настоящего сборника.

С именем Сергея Васильевича Никольского, с его идеями и концепциями связана целая эпоха в развитии литературоведческой славистики и богемистики: вся вторая половина XX и начало XXI столетия. Ссылки на его труды звучат в докладах и исследованиях, статьях и монографиях о романтизме и реализме, о межвоенной чешской литературе, о фантастике и сатире, современной чешской прозе и поэзии. Статьи второй части данного сборника, не имеющие непосредственного отношения к исследовательской деятельности Никольского, также не обходятся без цитат и упоминаний о его трудах.

Придя к чешской литературе из русистики и в 1949 г. защитив кандидатскую диссертацию «Ф.Л. Челаковский и русское песенное народное творчество» под научным руководством выдающегося фольклориста П.Г. Богатырева, Никольский неразрывно связал свою жизнь с богемистикой. Погружаясь в литературные процессы XIX–XX вв., исследуя творчество К.Г. Махи, К.Я. Эрбена, И. Волькера, Я. Гашека и К. Чапека, сыгравшего особую роль в судьбе ученого, Никольский развивал в своих работах лучшие традиции российского литературоведения. Он открывает для читателя не просто сухие факты биографии, но исследует психологию писателя, атмосферу эпохи, в которой тот или иной автор жил и творил. Для многих литературоведов, занимающихся ныне чешской культурой, именно работы С.В. Никольского стали решающим фактором в выборе специализации.

Литература Чехии и чешско-русские литературные связи не единственная сфера исследований ученого. Под его руководством реконструировались литературные процессы у других славянских народов, создавались истории

национальных литератур, осмыслились отдельные литературные эпохи — барокко, национальное возрождение, Просвещение, романтизм, реализм.

Профессиональная эрудиция, широкий историко-литературный и теоретический кругозор, высокий культурный уровень — вот что отличает С.В. Никольского, что снискало ему авторитет в научных кругах и международное признание.

За годы работы он написал более 500 научных работ по истории прежде всего чешской литературы, чешско-русским литературным связям. Его тонкий анализ произведений выдающихся авторов, умение приоткрыть завесу над их творческими тайнами, остававшимися неразгаданными в течение многих лет, склонность к литературоведческим расследованиям поистине поражают.

Не только профессиональные, но и душевные качества — отзывчивость, мягкость, всегдашняя готовность помочь, дать дельный совет, потрясающий дар Сергея Васильевича как рассказчика — все это отмечают многие авторы статей о нем. Эрудиция и мудрость Чапека, ирония и юмор Гашека как будто передались Никольскому от долгого и очень близкого контакта с корифеями и стали частью личности ученого, перенявшего какие-то черты своих «героев». В сборнике много наблюдений личного характера — коллеги Никольского стремятся поделиться своими воспоминаниями и показать человека, который, несмотря на свой почтенный возраст, молод душой, а иногда и в своем мировосприятии и суждениях значительно моложе людей, годящихся ему во внуки. Он всегда доброжелателен, удивительно мудр и скромнен, несмотря на все свои заслуги.

Этим сборником, представляющим различные аспекты славистических исследований как российских ученых, так и коллег из Чехии, диапазон которых весьма широк (от средневековья до наших дней, от фантастики, антиутопии и сатиры до путевых заметок и анималистических мотивов, от поэзии и прозы до вопросов исторической науки), авторы хотели бы отдать дань уважения человеку, ставшему символом Ученого с большой буквы, и выразить ему свою любовь и благодарность судьбе за то, что она подарила им счастье находиться рядом с ним.

Раздел I

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ НИКОЛЬСКИЙ И ЕГО ВКЛАД В СОВРЕМЕННУЮ СЛАВИСТИКУ

Л.Н. Будагова

ВЫДАЮЩИЙСЯ РУССКИЙ СЛАВИСТ

Доктор филологии, заслуженный деятель науки России, Сергей Васильевич Никольский хорошо известен представителям многих поколений отечественных славистов. Кто-то вместе с ним стоял у истоков послевоенной славистики, участвуя в создании и становлении Института славяноведения АН СССР, кто-то слушал его лекции на филфаке МГУ, делал под его руководством первые шаги в творчестве, писал дипломные работы, защищал кандидатские, а потом и докторские диссертации, кто-то в свои школьные годы зачитывался его предисловиями к сочинениям Карела Чапека или сборникам зарубежной фантастики, заражаясь от Сергея Васильевича стойким интересом к этим жанрам. Связь судьбы и творчества славяноведов разного возраста с личностью и деятельностью Сергея Васильевича Никольского в какой-то мере отражает состав авторов и проблематика книги, созданной на основе конференции «С.В. Никольский и отечественная славистика», состоявшейся в Институте славяноведения 5 марта 2012 г.

Библиография работ ученого, созданных с 1948 по 2004 г. была опубликована в сборнике «Фантастика и сатира в литературе славянских народов. В честь 80-летия Сергея Васильевича Никольского» (М., 2004). С тех пор она пополнилась новыми трудами. В своей совокупности они показывают весомость вклада С.В. Никольского в науку, широту и целенаправленность его интересов, плодотворность всего жизненного пути. А еще они свидетельствуют о том, что самые суровые жизненные испытания и самые жесткие политические режимы не в силах подавить неистребимую тягу людей к знаниям и прервать пытлившую работу мысли. В любых условиях рождаются и живут люди, преданные науке, чьи судьбы как бы призваны обеспечить преемственность ее развития. Сергей Васильевич Никольский сформировался как настоящий ученый

и один из лидеров славистического литературоведения в нашей стране в советский период ее истории, который все еще ждет спокойной и непредвзятой оценки. Многие свои труды, которые получили признание и международный резонанс, он писал в 1940–1980-е гг., когда в советской науке происходило всякое. Но их как бы обошли стороной ее грехи и ошибки, разного рода схемы и догмы. Прежде всего потому, что была эта наука неоднородной, имела свои поверхностные, политизированные, но и глубинные течения, направленные на познание объективной истины. А еще и потому, что разного рода схемы и упрощения не принимала на корню, отталкивала от себя личность подлинного ученого.

Сергей Васильевич Никольский родился в канун весны, 27 февраля 1922 г. на тверской земле, в селе Быково. Его отец, Василий Сергеевич, имевший сан священника, и мать, Варвара Федоровна, работали учителями. Рос будущий славист рядом с книгами и природой, в атмосфере, благоприятной для формирования «настоящего русского интеллигента», как выразится о С.В. Никольском видная представительница чешской интеллигенции, театровед, искусствовед Власта Смолакова, долгое время работавшая культурным атташе в Посольстве Чешской республики в Москве.

Недалеко от родного Быкова была расположена Тверь (с 1931 г. Калинин), долго сохранявшая колорит старинных русских городов с бревенчатыми домами за высокими заборами, скрывавшими от посторонних глаз дворы с поленицами, вишневыми деревьями, зарослями сирени, кустами малины и крыжовника. В Твери было много промышленных предприятий. Центр города со знаменитым путевым Екатерининским дворцом перестраивался в XVIII веке по проекту самого Казакова. На главной улице, названной после революции Советской и упиравшейся в фабрику Пролетарка, бывшую Морозовскую мануфактуру, стояли ряды домов в стиле ампир, прерывавшиеся чугунными решетками городского сада. Патриотические чувства

жителей города, некогда соперничавшего с Москвой, вылились в поговорку «Тверь-городок — Москвы угол». Именно в этом «уголке Москвы» начались студенческие годы Сергея Никольского, поступившего после десятилетки в Калининский пединститут (ныне — университет). К тому времени семья Никольских, где рос еще один сын, Борис, лишилась отца. Глава семьи был арестован, вероятно, из-за бытности в молодые годы священником, и погиб в период репрессий.

Весть о начале войны ворвалась в студенческое общежитие, предвкушавшее летние каникулы, на следующий день после окончания экзаменов. Сергей Никольский, как и большинство его сверстников, оказался в армии, но из-за обострения хронической болезни глаз попасть на фронт ему не пришлось. После глазной операции он вернулся на студенческую скамью и вскоре перешел на русское отделение филологического факультета Московского университета. Среди любимых преподавателей был Николай Калинин Гудзий, прекрасный ученый и человек, пользовавшийся доброй славой у студентов. Занимаясь в его семинаре, Сергей Никольский пишет работу об эволюции текста повести Л.Н. Толстого «Казачья». Она стала его первым скромным вкладом в филологию. Студенту удалось обнаружить ошибку в академическом издании сочинений Л.Н. Толстого, где была неверно представлена последовательность возникновения некоторых рукописных вариантов повести.

Еще подростком Сережа Никольский соприкоснулся с чешской литературой. Это случилось летом 1936 г. в пионерском лагере, где особой популярностью пользовался озорной детдомовец, любивший изображать из себя Швейку с его непереманным «Так что осмелюсь доложить». Похождения «бравого солдата», превращавшего жизнь в игру, наверное, помогали мальчишке сносить трудную сиротскую долю. Разыскав рассказы Гашека в библиотеке пионерлагеря, Сергей зачитался ими, еще не предполагая, что родина

автора, ее литература станет для него предметом исследований, что он напишет много работ о Гашеке и его соотечественниках, что ему удастся выявить реальный прототип Йозефа Швейка, выпустить монографию «История образа Швейка. Новое о Ярославе Гашеке и его герое» (М., 1997), изданную в 2012 г. в Чехии в переводе на чешский язык.

Однако для того, чтобы посвятить себя не только русской, но чешской и другим славянским литературам, личных увлечений было мало, требовались и соответствующие условия. Они и сыграли решающую роль в научной судьбе С.В. Никольского.

После окончания Второй мировой войны в СССР стало возрождаться и набирать силу славяноведение. Бурно развивавшееся до революции, оно фактически было сведено на нет в 1920–1930-е гг. Классовые критерии в советской идеологии, принцип «пролетарского интернационализма» с ориентацией на «пролетариев всех стран» лишил русско-славянские культурные связи былых приоритетов. Советских филологов-славяноведов обвиняли в «буржуазном панславизме» и евроазиатстве, как форме национализма, подвергали репрессиям, в том числе за творческие контакты с русскими славистами, жившими за рубежом. Среди арестованных и отсидевших свой срок в тюрьме были будущий академик В.В. Виноградов, профессор Н.И. Кравцов, среди погибших на плахе — Михаил Скачков, чуть ли не единственный в то время специалист по чешской литературе.

Военные годы, опыт совместной борьбы с фашистским агрессором, возродили симпатии и интерес к зарубежным славянам. Сыграли свою роль и политические причины: послевоенный передел Европы, переход славянских стран в сферу советского влияния. В университетах снова возродились кафедры славянской филологии, ведущие свой отсчет с начала XIX в. По постановлению Президиума АН СССР от сентября 1946 г. на базе славяноведческих секторов Института истории, Института русского языка, а также Славянской

комиссии АН в 1947 г. был сформирован Институт славяноведения АН СССР (преобразованный в 1968 г. в Институт славяноведения и балканистики, но в начале XXI в. вновь вернувший первичное название, правда, уже с приставкой РАН).

Новые кадры практически исчезнувших славистов-литературоведов формировались из выпускников русского и романо-германского отделений филфаков, из людей, зачастую самостоятельно изучавших славянские языки и литературы.

С.В. Никольский, завершивший университетское образование в 1945 г., тоже пришел в славяноведение «со стороны», из русистики. В 1949 г. он защитил кандидатскую диссертацию «Ф.Л. Челаковский и русское песенное народное творчество». Научным руководителем был выдающийся фольклорист Петр Григорьевич Богатырев, друг Романа Якобсона и Яна Мукаржовского. П.Г. Богатырев долгое время был в командировке, в Чехословакии, сотрудничал с Пражским лингвистическим кружком, блестяще перевел с чешского на русский «Похождения бравого солдата Швейка», которым русскоязычные читатели пользуются по сей день. До П.Г. Богатырева эпопея о Швейке переводилась на русский с немецкого языка.

Проблематика чешско-русских литературных связей, олицетворяемых личностью Челаковского, прочно и органично связала молодого русиста с чешской литературой. Столь же органичным стал переход к романтизму — к творчеству К.Г. Махи, К.Я. Эрбена и др. Ученый как бы проходил вместе с чешской литературой разные этапы ее развития — от национального возрождения до современности, что нашло отражение и в его книге «Две эпохи чешской литературы» (1981). Особо следует подчеркнуть ценность исследований С.В. Никольским романтизма. Доклад на IV Международном съезде славистов (Москва, 1958) «Некоторые особенности романтизма в славянских литературах», написанный С.В. Никольским в соавторстве с А.Н. Соколовым и Б.Ф. Стахеевым, показал, что

славянские романтики, озабоченные национально-освободительной борьбой своих народов и вдохновляемые ее целями, даже переходя по примеру западноевропейских романтиков к экзистенциальным проблемам, меньше, чем они, предавались мировой скорби.

Одновременно с погружением в глубины литературной истории, ученый исследовал и литературный процесс XX в., и особенно внимательно творчество И. Волькера, Я. Гашека, К. Чапека. Последний сыграл особую роль в жизни С.В. Никольского, как, впрочем, и Никольский в судьбе К. Чапека.

В нашей стране еще в довоенный период оценили огромный сатирический талант и бескомпромиссную антифашистскую позицию этого писателя. И хотя были переведены немногие из его произведений, он получил у нас известность и признание. Один из тому примеров — радиопостановка пьесы Чапека «Мать» (1938), которая перед войной транслировалась по московскому радио в передаче «Театр у микрофона», предвосхищая недалекое будущее Европы. Смерть К. Чапека на Рождество 1938 г. избавила писателя от фашистских застенков, поскольку оккупанты, не зная о его кончине, пришли за ним сразу же после вступления в Прагу в марте 1939 г. Художник Йозеф Чапек, пережив своего младшего брата на несколько лет, погиб в немецком концлагере в 1945 г., не дождавшись освобождения.

Произведения К. Чапека, что вполне естественно, не издавались в период немецко-фашистской оккупации. Но не издавались они и в свободной Чехословакии после февраля 1948 г. Его творчество попало под запрет. Писателю мирового уровня грозило посмертное отлучение от национальной культуры за «буржуазный гуманизм», философию релятивизма, неприятие всяческих диктатур — не только фашистской, но и пролетарской, за дружбу с президентом Масариком, с которым он вел доверительные «разговоры» и обменивался визитами. Сейчас эти «заблуждения» воспринимаются как позиция истинного демократа

и гуманиста, тогда же за ними чудилась политическая неблагонадежность.

Но вот в Москве, в 1950 г., в Гослитиздате выходит томик «Избранного» К. Чапека с предисловием С.В. Никольского. Оно с готовностью переводится на чешский язык и выходит в Праге отдельной брошюрой в 1952 г. По логике тех времен, если Чапека издают в Москве, его могут издавать и в Праге, а если советский человек высоко оценивает чешского писателя (что и сделал автор предисловия), то его не гоже не признавать и на родине.

Статья советского ученого возвращает К. Чапека чешской культуре, имя С.В. Никольского становится в Чехословакии легендарным, за ним закрепляется репутация «спасителя Чапека». Вот как об этом вспоминает известный театровед Франтишек Черный, многолетний председатель Общества братьев Чапек в Праге. «...Советский ученый освещал Чапека как одного из крупнейших чешских писателей, имя которого знает весь мир и должно чтить и социалистическое общество. Недругов Чапека сражали уже первые три фразы: “Имя чехословацкого писателя Карела Чапека широко известно во всем мире. Чапека справедливо считают одним из самых талантливых писателей XX века. Его антифашистские произведения прочно вошли в золотой фонд чехословацкой литературы”[...] Автор обращал особое внимание в творчестве К. Чапека на критику капитализма и борьбу против фашизма, о чем, между прочим, мы в последнее время нередко забываем, и на его демократизм, к которому, напротив, совсем не питали симпатий тоталитарные социалистические режимы»¹.

Все это возымело широчайший общественный резонанс и положило конец замалчиванию творчества К. Чапека в его стране. «В результате, — как

¹ Черный Ф. К восьмидесятилетию С.В. Никольского // Фантастика и сатира в литературе славянских народов. Москва, 2004. С.12–13.

свидетельствует Ф. Черный, — уже в 1953 г. издательство “Чехословацкий писатель” выпустило “Картинки родины” Чапека. С тех пор прошло много времени, но об эффекте, произведенным книжкой Никольского, знают даже люди, которые, возможно, никогда не слышали его имени и не видели эту книжку. Пожалуй, уместно сказать и о возникновении своего рода культурно-политической легенды. То и дело доводилось слышать, что после февраля 1948 г. Чапека нам помог вернуть некий русский из Москвы»².

Строго говоря, Чапека спас от забвения и вернул его чешскому народу не «некий русский из Москвы», а страна и культура, которые этот русский представлял. Защищая К. Чапека, он выражал не только свое личное, но и общегосударственное отношение к одному из крупнейших писателей современности, протестующему не только против притязаний агрессоров на мировое господство, но и против корыстного использования плодов научно-технического прогресса, что способно привести мир к катастрофе. Однако важен и тот профессиональный уровень, на котором велась эта защита. Свою личную пожизненную славу «спасителя» К. Чапека «русский из Москвы», бесспорно, заслужил, найдя точные слова и формулировки, которые не могли не убедить даже закоренелых догматиков. Не ограничившись Предисловием 1950 г., С.В. Никольский станет защищать К. Чапека и дальше, как от политической близорукости и предвзятости, угрожавших писателю на родине, так и от социологических подходов к искусству, распространенных в СССР и других соцстранах. Никто иной, как С.В. Никольский, свободный от этих грехов, внес докторской диссертацией «Сатирические утопии К. Чапека» (1971), книгами «Карел Чапек — фантаст и сатирик» (1973), «Карел Чапек» (1990), и др., самый существенный вклад в изучение чапековского наследия, одновременно обозначив ту

² Черный Ф. Указ.соч. С. 12.

высокую планку исследований, к которой должен стремиться любой литературовед.

Анализируя философию и структуру произведений К. Чапека, нередко представлявших синтез различных жанров, включавших и пародии на них, ученый глубоко проникает в «макро- и микропоэтику» писателя, доказывая, что пристальное внимание к тексту — не монополия современных формально-технологических школ, а проявление того профессионального мастерства, которым овладевают лучшие представители разных методов и подходов. Он вводит К. Чапека в диахронный и синхронный эстетический контекст, сопоставляет с Дж. Свифтом, Ж. Верном, Г. Уэллсом, А. Франсом, Дж. Оруэллом, Е. Замятиным, А. Толстым, М. Булгаковым, на фоне творчества которых отнюдь не меркнут, а, напротив, лишь проясняются неповторимые и непревзойденные свойства таланта чешского автора.

С приходом С.В. Никольского в богемистику одна литература обрела, а другая вроде бы лишилась многообещающего исследователя. Однако Сергей Васильевич со своей базовой профессией не расстался. Начав заниматься чешской литературой, он не оставил и русскую. Вместо смены специализаций произошло их слияние и взаимодействие. Об этом свидетельствуют не только интерес С.В. Никольского к сравнительно-историческому литературоведению, многолетние исследования русско-чешских контактов, но и сам менталитет ученого, кровно связанного с русской литературой. Ее присутствия в серьезных славистических исследованиях требует и сопряженность с ней культуры славянского зарубежья. При этом в работах С.В. Никольского прослеживается и самостоятельная линия русистики (глава «Пушкин и Сухороуков» в книге «Две эпохи чешской литературы», 1981; статья «И.А. Крылов как мастер звукописи», 1991 и т.д.).

С.В. Никольский обладает широким историко-литературным и теоретическим кругозором. Но, проявляя интерес к структурализму, рецептивной эстетике,

деконструктивизму и т.д., продолжает в своих работах лучшие традиции классического литературоведения с его вниманием к биографии и психологии писателя, атмосфере и проблемам времени, когда ему было суждено жить и творить.

Работы Сергея Васильевича отличаются не только высоким профессионализмом, но и своей занимательностью. Научная глубина порой сочетается в них с детективным началом. Тяга к разгадыванию загадочных литературных явлений и тайн позволяет назвать его «Ираклием Андрониковым отечественной славистики». Его перу принадлежат статьи «Об одной загадке в творчестве Волькера» (1957), «Об одной литературной загадке» (1972). К этому же ряду «авторских расследований» относится и вышеупомянутая монография «История образа Швейка. Новое о Ярославе Гашеке». Изучив пражские архивы, автор отправился во время одного из летних отпусков в Сибирь по следам Гашека, «бравого солдата» и реального Йозефа Швейка (1890–1965), послужившего прототипом знаменитого героя. Неслучайно и монография «Над страницами антиутопий М. Булгакова и К. Чапека» нацелена не на то, что лежит у них на поверхности, а на «поэтику скрытых мотивов». В ней есть настоящие открытия. Многие связаны с расшифровкой булгаковских образов, за которыми стояли реальные люди, в том числе известные политики. Помогая по-новому прочесть и лучше понять произведения обоих Мастеров, книга, имевшая большой успех и у русистов, булгаковедов, выдержала два издания (М., 2001 и М., 2009).

С конца 1940-х годов и по сей день жизнь Сергея Васильевича неразрывно связана с Институтом славяноведения. Он пришел туда в его ранний, «волхонский» период, когда маститые ученые были молодыми аспирантами, а весь Институт состоял всего из двух секторов — исторического и филологического. Вместе со всеми вступил в следующий, «кропоткинский» (или «пречистенский») этап, когда в распоряжение славяноведов была отдана часть знаменитого, «хрущевского»

(по имени бывшего владельца) особняка на Кропоткинской (ныне перестроенного в музей А.С. Пушкина). Тогда маститые все еще оставались молодыми, ходили гурьбой обедать в близлежащие и вполне доступные научному молодняку столовки, праздновали защиты кандидатских диссертаций в тесных комнатах общежитий, коммуналок или холодных подмосковных дач, принимали в своем особняке зарубежных писателей, ученых, начинали создавать истории славянских народов и их литератур, играли в шахматы, резались в пинг-понг и вновь переезжали. Теперь — в старенький деревянный особнячок по адресу Трубниковский, 30а. Сергей Васильевич Никольский в то время уже был Заведующим сектором Славянских литератур (официально со 2 марта 1954 г., а фактически с 1951 г.), сформировать который ему было поручено. Читая лекции на русском и славянском отделениях филфака МГУ, присматривался к своей «пастве», консультируя дипломников, аспирантов и докторантов «со стороны» и постепенно формируя творческий коллектив специалистов по зарубежным славянским литературам. За время его руководства сектором в Институт пришли и утвердились в нем И.К. Горский, Л.С. Кишкин, И.М. Шептунов, В.И. Злыднев, Б.Ф. Стахеев, М.Б. Ешич, Д.Ф. Марков, Н.И. Кравцов, А.П. Соловьева, Р.Ф. Доронина, Е.И. Рябова, В.В. Витт, Ю.Д. Беляева, С.А. Шерлаимова, Г.Я. Ильина, Т.П. Агапкина, Р.Н. Пономарева, Д.С. Прокофьева, В.А. Хорев, Ю.В. Богданов, И.А. Богданова, Л.Н. Будагова, А.В. Липатов, Н.А. Богомолова, В.В. Мочалова, И.И. Калиганов, М.Г. Смольянинова, О.Р. Медведева, Н.С. Осипова и многие другие. В коллектив вошли и фронтовики, заинтересовавшиеся культурой славянских народов на их землях, в освобождении которых от фашистских оккупантов они участвовали, и бойцы трудового фронта, рывшие окопы под Москвой, и юные выпускники вузов, детьми пережившие войну.

Под руководством С.В. Никольского литературоведы Института стали реконструировать и осмыслять

литературный процесс у зарубежных славян. Впервые в нашей стране был создан ряд историй национальных литератур: «Очерки истории болгарской литературы XIX–XX вв.» (1959), «Очерки истории чешской литературы XIX–XX вв.» (1963), «История польской литературы» в двух томах (1968, 1969), «История словацкой литературы» (1973), ряд работ по литературам народов Югославии; выполнены исследования отдельных литературных эпох — барокко, национального возрождения, Просвещения, романтизма, реализма; развернулось изучение литературных связей; написаны и защищены кандидатские и докторские диссертации. Разросшийся коллектив литературоведов разделился в середине 1970-х гг. на два, охватывающие всю историю славянских литератур и их современный этап.

С.В. Никольский руководил Сектором славянских литератур вплоть до 1988 г., т.е. более тридцати лет, являясь не только формальным (по долгу службы), но и одним из неформальных лидеров славистического литературоведения. Недаром во всех трудах, создававшихся даже за пределами Института, именно С.В. Никольский отвечал за славянскую тему. На протяжении всего издания девятитомной «Краткой литературной энциклопедии» (1962–1978), однотомного «Литературного энциклопедического словаря» (1987), восьмитомной «Истории всемирной литературы» (1983–1994), подготовленной ИМЛИ в сотрудничестве с другими Институтами, С.В. Никольский как член редколлегии курировал раздел литератур Центральной и Юго-Восточной Европы.

Сложив с себя административные полномочия заведующего Сектором, С.В. Никольский активизировал творческую деятельность, выпустил уже упоминавшиеся книги о Гашеке, Чапеке и Булгакове, остался мудрым советчиком, автором и редактором многих трудов, созданных в родном коллективе и за его пределами уже после 1988 г. С.В. Никольский — член Редакционного совета трехтомной «Истории литературы

западных и южных славян» (Т. 1–2, 1997; Т.3, 2001), выдвигавшейся в 2003 г. Институтом славяноведения РАН на соискание Государственной премии России, ответственный редактор и автор вводных и всех «чешских» глав ее второго тома.

Он — автор и ответственный редактор сборников «Общение литератур. Чешско-русские и словацко-русские литературные связи XIX–XX вв.» (М., 1991), «Функции литературных связей» (М., 1992), «Славянские литературы. Культура и фольклор славянских народов. XII Международный съезд славистов. Краков, 1998. Доклады российской делегации» (М., 1998); «Поэтический мир славянства. Общие тенденции и творческие индивидуальности. Исследования по славянской поэзии» (М., 2006); научный редактор фундаментальной антологии, подготовленной ВГБИЛ, «Прага. Русский взгляд» (М., 2003), автор предисловия к ней «О Праге и чешской культуре». Большое участие принял он и в создании ВГБИЛ двухтомника о восприятии Ярослава Гашека в России (Книга Первая вышла в 2012 г. Вторая ждет своего издания).

Читатель найдет статьи и главы Сергея Васильевича в таких коллективных трудах и сборниках родного коллектива (в 1993 г. ставшего Центром, а в феврале 2012 г. — Отделом истории славянских литератур), как «А.С. Пушкин и мир славянской культуры». (М., 2000), «Первая мировая война в литературах западных и южных славян» (М., 2004), «Россия в глазах славянского мира» (М., 2007), «Славянский мир в глазах России» (М., 2011), «Н.В. Гоголь и славянские литературы» (М., 2012) и т.д.

Своими знаниями ученый щедро делится с широким читателем, выступая уже с первых шагов в науке не только исследователем, но и популяризатором чешской литературы. Благодаря С.В. Никольскому в нашей стране многократно издавались сборники и целые собрания сочинений К. Чапека (Собр. соч. в 7 т. М., Худ. лит., 1974–1977) и Я. Гашека (Собр.соч. в 4 т. М., Правда, 1983–1985; Собр. соч.

в 6 т. М., Худ. лит., 1983–1985), где он был составителем, редактором, автором предисловий. На его счету — вступительная статья к трехтомной «Антологии чешской поэзии» (М., 1959), предисловия к изданиям в русских переводах произведений К.Я. Эрбена (1948), И. Волькера (1949, 1962), К. Гавличека-Боровского (1957, 1963), Ю. Фучика (1980), статьи в периодических изданиях о деятелях чешской культуры.

Однако никакая библиография не в состоянии учесть плодотворную деятельность С.В. Никольского во всех общественных организациях, связанных с развитием и укреплением культурных связей между нашей страной и Чехословакией, а с 1993 г. — Чешской республикой. Он — один из учредителей Общества советско-чехословацкой дружбы и с момента его возникновения (1958) состоял членом Центрального правления и председателем литературной комиссии Общества. Став во главе созданного в 1990 г. в Москве Общества братьев Чапеков, он наладил его работу, организовывая на протяжении десятилетий регулярные заседания, посвященные памятным датам, творчеству чешских писателей, встречам с деятелями чешского искусства, приглашая для чтений лекций и выступлений зарубежных гостей и московских богемистов. С 2012 г. Сергей Васильевич, передав организаторские функции известному историку-богемисту, старшему научному сотруднику Института славяноведения Г.П. Мельникову, стал почетным председателем Общества.

Никакие документы не в силах запечатлеть и прекрасные человеческие качества ученого, ту собственную ему гармонию между исследовательским талантом и талантом просто быть Человеком. И то и другое одинаково притягивает к нему людей. Не случайно до ухода С.В. Никольского после девяностолетнего юбилея на пенсию к его столу слетались как мотыльки на огонек сотрудники других отделов — культурологи, историки, лингвисты. Приходили посоветоваться, поделиться новостями, просто пообщаться,

приходили встретить его приветливую улыбку, наслаждаться остроумием, рассказами о случаях из жизни, душевно согреться в его присутствии. В последнее время Сергей Васильевич заходит в Институт не часто, каждый его визит — радость для всех.

В очерке о С.В. Никольском нельзя не сказать и о его счастливом выборе спутницы жизни — Раисы Лаврентьевны Филипчиковой, ставшей для него другом и соратницей. Она обеспечила супругу надежный тыл, теплый очаг, родила и нянчила сына Сашу и при этом серьезно занималась научной работой. Студентка славянского отделения филфака МГУ, аспирантка Института мировой литературы, она стала известным богемистом, глубоким исследователем чешской прозы — от Алоиса Ирасека, творчество которого стало темой ее кандидатско¹ диссертации, до прозаиков межвоенного и послевоенного периодов. Среди многих трудов ей принадлежат статьи о чешских экспрессионистах в «Энциклопедическом словаре экспрессионизма» (М., 2008), а также самая основательная монография о Владиславе Ванчуре, одном из крупнейших и сложнейших писателей XX в., соединившем в своем творчестве опыт исканий чешского авангарда с традициями европейского Ренессанса. Человек героической судьбы, он был расстрелян в Праге 1 июня 1942 г. во время фашистского террора. При обсуждении в ИМЛИ монографии Раисы Лаврентьевны «Творчество Владислава Ванчуры. Искусство синтеза и контрапункта» она была признана «образцовым исследованием» (П. Палиевский) и издана в 1999 г. Раиса Лаврентьевна — человек душевный, справедливый и скромный. Не могу забыть эпизод, случившийся в 70-е годы во время поездки группы научных туристов в одну из дружественных нам стран. Помимо путешествия по городам и весям в программу входило посещение международной конференции и банкета. Когда автобус с туристами подъехал к дверям банкетного зала, то оказалось, что туда приглашена не вся группа, а лишь избранная ее часть. (Может быть, мест в зале не хватало,

а может быть, еды). Сергей Васильевич с супругой оказались среди избранных. Однако Раиса Лаврентьевна решительно отказалась покидать автобус, пока организаторы не пригласят на банкет всех туристов. Не помню, чем закончилось это противостояние — победой или поражением Раисы Лаврентьевны. Но помню поступок, делающий ей честь.

Сын Никольских — Александр Сергеевич, хотя и вырос не гуманитарием, а «технарем», под стать им и вполне оправдывает по своим качествам пословицу «яблоко от яблоньки недалеко падает». Он подарил родителям двух внуков и одного правнука. Один из внуков пошел по стопам отца. Другой избрал путь гуманитария. Чем увлечется правнук, говорить еще рано.

При всех достижениях и победах творческий путь С.В. Никольского не был усыпан розами. И ему пришлось испытать много трудностей, столкнуться с несправедливостью, непониманием или нежеланием понять. В этом нет ничего удивительного. Жизнь есть жизнь... Удивительно то спокойное достоинство, с которым Сергей Васильевич встречал весь негатив, не вступая на тропу войны, а подавляя обиды погружением в работу.

С.В. Никольский не испытывает недостатка в знаках признания. Четыре монографии его изданы в переводе на чешский язык (*Myšlenka a obraz ve Wolkrově poezii z let 1920–21. Praha, 1968; Fantastika a satira v díle Karla Čapka. Pr., 1978; Dvě epochy české literatury. Pr., 1986; V Haškových stopách za Josefem Švejkem. České Budějovice, 2012*). Много раз ученого отмечали: избранием почетным доктором Университета им. Ф. Палацкого в Оломоуце, медалями Ф.Кс. Шальды (1995), Й. Добровского (2002), премией «*Gratias agit*» (2001). Но может быть наибольшую ценность имеет та добрая репутация, которой пользуется его имя с 1952 года, года выхода в Праге его «спасительного» предисловия к московскому тому про изведений К. Чапека. Кредит доверия, выданный

в те далекие года начинающему богемисту, он полностью оправдал.

Если к нашей стране в Чехии относились по-разному, то к Сергею Васильевичу Никольскому — всегда прекрасно. Это подтверждают как высказывания людей известных, так и народная молва. Не погружаясь в дебри откликов и рецензий на труды ученого, приведем лишь пару примеров. В 1978 г. журнал «Иностранная литература» публикует в одном из своих интервью признание чешского поэта Вилема Завады, что в числе работ, которые помогали его соотечественникам избавляться «в бурные годы революции» от «левачества и фразерства», была «работа Никольского о Чапеке»³. Побывавшая в Москве летом 1987 г. учительница из чешского города Румбурк на мои слова: «Жаль, не могу тебя познакомить с Сергеем Васильевичем Никольским, он сейчас в отпуске», — вздохнув, ответила: «Конечно, все мечты не могут сбыться сразу». Одна мечта — увидеть Москву — сбылась. Другая — увидеть Никольского, так и осталась мечтой. А в декабре 2012 г. в городе Градец Кралове я вдруг услышала от своей приятельницы, что буквально на днях она общалась со своей знакомой, и у них, далеких от науки, зашла речь о Никольском, и поэтому она хочет знать, как он поживает, как себя чувствует, как у него дела. Пришлось ответить, что все в порядке, и что передам ему от незнакомых почитательниц, привет. И, вероятно, не только свое отношение к С.В. Никольскому, но и отношение многих своих сограждан выразил в приветственном письме ученому по случаю его 90-летия на тот момент Посол Чешской республики в России Петр Коларж: «Уважаемый господин профессор, считаю делом чести напомнить Вам, каким ярко выраженным образом Ваш интерес к чешской литературе и особенно Ваша работа о Кареле Чапеке способствовали не только нашему глубокому пониманию таланта Чапека, но и ослаблению у нас

³ Иностранная литература. 1978. № 11. С. 229.

тогдашней чехословацкой цензуры, которая подавляла в литературе все ценное. Такими были те времена [...] В силу обстоятельств мне довелось лично познакомиться с Вами и, апеллируя к Вам и Вашим работам, иметь возможность напоминать и себе, и своим друзьям, как бессмысленно, вредно и несправедливо было, а порой это происходит и сейчас, воспринимать русских сквозь призму тех режимов, которые как раз разрушали наше подлинное взаимопонимание и понимание. Вы принадлежите, господин профессор, к тем, кто в России представляет ту высокую культуру и искусство, которые не только относятся к европейской культуре, но и вместе с другими европейцами творят ее» (*Письмо от 1 марта 2012 г. из личного архива С.В. Никольского*).

По стечению обстоятельств Сергею Васильевичу Никольскому суждено было стать одним из первых деятелей послевоенной отечественной славистики. Но и сейчас в начале XXI столетия он остается одним из первых в российском славистическом литературоведении. Но уже не в силу обстоятельств, а благодаря своему профессионализму, и не по хронологии, а по качеству своих трудов.

Каждое новое поколение ученых призвано внести в науку свои измерения, расширяющие горизонты и поднимающие ее уровень. По крайней мере, так должно быть, иначе невозможен научный прогресс. Но при том, что новые поколения превосходят (должны превосходить!) своих предшественников, яркие личности в науке, к какому бы поколению они ни принадлежали, остаются непревзойденными. К таким непревзойденным ученым-славистам относится и Сергей Васильевич Никольский.

Н.К. Жакова (Санкт-Петербург)

**С.В. НИКОЛЬСКИЙ И ИЗУЧЕНИЕ ЧЕШСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ
УНИВЕРСИТЕТЕ**

В каждой области научного знания существуют ученые, которые представляют лицо этой науки, являются собой концентрированное выражение высших достижений в своей сфере. Для изучения древней русской литературы такой фигурой был Дмитрий Сергеевич Лихачев, для космонавтики — Сергей Павлович Королёв. Для литературоведческой славистики и богемистики таким безусловным авторитетом является Сергей Васильевич Никольский. Вся вторая половина XX столетия и начало XXI связаны с его именем, все стадии движения научной мысли прошли как развитие и продолжение выдвинутых им идей и концепций.

Литературоведы кафедры славянской филологии Ленинградского-Санкт-Петербургского государственного университета жили и живут в этой ауре. Для них всегда были важны как теоретические труды С.В. Никольского — опора на его гипотезы, представления, его научное осмысление многих явлений литературного процесса в славянских странах XIX и XX вв., так и личные контакты, встречи, беседы, непосредственный обмен мнениями.

Все начиналось в конце 1950-х годов, точнее с 1959 г., с выхода сборника «Из истории связей славянских литератур» со статьей С.В. Никольского «Отзвук русских песен Челаковского», где впервые в нашем литературоведении был дан серьезный пространственный анализ этого важнейшего произведения чешской литературы эпохи национального возрождения.

Что поражало с первых строк — это введение поэтического труда Челаковского в контекст не только чешской, но шире — русской, славянской и европейской литературы того времени. Это стало определяющей чертой всего научного творчества С.В. Никольского — рассматривать каждое явление литературы на широком культурном и общественном фоне, во всем многообразии

переплетающихся и взаимовлияющих факторов, что придает его трудам емкость, глубину и основательность.

Уже в той, ранней работе прозвучало еще одно существенное для изучения чешской литературы утверждение: «Развитие исторического жанра в чешской литературе теснейшим образом было связано с осмыслением опыта освободительной борьбы прошлого, отечественного и славянских народов в целом. Первые шаги в этом направлении сделали Линда и Ганка, Коллар и Челаковский».¹ Тут важно упоминание имен Линды и Ганки, ибо именно С.В. Никольский первым у нас заговорил не столько о том, что эти деятели были создателями подложных рукописей, но ввел эти их произведения в общий фонд чешской литературы своего времени. В дальнейшем эта мысль получит блестящее развитие в книге «Две эпохи чешской литературы» (1981), где «поэтические мозаики» Ганки и Линды будут названы выдающимся произведением эпохи национального возрождения в Чехии. В момент же появления одной из первых своих научных статей 1959 г. Сергей Васильевич сразу проявил себя и новатором, и первопроходцем в изучении и трактовке ключевых явлений чешской литературы.

Для ленинградских славистов, только приступивших к изучению чешской литературы, труды С.В. Никольского стали необходимым подспорьем. В 1950–1960-е годы шло осмысление целостной концепции преподавания славянских литератур в полном объеме — от создания славянской письменности до современности, решались вопросы периодизации — необходимость знакомить студентов со всеми этапами существования чешской литературы, ее достижениями и ее вкладом в мировую литературу, общими закономерностями и типологией литературного развития. Нужно было определить целый ряд проблем

¹ Никольский С.В. «Отзвук русских песен» Ф.Л. Челаковского // Из истории связей славянских литератур. М., 1959. С. 20.

историко-литературного и методологического характера. В этот момент появляется капитальный труд Института славяноведения АН СССР «Очерки по истории чешской литературы XIX–XX вв.» (1963), в создании которого С.В. Никольский принимал самое активное участие. При полном отсутствии специальных учебных материалов его обзор чешской литературы первой половины XIX в. на многие годы стал надежным пособием в изучении этого периода, а его монографические статьи о Челаковском, Махе, Гавличеке давали возможность с большей полнотой углубиться в рассмотрение их творчества. То же можно сказать и о крупнейших писателях XX в. — Волькере, Гашеке, Чапеке. Это первый аспект в определении решающей роли С.В. Никольского в развитии не только академической, но и вузовской, университетской науки.

Второй аспект — это изучение не только чешской, но и славянских литератур в целом. И в этой области первая веха — конец 1950-х годов, коллективный доклад на Московском съезде славистов (1958) — «Некоторые особенности романтизма в славянских странах». Общая концепция славянского романтизма, изложенная в докладе, где С.В. Никольский выступал как один из соавторов (наряду с А.Н. Соколовым и Б.Ф. Стахеевым), на многие годы определила отношение к проблематике романтизма как в научных кругах, так и в практике преподавания славянских литератур, в том числе и в Ленинградском университете. В дальнейшем, в 90-е годы XX в., в разработку проблематики межславянской литературной общности С.В. Никольский тоже внес свой вклад: «Практически каждая литература в каждую данную эпоху связана не с одной, а с несколькими разными литературными общностями, включена в них теми или иными своими сторонами, объединена с ними теми или иными отношениями, обусловленными, например, близостью языка, аналогичной фазой развития, сходным типом литературного процесса, интенсивностью общения (в силу исторических, географических или иных причин

и обстоятельств) и т.д. Все это, естественно, не исключает того, что принадлежность к той или иной общности может быть доминирующей»².

Безусловно, важным для всех литературоведов-славистов ЛГУ-СПбГУ было появление новых материалов в справочных изданиях (БСЭ, КЛЭ, Литературный энциклопедический словарь) и особенно включение глав, посвященных славянским литературам, в «Историю всемирной литературы», где тоже чувствуется направляющая рука С.В. Никольского.

Третий, чрезвычайно важный аспект — это изучение межславянских литературных взаимосвязей, что всегда занимало ведущее место в научном творчестве ленинградских-петербургских славистов. Это труды болгариста и главы петербургской школы славистов проф. В.Д. Андреева с его теорией этнокультурной общности славянских народов; полониста доц. М.П. Малькова с его постоянной темой «Ивашкевич и Россия», доц. М.Л. Бершадской, посвятившей свои изыскания освещению многих моментов русско-югославянских, словенско-русских связей; богемиста доц. И.М. Порочкиной — у нее две магистральные темы — «Л. Толстой и славяне» и «Масарик и Петербург»; доц. Т.Е. Аникиной, исследовавшей переводы М. Пуймановой и В. Незвала на русский язык; доц. Н.К. Жаковой, которая занималась проблемами восприятия Пушкина, Лермонтова, Тютчева в Чехии и отношением чешского классика В. Галека к русской литературе. Ее ученица Н.А. Стенина защитила кандидатскую диссертацию по теме «Восприятие Марины Цветаевой в Чехии», готовится к защите кандидатская диссертация «Чешское восприятие А. Фета» молодого специалиста, другой ее ученицы, А.А. Корзининой.

² Никольский С.В. Межлитературная славянская общность и проблемы синтеза в литературах эпохи национального возрождения // Специфика литературных отношений. Проблемы изучения общности славянских литератур. М., 1994. С. 76.

Опора на труды С.В. Никольского в этой сфере всегда была и остается доминирующей и наиболее плодотворной. Его выступление «Творческое восприятие художественного опыта другой литературы» состоялось в 1961 г. на известной конференции «Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур» в Институте мировой литературы. И затем на протяжении полувека шло неуклонное нарастание потенциала его идей по кардинальным проблемам российской компаративистики: выступления на Международных съездах славистов, на других международных форумах, на конференциях по связям в Институте славяноведения, завершавшихся изданием авторитетных сборников с обязательными программными статьями С.В. Никольского.

Разумеется, в изучении литературных международных связей мы опираемся на труды многих ученых. В том, что касается чешской литературы, — это работы Л.С. Кишкина, Л.Н. Будаговой, К.И. Ровды, С.А. Шерлаимовой и многих других в России; в Чехии это Ф. и С. Вольманы, Д. Кшицова, К. Крейчи, Ф. Паролек, И. Поспишил, В. Сватонь и другие; в общеславянском плане — работы Н.И. Кравцова и Д. Дюришина, — всех не перечислить. Однако для богемистов Петербурга главной путеводной нитью всегда были и остаются исследования С.В. Никольского.

Чрезвычайно насыщенным было участие Сергея Васильевича в пражских встречах по исследованию связей, в симпозиумах по чешско-словацко-советским литературным взаимоотношениям в Оломоуцком университете. Высокорезультативным было его многолетнее сотрудничество с коллективом оломоуцких русистов, возглавляемым проф. М. Заградкой, в ходе которого ставились и решались принципиальные вопросы существования и функционирования литературных связей, их причинной обусловленности и зависимости от конкретных условий бытования литератур, выносились на обсуждение новые подходы к освещению истории и периодизации литературных

отношений, делались открытия и находки. Все это привлекало внимание и ленинградских-петербургских славистов, которые тоже участвовали в этой работе.

Мне посчастливилось принимать участие в ряде симпозиумов в Оломоуце, а в 1988 г. присутствовать на церемонии присуждения Сергею Васильевичу Никольскому звания почетного профессора Оломоуцкого университета. Все было необычайно ярко и зрелищно: Сергея Васильевича облекли в мантию и квадратную шапочку с приподнятыми краями, торжественно провели через зал в сопровождении педелей с жезлами, поставили на подиуме и зачитали соответствующий указ — сначала на латыни, а затем на чешском языке. Потом последовала речь самого почетного доктора. Держался Сергей Васильевич, как всегда, очень просто, но вместе с тем независимо и с чувством собственного достоинства. Все присутствующие понимали, что честь, оказанная ему, абсолютно заслуженна и закономерна: никто не внес столько нового, научно-значимого, теоретически и практически развивающего в изучение чешско-русских литературных взаимосвязей, как он. В девяностые и двухтысячные появлялись все новые статьи С.В. Никольского по теории литературных взаимосвязей, которые дали импульс для нового витка богемистических и общеславянских исследований, вошедших затем в научный обиход и петербургских славистов.

Наконец, еще один аспект деятельности С.В. Никольского — научно-методический, укрепивший непосредственные контакты с ним петербургских славяноведов. Известно, что в начале 1970-х годов руководители кафедры славянской филологии ЛГУ П.А. Дмитриев и Г.И. Сафронов предприняли акцию, направленную на объединение сил и упрочнение позиций славистики в масштабах всей страны. Они задумали собрать всех разбросанных по разным городам славистов. Были разосланы письма во все университеты и педвузы страны (а ведь тогда еще не было никаких компьютеров!) с запросом о преподавании там славянских языков и других славистических дисциплин.

Вторым шагом стало приглашение всех этих преподавателей в Ленинград в 1971 г., на научно-методический семинар. Эта инициатива получила полную поддержку и одобрение со стороны С.В. Никольского. Когда в 1973 г. в ЛГУ проводилась первая всесоюзная конференция студентов-славистов, С.В. Никольский был ее почетным гостем и дал свое благословение подрастающей смене.

В этом аспекте следует рассматривать и участие С.В. Никольского в работе Научно-методического совета Министерства всеобщего и специального образования СССР в 1970–1980-е годы XX в. Выездные заседания совета под руководством методиста С.Д. Ордовской проходили по очереди в разных городах, несколько раз они собирались в Ленинграде. Неизменным их участником и руководителем по выработке программ преподавания славянских языков и литератур был С.В. Никольский. Тогда-то в значительной мере и завязались наши контакты с ним. Он стремился привлечь ленинградских славистов к участию в работе славистических конференций, проводившихся Сектором славянских литератур Института славяноведения. К счастью, эта традиция не прерывается и в наши дни, и петербургские слависты имеют прекрасную возможность прикоснуться к появлению новых веяний и направлений в изучении славянских культур и литератур у самого истока. Мы глубоко признательны Сергею Васильевичу за эту возможность и за такое внимание к нам.

Итак, наши взаимоотношения были всегда многообразны, активны, вдохновляющи, они способствовали объединению академической и университетской науки, вели к расцвету научного творчества.

Выдающемуся русскому ученому и человеку высокого духовного полета Сергею Васильевичу Никольскому Санкт-Петербургские слависты желают и дальше стоять у руля славистики, быть вперёдсмотрящим (оберегая нашу науку от подводных рифов и мелей), желают свежести научного дерзания, ощущения радости бытия и своей востребованности в жизни славистического общества.

*С.А. Шерлаимова***С.В. НИКОЛЬСКИЙ — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ
ЧЕШСКО-РУССКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ
ВЗАИМОСВЯЗЕЙ**

В 30-е гг. прошлого века нашей богемистике был нанесен тяжелейший удар искусственно сконструированным ОГПУ процессом с никогда не существовавшей так называемой «Российской национальной партией», которую обвинили в подрывной антисоветской деятельности и связи с белогвардейским зарубежьем и к которой причислили чуть ли не всех поголовно славистов: выдающихся ученых, академиков и многих рядовых работников гуманитарной сферы. Только что созданный в Ленинграде в начале 30-х гг. Институт славяноведения был закрыт. Целый ряд фигурантов насквозь фальшивого судебного процесса по «делу славистов» были расстреляны или осуждены на долгие сроки, а впоследствии полностью реабилитированы¹. Литературоведческая богемистика, имевшая в российской науке давние и прочные корни, пострадала в связи с «делом славистов» особенно сильно. Конечно, в нашей большой стране и в предвоенные годы оставались знатоки и переводчики чешской литературы, но её научное изучение практически было прервано. Положение начало меняться уже в годы войны. Так в 1943 г. (самый разгар войны) в Москве вышла в свет маленькая книжечка на плохой бумаге «Художественная литература славянских народов в переводах на русский язык» — библиографический указатель, созданный сотрудниками Государственной центральной библиотеки иностранной литературы под общей редакцией М.И. Рудомино. В том же 1943 г. произошло и очень важное для возрождения и развития славистической науки событие: была создана кафедра славянских языков и литератур в МГУ, началась

¹ Этот материал достаточно подробно освещён в монографии: Ашинин Ф.Д., Алтатов В.М. «Дело славистов»: 30-е годы. М., 1994.

подготовка кадров, призванных восстановить порушенное научное направление. К первому поколению восстанавливаемой литературоведческой богемистики принадлежит и Сергей Васильевич Никольский, его можно с полным правом назвать зачинателем научного изучения чешской литературы у нас после Второй мировой войны.

Я поступила в чешскую группу славянского отделения филологического факультета МГУ в 1945 г. В нашей группе было девять девушек, занятия по чешскому языку вела тогда совсем молодая Александра Григорьевна Широкова, которая сама ещё только одолевала чешские лингвистические премудрости. Обучение было особенно непростым потому, что у нас не было не только учебников по предмету (мы так и закончили факультет — без учебников; все правила записывали под диктовку), но не было словарей (один на всех — устаревший и потрепанный — лежал в «славянском кабинете»), не было даже элементарных печатных текстов — всё приходилось переписывать. Правда, чешские книги были в Ленинской библиотеке, отчасти и в нашей университетской, где мы очень скоро стали постоянными посетителями, а тогда, чтобы получить место в библиотеке, надо было занимать очередь до её открытия. Тем не менее почти все занимались с энтузиазмом. И на одном из первых занятий появился молодой человек в очках — аспирант — богемист Сергей Васильевич Никольский, который стремился усовершенствовать своё знание чешского языка. Однако он был гораздо более продвинутым в этом деле, чем вся наша группа, и скоро прекратил регулярные посещения наших занятий, но с того времени началось наше знакомство, затем перешедшее в сотрудничество.

Никольский был выпускником русского отделения, которое в то время было весьма сильным по составу преподавателей и давало хорошую научную и общеметодологическую подготовку. Перейдя на новую специальность, он должен был самостоятельно

освоить не только язык, но и весь корпус чешской литературы и чешской истории. Никольский работал очень много и упорно, результаты чего были очевидны уже тогда, когда он на недолгое время присоединился к нашей группе.

Курс истории чешской литературы нам начал читать Андрей Иванович Павлович. Теперь, когда изучены и опубликованы материалы «дела славистов», мы знаем, что он — преподаватель русского языка и опытный методист — тоже прошел через репрессии, обрушенные на вымышленную «Российскую национальную партию», а потом был полностью реабилитирован. Тогда мы ничего этого не знали. Я и сейчас не знаю, почему он стал заниматься именно чешской литературой. К занятиям он готовился очень прилежно, на лекции приходил с листочками, на которых его мелким почерком было записано краткое содержание произведений того или иного чешского писателя. Андрей Иванович был добрым и доброжелательным человеком, старался донести до студентов (в нашем случае — студентов) все свои новоприобретенные знания о чешской литературе. Теперь-то я понимаю, какого напряжения сил это от него требовало, понимаю, что неяркость его лекций объяснялась прежде всего тем, что литература вообще не была его специальностью, не говоря уже о том, после ЧЕГО он приступил к этой работе. А тогда, очарованные лекциями по русской литературе всеми любимого, артистичного и вдохновенного Николая Ивановича Либана, мы откровенно скучали «на Павловиче», не пытаясь скрыть этого. Сейчас я испытываю чувство стыда за нашу нечуткость. Но так было. Никольский лекций нам не читал, но он охотно говорил с нами о чешской литературе, делился своими знаниями. И если я избрала своей специальностью литературу, а не чешский язык, не лингвистику, тоже меня очень привлекавшую, то это благодаря не только Либану, но и Никольскому, в разговорах с которым поняла, что, конечно же, по сравнению с великой русской — «малая» чешская литература — интересна не только двумя-тремя получившими мировое признание писателями, но и всей своей драматической историей.

Живой интерес к чешской литературе и основательная подготовка по русской литературе и литературоведческой теории предопределили обращение Никольского к проблематике богатых чешско-русских литературных взаимосвязей. Для своей кандидатской диссертации, которую он вскоре с успехом защитил, он выбрал творчество Франтишека Ладислава Челаковского — поэта и учёного эпохи чешского национального возрождения, автора сборника «Отзвуки русских песен». Уже для этой первой серьезной научной работы Никольского было характерно стремление не ограничиваться разбором отдельного литературного текста, но рассматривать его в общем историческом и культурном контексте времени, хотя и тогда и впоследствии он внимательно относился к художественным особенностям литературного произведения, в том числе поэтического, что я хорошо помню по его замечаниям как редактора моей первой монографии «Станислав Костка Нейман» (1959).

Когда мне нужно было выбрать тему для курсовой работы по чешской литературе, Сергей Васильевич посоветовал мне заняться романами Карела Сабины. Я последовала этому совету и не пожалела об этом. Как писатель Сабина был не очень силён, из его художественного творчества больше известно либретто к опере Сметаны «Проданная невеста», но он интересен как литературный критик, как значительная, хотя и весьма противоречивая, фигура культурного и общеполитического процесса Чехии середины XIX в. Сабина был близким другом Карела Гинекса Махи, сразу же по достоинству оценил его поэму «Май» и отстаивал её в разгоревшихся вокруг неё жарких спорах. В чешской революции 1848 г. Сабина принадлежал к радикальному крылу, полемизировал с гораздо более умеренным Карелом Гавличком-Боровским, но когда тот в ходе борьбы, после поражения революции и усиления австрийской реакции изменил свою позицию, за что подвергся репрессиям, Сабина высоко его оценил. Через Сабину как активного общественного деятеля, острого публициста и чуткого литературного критика я пришла к замечательной поэзии Махи, Гавличек стал для меня одной из самых

ярких и любимых фигур чешской литературы, его творчеством я продолжаю заниматься до сих пор. А в начале была рекомендация Сергея Васильевича Никольского.

После создания Института славяноведения АН СССР (1946) Никольский возглавил в нём литературоведческое направление, продолжая специально работать над проблематикой чешско-русских литературных связей. В связи со столетием со дня смерти Н.В. Гоголя он вместе с Анной Петровной Соловьевой, написавшей кандидатскую диссертацию по творчеству Яна Неруды, подготовил обстоятельную статью «Гоголь и становление реализма в чешской литературе», которая была опубликована в «Кратких сообщениях» Института славяноведения АН СССР № 8 за 1952 г. Эта статья была замечена в Чехии. Известная чешская исследовательница русской литературы и чешско-русских связей Иржина Таборская, хотя и высказала некоторые замечания, в целом оценила её как «первую попытку включения опыта Гоголя в чешский литературный процесс»².

Но Сергей Васильевич Никольский стал известен и признан в Чехословакии гораздо раньше, когда здесь в виде отдельной брошюры было издано на чешском языке его предисловие к опубликованным у нас переводам из Карела Чапека. Поскольку в настоящем сборнике есть специальная статья о Никольском как исследователе Чапека, я не буду подробно об этом писать, подтверждаю только, что издание этой брошюры, где Карел Чапек, в соответствии с действительностью и с тем, как он воспринимался в СССР накануне войны, оценивался как антифашист, оказалось как нельзя более своевременным, противостояло ложным обвинениям в адрес этого мужественного и прозорливого писателя и открыло путь к переизданию его сочинений на его родине. Могу лично засвидетельствовать, что с тех пор в Чехии ни одно из появлений Никольского на каких-либо научных заседаниях или публичных собраниях не обходилось без того, чтобы кто-нибудь не

² *Táborská J. Gogol v české literatuře čtyřicátých a padesátých let. Čtvero setkání s ruským realizmem. Praha, 1958. S. 87.*

припомнил этого важного вклада нашего учёного в справедливое восприятие чехами своей отечественной литературы, в восстановление достойного отношения к Чапеку — большому художнику, смотревшему далеко вперед.

Выше я писала о том, что для Никольского с его самых первых работ было характерно стремление рассматривать литературные факты в широком историческом и общественном контексте. Обращение к проблематике чешско-русских литературных связей также в значительной степени объяснялось этим стремлением. Если Иржина Таборская увидела в работе Никольского и Соловьевой о Гоголе и становлении чешского реализма попытку «включить» опыт великого русского писателя в развитие чешского литературного процесса, то очевидно, что Никольский сторонится изоляционизма в анализе чешской литературы, старается «включать» её опыт в общее развитие мировой литературы, применять к чешским авторам сравнительный подход, сопоставляя их достижения прежде всего с опытом литературы русской. Я хотела бы обратить внимание ещё на одну характерную черту исследовательской методики Никольского, которая присуща как его трудам по чешско-русским связям, так и ко многим другим. Речь идет о том, что Никольский постоянно пытается постичь «метафизику» художественного произведения, не ограничиваться внешним описанием или детальным анализом отдельных художественных приемов. Его интересует возможный скрытый смысл авторского высказывания, образа, метафоры. Так, занимаясь творчеством рано ушедшего из жизни талантливого чешского поэта начала 20-х гг. XX в. Иржи Волькера³, он попытался с помощью метафорического ключа прочитать название его первого сборника «Гость на порог» (1921). Название это происходит от пословицы: «Гость на порог — Бог на порог». Но ведь именно во время написания стихотворений этого сборника Волькер сближается с революционным движением. Революция почти что на пороге — почему же

³ См., например, книгу: *Никольский С.В. Две эпохи чешской литературы*. М., 1981.

поэт намекает на «гостя» — по пословице — Бога? Никольский в начале работы над творчеством Волькера увидел в этом зашифрованный образ революции. Я вспоминаю, как он в пражском клубе писателей беседовал на эту тему с поэтом и критиком, другом Волькера А.М. Пишей, который увидел в такой трактовке преувеличение. Некоторое преувеличение, бесспорно, имело место, впоследствии Никольский формулировал это соображение гораздо осторожнее, но всё же и в его тогдашней трактовке заглавия сборника было подмечено нечто очень важное: предчувствие революционных перемен — а как ещё юный поэт, родившийся и выросший в сугубо религиозной Моравии, мог это выразить, если даже А. Блок в «Двенадцати» обратился к образу Христа!

В подходе Никольского к анализу чешской литературы и таких её ярких представителей, как Челаковский, Волькер, Чапек, Гашек, присутствует нечто родственное тому, что сегодня называется «расследовательской журналистикой»; по аналогии можно было бы сказать, что в его методике присутствует известная склонность к «расследовательскому литературоведению». Это особенно наглядно проявилось в его монографии «История образа Швейка. Новое о Ярославе Гашеке и его герое» (1997). И до Никольского было известно, что в австро-венгерской армии в период Первой мировой войны существовал некий солдат по имени Йозеф Швейк. Чешский автор Я. Веселый писал о вроде бы имевшем место знакомстве этого Швейка с Гашеком. Но это был всего-навсего рассказ о факте без подробностей. Сергей Васильевич подошёл к вопросу о судьбе реального солдата Швейка со всей «дотошностью» исследователя. В пражском Военно-историческом архиве он подробно изучил материалы о чехословацком корпусе в России, по документам проследил весь путь по российским просторам и Ярослава Гашека, и реального солдата (ефрейтора запаса) Йозефа Швейка, который должен был повторить и Швейк романский. Он также установил, что на пражских Виноградах Швейк жил в доме рядом с трактиром «У чаши», а в русском плену писатель Гашек и солдат Швейк в одно время находились

в близких местах и значит вполне могли встречаться. Это «расследование» не просто занятно и убеждает нас, что в какой-то мере Гашек мог своего героя «писать с натуры». Пристальное внимание ко всем этим подробностям помогает глубже понять и творческую манеру автора знаменитого романа и его взгляды на действительность. Никольский уточняет, что «было бы наивно думать, будто Швейк в рассказах Гашека, не говоря уже о повести и романе, просто и есть зарисовка реального Швейка»⁴. «Дальше уже простиралась необозримая и бурная работа гениального творческого воображения писателя»⁵.

Никольский — исследователь чешско-русских связей и в области литературы, и в области перипетий истории. Но он очень много сделал и в практической работе по развитию этих связей, в деле популяризации чешской литературы в России. Он организовывал работу над изданной в 1959 г. трехтомной антологией чешской поэзии XIX–XX вв., участвовать в составлении и комментировании которой вместе с А.П. Соловьевой и Л.С. Кишкиным довелось и мне. Сергей Васильевич написал большое предисловие к антологии — по существу, это был краткий очерк развития чешской поэзии от её истоков до 50-х гг. XX века. Основным поэтическим редактором был тогда ещё молодой и совсем не знаменитый Давид Самойлов. Впоследствии мне — и в соавторстве, и индивидуально — не раз приходилось готовить разные антологии чешской и словацкой поэзии, сборники избранных произведений отдельных чешских и словацких поэтов, но, по моему мнению, антология 1959 г. по строгости отбора произведений и качеству переводов до сих пор остается почти что недостижимым образцом. И в этом была заслуга не только не щадившего своего времени и таланта поэтического редактора и остальных работавших со всей тщательностью участников проекта, но и большая заслуга Никольского как организатора. Никольский руководил в нашем институте работой над

⁴ Никольский С.В. История образа Швейка. Новое о Ярославле Гашеке и его герое. М., 1997. С. 100.

⁵ Там же. С. 107.

объемным и содержательным коллективным трудом «Очерки истории чешской литературы XIX–XX веков» (1963), заботясь о том, чтобы был учтён опыт написания историй русской литературы, проводились сопоставления русских и чешских литературных произведений и писательских фигур: если не прямо в тексте, то в подтексте — при определении ценности того или иного литературного явления или события. Деятельное участие он принимал в создании в 1990-е гг. в Институте славяноведения РАН трехтомной «Истории западных и южных славян» от самого начала до 1945 г., в которой чешской литературе были посвящены специальные главы. И ещё я хотела бы назвать подготовленную во Всероссийской государственной библиотеке иностранной литературы им. М.И. Рудомино, рассчитанную и на специалистов и на широкий круг читателей интересную книгу «Прага. Русский взгляд. Век восемнадцатый — век двадцать первый» (2003). Н.Л. Глазкова составила её из описаний чешской столицы в корреспонденции посещавших её в разные времена самых разных русских людей: от Екатерины Дашковой и Бенкендорфа, от великих писателей (Гоголь, Достоевский, Толстой), художников, музыкантов до современных литературоведов и артистов. А научным редактором и автором содержательной вступительной статьи «О Праге и чешской культуре» выступил С.В. Никольский.

В настоящей статье я смогла назвать лишь некоторые, с моей точки зрения, показательные работы, которые характеризуют разностороннюю деятельность Сергея Васильевича Никольского — на сегодняшний день патриарха нашей литературоведческой богемистики, во многом определившего её научную направленность, в том числе и изучение в Институте славяноведения РАН чешско-русских литературных взаимосвязей с эпохи национального возрождения до наших дней. Это важное научное направление и сегодня продолжает успешно развиваться.

Е.Н. Ковтун

ДВЕ ЭПОХИ СЛАВЯНСКОЙ ФАНТАСТИКИ

В многогранной научной деятельности Сергея Васильевича Никольского — историка литературы, компаративиста, популяризатора — есть страница, не часто упоминаемая в специальных славистических работах, но от этого не менее интересная. Речь идет о раскрытии проблематики, связанной со славянской и, шире, европейской фантастической прозой и драматургией XX столетия.

Истоки интереса к данной теме понятны. Они кроются в творчестве, пожалуй, главного для С.В. Никольского объекта изучения — классика чешской и мировой литературы Карела Чапека¹. Анализ поэтики чапековских романов и пьес 1920–1930-х годов побуждает исследователя обратиться к закономерностям построения фантастических сюжетов. Это, в свою очередь, ставит широкий спектр вопросов — от причин обращения Чапека к фантастике до связей писателя с европейскими и мировыми фантастическими «трендами» его эпохи. Увлечение последней темой в дальнейшем способствует расширению исследовательского поля, поиску аналогий и скрытых параллелей между творчеством К. Чапека и М. Булгакова, а также Г. Уэллса, А.Н. Толстого и иных фантастов².

¹ См. работы С.В. Никольского: Фантастические произведения Карела Чапека // Карел Чапек. R.U.R. Средство Макропулоса. Война с саламандрами. Фантастические рассказы. М., 1966. С. 5–23.; Карел Чапек — фантаст и сатирик (послесловие) // Библиотека современной фантастики. Том 11. Карел Чапек. М., 1967. С. 251–271; Роман К. Чапека «Война с саламандрами» (Структура и жанр). М., 1968; Карел Чапек: Сто лет со дня рождения. М., 1990.

² См., напр.: Никольский С.В. В зеркале иронии и сатиры: скрытые мотивы и аллюзии в прозе М.Булгакова // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т.54. 1995. № 2. С. 51–57; Никольский С.В. На грани метафор и аллюзий (О некоторых зашифро-

Подчеркнем, что данная проблематика рассматривалась С.В. Никольским преимущественно в 1970–1980-х годах, когда отечественное фантастоведение еще переживало эпоху становления. Положение фантастики и занимающихся ее исследованием специалистов даже в «позднем» СССР оставалось двойственным. С одной стороны, власти вполне осознавали интеллектуальный потенциал фантастики, ее роль в воспитании молодого поколения. Существовали специальные структуры, объединяющие авторов и исследователей фантастических текстов в рамках Союза писателей, действовала сеть клубов любителей фантастики (КЛФ)³. Издавались критические работы об отдельных фантастах и их книгах, было написано несколько обзорных исследований по истории российской фантастической литературы⁴.

С другой стороны, фантастика несла в себе не слишком желательную для той эпохи содержательную и формальную оппозиционность. Поиск новых тем, выдвижение смелых гипотез, художественный эксперимент плохо вписывались в систему официальных норм социалистического реализма. Социально-философская фантастика (а эта ветвь научно-фантастической прозы была ведущей в описываемый период) подчас задавала острые вопросы о состоянии и перспективах развития общества. Не в последнюю очередь поэтому многие талантливые писатели, прибегавшие к фантастике и иным типам вымысла, долгое время оставались за рамками советской литературы

ванных местах в антиутопиях Булгакова) // Известия РАН. Сер. Литература и язык. Т. 58. 1999. № 1. С. 11-19; Никольский С.В. Над страницами антиутопий К. Чапека и М. Булгакова (Поэтика скрытых мотивов). М., 2001.

³ Подробнее см.: Осипов А.Н. Фантастика от «А» до «Я» (Основные понятия и термины): Краткий энциклопедический справочник. М., 1999.

⁴ См., напр.: Бритиков А.Ф. Русский советский научно-фантастический роман. Л., 1970.

(М. Булгаков, Е. Замятин, А. Платонов) или публиковались в недостаточном для удовлетворения читательского спроса объеме (А. и Б. Стругацкие).

Аналогичная двойственность прослеживалась и в науке. Категории «фантастика» и «фантастическое» занимали почетное место в литературных энциклопедиях и словарях, где подчеркивалась их принадлежность к базовым характеристикам художественного текста. Плодотворность фантастической образности не подвергалась сомнению применительно к творчеству классиков XIX столетия, от Н.В. Гоголя до Ф.М. Достоевского. Однако работ о природе фантастики, об исторической изменчивости ее типов и форм, а также системных исследований фантастической литературы различных эпох, в том числе современной, существовало крайне мало — фантастика как особая *область* художественной литературы не считалась достойной серьезного научного интереса. Господствовала (актуальная, впрочем, и поныне) мысль о низком качестве большинства «рядовых» фантастических текстов и, соответственно, об их несостоятельности в качестве объекта литературоведческой интерпретации.

Тем более значимым представляется ныне вклад в развитие российского фантастоведа — в конечном итоге превративший его в самостоятельную отрасль филологической науки — немногих профессионалов, теоретиков и историков литературы. С.В. Никольский занимает в их ряду достойное место: его монография «Карел Чапек — фантаст и сатирик» (1973) вполне сопоставима со ставшими классическими для современных исследователей трудами Ю.И. Кагарлицкого «Что такое фантастика?» (1974) и Т.А. Чернышевой «Природа фантастики» (1984).

К сожалению, в силу принадлежности к также достаточно замкнутой научной сфере славистики, равно как и сосредоточенности на творчестве одного автора, менее известного отечественным любителям фантастики, нежели собственные или западные

(англоязычные) кумиры, эта монография С.В. Никольского, да и другие его работы с аналогичной проблематикой, не часто упоминаются в специальных фантастоведческих изданиях. Тем более необходимым мы считаем констатировать ныне, что без учета этих работ невозможно ни серьезное изучение европейской фантастической литературы XX в., ни аргументированная позиция в дискуссиях о синтезе различных типов вымысла в рамках художественного текста — в частности, о соотношении понятий «фантастика» и «утопия», «фантастика» и «сатира» — ни чтение университетских курсов по теории и истории фантастики.

Отдавая дань уважения научной деятельности С.В. Никольского-фантастоведа — и заимствуя заглавную идею другой не менее известной его работы «Две эпохи чешской литературы» (1981), попытаемся в данной статье сопоставить состояние дел в российской и, шире, восточноевропейской (преимущественно славянской) фантастике двух исторических периодов: 1970-х годов (время написания книги о Чапеке-фантасте) и нынешней (ограничим ее условно 2000-ми годами)⁵.

Любые обобщения многомерных литературных процессов, разумеется, относительно. Не претендуя на исчерпывающую полноту охвата материала, мы сосредоточимся, во-первых, на «усредненной» характеристике наиболее приметных индикаторов состояния избранной сферы художественной словесности: лидирующем типе фантастической прозы, круге популярных авторов, специфике «собственной» фантастической традиции в противоположность широко понимаемой «западной», масштабе и цензурных условиях издания фантастических произведений. Во-вторых, конечно,

⁵ Избранные десятилетия, по сути дела, наглядно демонстрируют закономерности более широких периодов. Фактически, нам придется вести речь о различиях «доперестроечной» (1960–1980-е) и «постперестроечной» (1990–2000-е годы) фантастики.

нас будут интересовать особенности самих фантастических текстов (проблематика, система персонажей, жанровая структура)⁶.

Сближает 1970-е и 2000-е годы, пожалуй, то, что оба десятилетия представляют собой периоды достаточного благополучия — если не расцвета — фантастики: в первом случае советской (точнее, социалистических стран), во втором — новейшей, чье становление пришлось на вторую половину 1990-х годов. И в том и в другом случае перед нами внекризисные (или посткризисные) хронологические отрезки с определенной «системой фантастических координат» — требований, предъявляемых к фантастике издателями и читателями.

Однако на этом сходство кончается. Напротив, интересным сопоставлением данных десятилетий делает именно различие в смысловых и художественных приоритетах.

Не будем много говорить о разнице самих литературных эпох — она достаточно хорошо описана

⁶ Подробно и поаспектно, с анализом соответствующих художественных текстов, данная проблематика раскрыта в наших работах: Основные тенденции развития фантастики славянских стран в 1990-е годы (чешско-польско-русские параллели) // Литература, культура и фольклор славянских народов: XIII Международный съезд славистов (Любляна, август 2003): Доклады российской делегации. М., 2002. С. 285–299; Фантастика в эру постмодернизма: русская и восточноевропейская фантастическая проза последней трети XX столетия // Славянский вестник: Вып. 2: К 70-летию в. П. Гудкова. М., 2004. С. 498–512; Новые горизонты фантастики: science fiction и fantasy в постсоциалистическом пространстве (на материале русской и иных славянских литератур) // Письменность, литература и фольклор славянских народов: XIV Международный съезд славистов (Охрид, 10–16 сентября 2008 г.): Доклады российской делегации. М., 2008. С. 228–243; Постсоветская фантастика: приобретения и потери // Иные времена: эволюция русской фантастики на рубеже тысячелетий. Челябинск, 2010. С. 43–68.

в учебниках. Разумеется, в первом случае мы имеем дело с литературой режимной, нормативной, обладающей четко выстроенной иерархической структурой и направляемой «сверху» в рамках целевой задачи по внедрению в массы идеологических установок социализма. Писатель здесь мыслится пророком, воспитателем и гражданином, ему (при тиражировании нужных идейных схем) гарантированы авторитет и обеспеченное существование. Литературное творчество престижно, читатель охотно идет на контакт с кумиром и задает ему вопросы о житейских проблемах и творческих планах.

Фантастика в рамках данной структуры трактуется как явление маргинальное (в сопоставлении, например, с правильно ориентирующей умы социально-психологической прозой), но в то же время — при верной цензурной политике — полезное и востребованное образованной публикой (см. выше). Встречи фантастов с читателями нередко перерастают в дискуссии с философским уклоном: от пресловутого «есть ли жизнь на Марсе» до «в чем смысл существования Вселенной».

Во втором случае перед нами эпоха литературной «демократии», «плюрализма», функционирования «естественной парадигмы» жанровых форм — но с жестким коммерческим подтекстом. Писатель в ней внешне — личность, индивидуальность, субъект, наделенный даром слова. Его задача видится в использовании дара для создания прихотливых новаторских (просится на язык бюрократическое «инновационных») художественных текстов, способных заинтересовать избалованного читателя чем-то сложным, свежим, не придуманным до сих пор. При более пристальном взгляде, однако, писатель предстает заложником конъюнктуры книжного рынка и рабом издателя, прогнозирующего развитие коммерческого спроса с помощью финансового аудита и анкетирования потребителей. Автор все больше превращается в шоумена, с различных подиумов рекламирующего

собственную продукцию, изготовленную под бдительным взором уже не цензора, но редактора. Зритель же проявляет избирательность и строптивость — заставить себя услышать современному писателю нелегко.

Фантастика в наши дни преимущественно предстает как разновидность «массового чтения», призванного удовлетворить запросы широкого нетребовательного читателя в развлечении — при отсутствии поблизости социальных сетей и компьютерных игр. Круг ее поклонников (с учетом выгод интернет-общения) растет, но их запросы претерпевают кардинальное изменение. Интеллектуальный эксперимент вытесняет авантюрная схема; ожидание серьезности (социальной значимости) проблематики сменяется требованием замысловатости сюжета, яркости вымышленного мира, четкости (до примитивности) морального кодекса персонажей. Оформление действия и вовсе трансформируется до неузнаваемости: без оговорок применить один и тот же термин «фантастика» к типичным текстам 1970-х и 2000-х годов решится не каждый исследователь.

Посмотрим, в чем конкретно воплотились перемены. Наиболее выразительным при сопоставлении двух эпох предстает коренное различие доминирующего типа фантастической прозы, задающего «вертикаль» ее развития. В 1970-е гг., как и на протяжении большей части XX в., безусловно главенствует так называемая научная фантастика (НФ), или фантастика рациональной посылки. Ее главным признаком является содержащаяся непосредственно в тексте мотивировка фантастического допущения, *не противоречащая научной картине мира*. Разумеется, о «научности» литературного текста можно и должно спорить — и дискуссии об «особом научно-художественном методе НФ» действительно длились десятилетиями. Но они не меняют главного: фантастика данного типа вписывает необычайное в привычное реалистически изображаемое окружение — и в русле здравого смысла (если и не научного мышления) исследует перспективы

развития вполне реальных (или потенциально возможных) явлений и процессов.

Традиционная проблематика НФ (в особенности ее социально-философской «ветви») состоит в попытках предугадать облик грядущего, в рассмотрении социальных последствий научных открытий и изобретений, оценке состояния общества на разных этапах его существования, помещении истории человечества в контекст рационально осмысляемой истории мироздания. До сих пор у читателей старшего поколения понятие «фантастика» вызывает привычный круг ассоциаций: звездолеты, роботы, колонизируемые землями галактики, духовный облик наших современников и потомков и т.п. Данную проблематику и персонажей без труда можно обнаружить в книгах ведущих фантастов позднесоциалистической эры — советских (И.А. Ефремов, А. и Б. Стругацкие, К. Булычев, С. Павлов, А. Мирер и многие другие) и инославянских (С. Лем, К. Борунь, Й. Несвадба, О. Нефф, П. Вежинов и т.п.).

Итак, без дополнительных уточнений термин «фантастика» в 1970-е годы обозначал НФ, эпитеты же приходилось подыскивать для прочих типов вымысла. К произведениям, не укладывающимся в рамки научной картины мира (а время от времени появлялись — или переиздавались — и такие) применялись определения «волшебная», «сказочная», «фольклорная», «чистая» фантастика, «фантастический гротеск» и более сложные описательные конструкции. Если же к фантастической образности рисковал прибегать признанный мастер советской литературы (например, Чингиз Айтматов), говорили о «мифологический фантастике», «фантастическом реализме», «формальной фантастике искусства». Последняя формулировка означала: пусть и в фантастической форме, и вне научной парадигмы, но повествует живой классик о вечном — и вообще не фантастика тут важна.

Суть эвфемизмов, если отвлечься от деталей конкретных полемик, сводилась к несложному

противопоставлению «прогрессивной» и «современной» (интерпретируемой порой и как прообраз литературы будущего) научной фантастики всей прочей (фольклорно-сказочной «народной», оцениваемой в ретроспективе положительно, — или же «авантюрной» и «черной» западной, трактуемой как одна из примет «загнивания капитализма»).

И все же подобное противопоставление имело не только пропагандистский характер. Оно отражало в том числе и объективно существующее различие фантастических традиций, в самом общем плане могущих быть обозначенными как «западная» и «восточная». При этом под восточной следовало подразумевать фантастическую литературу стран социалистического содружества, под западной — англоязычную (англо-американскую) фантастику. Две традиции различались в том числе в структурном плане: в западной примерно на равных были представлены оба основных типа фантастики — научная (*science fiction*) и фэнтези (*fantasy*), — но главным образом в проблематике и оценке изображаемого.

Восточноевропейский фантаст в социальных прогнозах исходил из эволюционного (в 1970-е годы уже чаще, чем революционного) движения человечества к коммунизму, что порождало оптимистические картины вселенского братства разумов в духе Великого Кольца И.А. Ефремова и осмысленного бытия в декорациях «мира Полудня» ранних А. и Б. Стругацких. Заокеанскому собрату облик грядущего рисовался скорее пессимистично: неудержимая экспансия человека (и человеческого, не чуждого даже инопланетянам) в космос, приводящая к схваткам с обитателями других звездных систем и междоусобицам галактических империй; экологическая катастрофа как следствие погони за сиюминутной экономической выгодой и т.п. Эмоционально-мировоззренческое противостояние, метко охарактеризованное теми же Стругацкими в одном из романов как Железная стена, разделяющая «Мир Гуманного Воображения» и «Мир Страхы Перед

Будущим», распространялось и на научную терминологию. «Капиталистический» фантаст раскрывал мрачные предчувствия в формате антиутопии, его социалистический коллега в случае трагического финала объявлялся автором «романа-предупреждения».

Железная Стена (несмотря на коммуникационную амбразуру, сквозь которую герой Стругацких вел беседу с типичным персонажем американской *science fiction*), в отличие от Железного Занавеса, оказалась добротной архитектурной конструкцией. Даже рухнув, подобно Берлинской, в начале 1990-х годов, она тем не менее породила сейсмические волны, ощутимые в восточноевропейской фантастике и поныне. Главных последствий ее существования — и разрушения — оказалось два. Во-первых, долгие годы подавляемый и оттого сделавшийся неудержимым интерес «здешнего» читателя к «тамошним» авторам (казавшимся по причине невозможности детального знакомства сплошь яркими и оригинальными). Во-вторых, не угасшая и сегодня тяга жителя постсоветского пространства к квинтэссенции западного вымысла — «Великой и Ужасной» *fantasy*.

Добавим к этому «усталость» от вездесущей собственной НФ, равно как и престижность всего зарубежного, в особенности заморского, для культурного поля России и Восточной Европы в 1990–2000-е годы, и без труда получим общие контуры нового облика фантастики этого региона. Англоязычные псевдонимы собственных авторов и шквал плохих переводов американских и прочих «классиков жанра» в начале демократической эры. Затем — вполне успешное обретение (для соответствующих языков уже в кириллической графике) собственной традиции фэнтези.

Фантастика этого типа не обременяет себя мотивировками необычайного. Будучи прямым потомком мифа, легенды и волшебной сказки, она обращается к присутствующим в читательском сознании наравне с научной картиной мира (увы, в новейшие времена все чаще хочется констатировать: вместо нее)

«мифопоэтическим» представлениям об одухотворенном, нравственно ориентированном Космосе, созданном сверхъестественными силами Добра в извечной борьбе со столь же трансцендентным Злом. И в данной трактовке бытию присуще направленное движение — но уже не к высотам научно обоснованной социальной справедливости, а к посрамлению Хаоса и вершинам реализации замысла Провидения.

И вот уже дополнительные определения требуются отнюдь не данной, но всем прочим разновидностям фантастической прозы. В 2000-е годы (и сейчас) понятие «фантастика», используемое без уточнений, для большинства читателей означает «фэнтези». Ситуация изменилась до идеально противоположной. В 1970-е *fantasy* пребывала под запретом и на социалистическом пространстве пыталась выжить под видом сказки, притчи, мифа, иронии и сатиры («Белка» А. Кима, «Шел по городу волшебник» Ю. Томина, «Барьер» П. Вежинова, «Альтист Данилов» В. Орлова, «Кролики и удавы» Ф. Искандера, «Яйцо наизнанку» О. Неффа), а подчас и самой «научной фантастики» («Маска» С. Лема). Ныне остатки НФ нередко маскируются под приключения, мелодраму, боевик («Черновик» С. Лукьяненко, «Мост Верразано» А. Мирера, «Пещера» М. и С. Дяченко, «Тьма 2.0» О. Неффа и т.п.).

Проблематика фантастики 1970-х ее сестрой ХХI в. почти забыта. Место научного прогресса и демонстрации мощи интеллекта прочно заняла магия, воистину «перпетуум мобиле» нынешних фантастических сюжетов. Творить чудеса «здесь и сейчас» оказалось выигрышней, нежели постепенно совершенствовать технологии. Впрочем, фэнтези 2000-х гг. не менее охотно, чем ее предшественница, обращается к иным временам и мирам, в том числе планетам других звезд. Однако там, где фантаст семидесятых ожидал встретить дружественного собрата по разуму (или вооруженного лазером осьминогоподобного монстра), нынешний склонен углядеть земное псевдосредневековое

с борьбой феодальных кланов, прибегающих к услугам волшебников — совсем как наемников времен Тридцатилетней войны. Таков, например, мир цикла о ведьмаке Геральте А. Сапковского, вероятно, наиболее известного в 1990–2000-е годы из фантастов Восточной Европы.

Если научный «декор» и появляется в современном фантастическом тексте — или его сюжет оказывается вписан в привычный читателю мир — это вовсе не означает обязательной серьезной постановки проблем. Скорее всего современный быт, да и секретные лаборатории, станут лишь фоном приключенческого повествования с погонями, схватками и благородной миссией главного героя по спасению человечества (вариант: поддержанию существующего миропорядка). Чаще всего и в данном контексте появится магия — едва ли не на правах природного закона, еще не изученного до конца⁷. Так происходит в двух самых популярных циклах российской фантастики 2000-х годов — «Дозорах» С. Лукьяненко и «Тайном городе» В. Панова. «Немагическую» же версию приключенческого сюжета с псевдонаучным, точнее, в формальных традициях НФ воссозданным фоном (ближнее будущее, последствия ядерной войны) демонстрирует еще один культовый цикл — «Метро» Д. Глуховского.

В изменившихся декорациях вымышленного мира прочно обосновался новый герой. На смену ученому или землянину, в научной фантастике несшему весть о земной цивилизации жителям иных планет, пришел странник, путник, нередко маргинал, пересекающий просторы фэнтезийных миров в поисках волшебного артефакта, всеобщей справедливости или разгадки тайны собственного бытия. В окружении центрального персонажа уверенно обжились эльфы

⁷ Подробнее об этом см.: Ковтун Е.Н. Рациональность магического: фантастическая посылка на рубеже тысячелетий // Слов'янська фантастика. Збірник наукових праць. Київ, 2012. С. 15–38.

и гномы, домовые и русалки. В противовес (а точнее, в параллель) западной эпической фэнтези, олицетворяемой эпопеей Дж.Р.Р. Толкиена, с середины 1990-х гг. стали предприниматься попытки обзавестись собственной аналогичной традицией, обобщенно именуемой «славянской». Сейчас, по прошествии почти двух десятилетий, пожалуй, ясно, что достойной альтернативы создать не удалось. Несмотря на отдельные успехи («Волкодав» М. Семеновой, трилогия о богатыре Жихаре М. Успенского), большая часть подобной прозы оказалась низкого качества и удостоилась заслуженной критики⁸.

Впрочем, новизна героя фантастики XXI в. по сравнению с ее предшественницей из XX столетия относительна. Скорее приходится говорить о новой маске традиционного персонажа. Перед нами все тот же супермен и защитник обиженных, пришедший из западной приключенческой литературы (а ныне еще и голливудских блокбастеров). Западная ориентация и ныне, в начале 2010-х годов, продолжает доминировать в восточноевропейской фантастике. Собственный облик удастся сохранять — отчасти — лишь российской и русскоязычной украинской фантастической прозе.

Различна в сопоставляемых эпохах и жанровая структура фантастических произведений. Традиционной для НФ XIX–XX вв. всегда считалась короткая форма. Научно-фантастический рассказ (или небольшая

⁸ Нам уже доводилось по данному поводу цитировать известное эссе А. Сапковского: «Неожиданно в нашей *fantasy* стало славянско, пресно и квасно, похотливо, кисло и льняно. Своиски... И что нам Конан, у нас есть родимые вояки, именуемые, разумеется, столь же по-родному: Вареник, Збилог, Пэрог, Котей, Потей, Заграй, Сыграй, Прибей и Заметай! И двинулись эти Вареники от мызы к мызе, конечно, зигзагами, двинулись через леса, дубравы и велесы... через нивы буйные и степи, поросшие бурьяном и хреном, через святые гаи и ручьи...» (Сапковский А. Вареник, или Нет золота в Серых горах // Если. 1997. № 12. С. 238–239).

повесть) давал возможность лаконично обрисовать открытие и изобретение, сообщить читателю о необычайном эксперименте и т.п. Классическими в данном смысле являются рассказы популярного в первой половине прошлого столетия А. Беляева (например, из цикла «Изобретения профессора Вагнера»). Исключение на ранних этапах развития научной фантастики составляли, правда, романы Жюль Верна и его редко вспоминаемых ныне современников (например, т.н. «астрономические романы» К. Фламариона). Но при внимательном взгляде в их композиции виден новеллистический принцип, расширенный за счет многостраничных описаний (путешествий, например, флоры и фауны океана в «Двадцати тысячах лье под водой» и др.) или несложной приключенческой схемы.

Так обстояли дела, однако, лишь когда речь шла об одной из двух главных разновидностей НФ — «научно-технической», или «твердой», ориентированной на преимущественное изображение исследовательского поиска как такового. Но если вести разговор о другой ее «ветви», социально-философской фантастике, то в ней жанр романа доминировал исконно (со времен Г. Уэллса). Это понятно: данная «ветвь» исследует общественные и цивилизационные следствия научно-технического прогресса, изучает закономерности развития человечества. Масштабная эпическая форма необходима ей для развернутых описаний вымышленных социальных структур. Нередко при этом используются сюжетные схемы утопии. Здесь уместно вспомнить и «Создателя звезд» О. Степлдона, и «Войну с саламандрами» К. Чапека, из послевоенных книг — романы И.А. Ефремова и С. Лема.

Обобщая, можно сказать, что жанровая палитра фантастики второй половины XX столетия (в том числе 1970-х годов) была достаточно разнообразной — при относительном доминировании малых жанров (рассказ, повесть, сборник рассказов и повестей). Правда, при обсуждении данной темы следует принимать во внимание еще и законы издательской

политики, в СССР, например, достаточно четко лимитирующие, что именно (в каком жанре) и каким тиражом мог опубликовать, начинающий, маститый, ведущий и т.п. писатель.

С выходом российской фантастики из кризиса во второй половине 1990-х годов жанровая ситуация в ней изменилась радикально. В силу в основном вне-литературных (рыночно-коммерческих) причин на первое место с большим отрывом от иных форм вышел жанр романа — впрочем, данное обозначение применительно к большинству современных фантастических текстов условно и характеризует скорее фиксированный объем текста, нежели масштаб изображения или особенности художественной структуры. В 2000-е годы число вновь издаваемых фантастических романов в России ежегодно доходило до (или превышало) 500 — количество, немыслимое в прежние времена⁹. Рост числа первоизданий, правда, сопровождался существенным (по сравнению с советским периодом) сокращением тиражей. Однако проблема доступности текста и удовлетворения читательского спроса, столь значимая прежде, ныне оказалась практически снятой — как из-за коммерциализации книжного рынка, так и благодаря бесплатному распространению электронных версий фантастических книг в российском секторе Интернета.

Однако этим перемены в системе жанров фантастики не исчерпываются. Доминирующим в современной отечественной фантастической прозе является не роман, но романная серия (отчасти это ощутимо

⁹ В других славянских странах ситуация не столь однозначна; жанр рассказа в них вполне сохраняет свои позиции. Однако применительно к большинству инославянских литератур проблема заключается в другом: в последние десятилетия собственные тексты там не смогли составить устойчивую конкуренцию западным переводам — так что говорить о сложившейся жанровой системе «аутентичной» фантастики непросто. Впрочем, данный вопрос, безусловно, требует отдельного изучения.

и в польской — упомянутая эпопея А. Сапковского, и в украинской русскоязычной фантастической традиции — циклы Г.Л. Олди, О. Громыко), объединенная общностью персонажей и (или) вымышленного мира. Подобная жанровая форма призвана удовлетворить запросы «массового» читателя, которому вновь и вновь хочется встречать на страницах книг любимых героев или приглянувшуюся ойкумену. Кроме того, мысленное «вхождение» в продолжение понравившегося романа значительно экономит интеллектуальные усилия потенциального потребителя — а значит, повышает спрос. В данном смысле романном «сериалам» сродни и вторая лидирующая форма издательской продукции — книжные серии (скажем, межавторский цикл S.T.A.L.K.E.R., эксплуатирующий идею возникновения мутагенной зоны после аварии на Чернобыльской АЭС и фантастические мотивы «Пикника на обочине» А. и Б. Стругацких). Все эти жанровые формы, разумеется, отнюдь не являются ни новым, ни российским изобретением. Серийность устойчиво присуща «массовой» литературе нетоталитарных социумов. В нашем случае достаточно вспомнить американские фантастические серии 1930-х годов (сагу о Конане Р. Говарда или «космические оперы» Э.Э. «Дока» Смита). Увы, неизбежным следствием установки на «сериальность» является постепенное снижение качества продукции даже талантливых авторов.

Возможны и иные аспекты сопоставления, демонстрирующие различия фантастической прозы описываемых эпох. Например, достаточно заметна более четкая иерархичность постсоциалистической фантастики, связанная, конечно, с более выраженной иерархичностью новейшей литературы вообще. В 1970-х годах в рамках фантастики относительно мирно уживались ее классики — Ж. Верн, Г. Уэллс, К. Чапек, популярные современные писатели («беллетристы» в нынешнем понимании — И.А. Ефремов, А. и Б. Стругацкие, С. Лем) и многочисленные менее известные авторы. Конечно, и тогда нередко возникали споры

о границах использования определения «фантаст»: поклонники, скажем, Стругацких далеко не всегда соглашались применять это обозначение к М. Булгакову или Е. Замятину. Однако об отсутствии строгих границ и табу свидетельствует, в частности, состав авторов и текстов «Библиотеки современной фантастики» (издательство «Молодая гвардия», 1965–1973).

Ныне же образцы фантастической «элитарной» и «массовой» прозы существуют и воспринимаются практически независимо друг от друга. Изменилась с годами даже трактовка творчества В. Пелевина, пришедшего в «большую» литературу именно из фантастики. Из перечня его литературных наград и номинаций со всей очевидностью следует, что до начала 2000-х годов он воспринимался как фантаст (премии «Великое Кольцо», «Интерпресскон», «Странник», «Бронзовая улитка»), далее же — как представитель «мейнстрима» (премии «Национальный бестселлер» и «Большая Книга»). О принадлежности же к фантастике трилогии В. Сорокина («Лед», «Путь Бро», «23000») или иронической антиутопии «Кысь» Т. Толстой речь не заходит практически никогда¹⁰.

Возможно, на разобшение фантастических текстов (и их читателей) влияет многократно возросшее в последние два десятилетия количество издаваемых книг — и неизбежно выросший в той же пропорции объем фантастического трэша. «Массовой» фантастики в свободном доступе оказалось столько, что рядовому читателю вовсе не требуется напрягаться, одолевая произведения «элитарных» авторов. Формированию более высоких читательских запросов могли бы, конечно, способствовать специализированные журналы. Но, увы, в публицистике наших дней, как фантастической, так и «общелитературной», главенствуют интересы стоящих за отдельными изданиями групп —

¹⁰ Справедливости ради отметим, что на наиболее авторитетном отечественном сайте, посвященном фантастике (<http://fantlab.ru>), эти имена и произведения присутствуют.

или откровенный коммерческий «глянец».

Подробного разговора, безусловно, заслуживает сформировавшаяся в восточноевропейском культурном пространстве (по крайней мере, в русскоязычном его сегменте) в 1990–2000-е гг. особая субкультура фантастики — собственный издательский сектор, периодика, критика, институт конвентов — «конов», специализированные премии, сообщество поклонников («фэндом»), сопредельные литературе сферы фантастического кинематографа, компьютерных игр и т.п., — ранее составлявшая предмет безнадежных мечтаний (и черной зависти к имеющим все это заокеанским собратьям) восточноевропейских любителей и авторов фантастических текстов. Однако, мы полагаем, сказанного выше достаточно, чтобы продемонстрировать, насколько отличными друг от друга оказались две избранные для сравнения эпохи существования фантастики.

Бессмысленно задаваться вопросом, какая из них лучше, — хотя именно на подобные темы то и дело спорят любители-фэны разных поколений. Говорить о каких бы то ни было объективных художественных преимуществах НФ перед фэнтези столь же нелепо, как безоговорочно отстаивать приоритет нормативных схем фантастики позднего социализма перед рыночными современными. Волшебная фантастика не менее ярко, чем научная, способна раскрывать и философскую, и нравственно-психологическую проблематику — об этом свидетельствуют такие книги, как «Свет в окошке» С. Логинова или «Алая аура протопарторга» Е. Лукина. Да и социальная тематика отнюдь не утрачена современной фантастикой рациональной посылки, в чем убеждают «Пандем» М. и С. Дяченко и «Живущий» А. Старобинец. Заслугой новейшей поры можно признать появление мощной традиции альтернативно-исторической и криптоисторической фантастики.

Пожалуй, в последние десятилетия стало вполне ясным лишь одно: проигранным оказывается искусственное

урезание любой из ветвей фантастического древа (научной, волшебной, приключенческой — какой угодно! — фантастики). От этого не просто беднеет книжный рынок и в конце концов устает читатель — засыхают и оставшиеся «ветви». Штампы поздней советской НФ тому порукой, как и почти не знающая исключений стереотипность современной «эпической фэнтези», не приевшейся лишь самым увлеченным фанатам.

Пребывая же нестесненной в своей «естественной парадигме», фантастика была и будет неотъемлемой частью литературы любой эпохи. Сама установка на вымысел и эксперимент гарантирует ей вечную изменчивость и жизнеспособность.

*И.А. Герчикова***С.В. НИКОЛЬСКИЙ И КАРЕЛ ЧАПЕК**

Интересы Сергея Васильевича Никольского поражают своим многообразием, но главные авторы, которыми он занимался и продолжает заниматься, это Я. Гашек и К. Чапек (Не будем забывать, конечно, и о К.Г. Махе, И. Волькере, Ф.Л. Челаковском и других).

Никольский и Карел Чапек это вообще особая глава «взаимоотношений», о которых можно было бы сказать многое. Чапек — автор, находящийся в поле зрения Сергея Васильевича уже более 60 лет.

Первое публичное выступление С.В. Никольского состоялось в 1948 г. на вечере, посвященном десятилетию кончины Чапека, организованном Иностранной комиссией Союза писателей СССР и Литсекцией Славянского комитета. В начале 1950 гг. в нашей стране вышло несколько статей Никольского, в связи с 60-летием со дня рождения Чапека, в частности, предисловие С.В. Никольского к однотомнику избранных произведений (Чапек К. Избранное /Вступ.ст. М.:Гослитиздат.с.3-16). В период немецкой оккупации 1939–1945 гг. издавать Чапека в Чехии было запрещено из-за его антифашистской позиции, а с 1949 до 1952 гг. уже при коммунистическом режиме в Чехословакии не разрешено было публиковать автора, обвиненного в «буржуазном гуманизме». Сейчас уже трудно себе представить, что такое было возможно. Но шел 1952 год. Тот самый год, когда Рудольф Сланский, Генеральный секретарь ЦК КПЧ, был по обвинению в организации «троцкистско-сионистско-титовского заговора» приговорён к смертной казни через повешение вместе с 13 другими руководителями КПЧ и государственными деятелями Чехословакии (судебный процесс, вошедший в историю как «Дело Сланского»). В такой политический момент в Чехословакии, в гнетущей атмосфере поиска врагов в точном соответствии с советским опытом, узнают, что в самой Москве Чапека оценивают весьма высоко. И издают отдельной

брошюрой эссе Никольского «Карел Чапек» в переводе на чешский язык Камилы Ироудковой (1915-1976) (S.V. Nikolskij: Karel Čapek. Praha, 1952. 34 s.), тиражом в 10 тысяч экземпляров. Официальные гонители Чапека были посрамлены. «Если бы я был художником, я с удовольствием нарисовал бы ликующего почитателя Чапека с поднятой над головой брошюрой Никольского в руке, победоносно рвущегося в партийный комитет»¹, — писал профессор Франтишек Черный (1926–2010), театровед, педагог, Председатель Общества братьев Чапек в 1992–97 гг.). Таким образом Никольский стал, можно сказать, спасителем святого для чехов имени, сыграл решающую роль в пресечении попыток перечеркнуть творчество чешского автора по политическим мотивам.

Во многом благодаря Никольскому появлялись на русском языке составленные им многочисленные сборники рассказов, очерков, пьес чешского автора. В 1971 г. Сергей Васильевич защитил докторскую диссертацию «Сатирические утопии Чапека», явившуюся итогом его многолетних изысканий, в 1973 г. вышла его книга «Карел Чапек — фантаст и сатирик». В этой монографии Никольский впервые обстоятельно проанализировал всю художественную систему поэтики Чапека, показал своеобразие социально-фантастических произведений, занявших в чапековском творчестве центральное место и завоевавших писателю международную известность. Никольский показал, что чешский автор развивал ту ветвь художественной фантастики, в которой научно-фантастические допущения служили средством постановки своего рода мысленных социально-философских экспериментов и инструментом критики современной действительности. Чапек способствовал обогащению жанров и поэтики социально-фантастической литературы, создал фантастические

¹ Черный Ф. К восьмидесятилетию С.В.Никольского // Фантастика и сатира в литературе славянских народов. М., 2004. С. 12.

образы-символы (роботов, саламандр), широко вошедшие в сознание читателей и в мировое искусство. Мимо опыта Чапека едва ли прошел хотя бы один современный писатель-фантаст. Но его творчество не ограничивалось одной лишь социальной фантастикой, многие его произведения носили «синтетический» характер, впитав в себя элементы различных жанров.

И в последующие годы Сергей Васильевич не обходил своим вниманием К. Чапека. Результатом его новых изысканий стала книга «Над страницами антиутопий К. Чапека и М. Булгакова. Поэтика скрытых мотивов» (2001), ставшая большим событием не только в отечественной богемистике, но и булгаковедении. Вышел ряд положительных рецензий в нашей стране и за рубежом, в том числе Б.В. Соколова, автора булгаковской энциклопедии. Это интереснейшее исследование выявило своеобразие и аналогии в судьбах и творчестве чешского и русского писателей. Надо сказать, Никольский, придя в богемистику из русистики, никогда не «порывал» тесных уз с русской литературой, что неоднократно отмечалось авторами, писавшими о Сергее Васильевиче. Близость с русской литературой накладывает отпечаток на научные работы профессора Никольского, что бы он ни исследовал. В сравнительном анализе философской фантастики К. Чапека и М. Булгакова Никольский основывается на определенном сходстве проблематики и поэтики их произведений. Оба писателя принадлежали к одной эпохе (даты их жизни практически совпадают), обоих волновали вопросы феномена человека и человеческого бытия. Сближало их и повышенное внимание к историческим макропроцессам, обеспокоенность нарастающей конфликтностью современного мира и небывалыми масштабами трагических катаклизмов. Для обоих характерны размышления о гуманистической природе человека и отклонениях от этой нормы в практике современных отношений — общественных и международных. Существенными чертами сходства, как показывает Никольский, обладает и структура произведений

Булгакова и Чапека. Наконец, как подчеркивает автор, их произведения объединяет и принадлежность к жанру фантастики. В исследовании Никольского сделана попытка совместить разные задачи: идя по пути сравнительного анализа элементов художественной системы обоих писателей, Сергей Васильевич делает, в особенности для Булгакова, дополнительные разработки, касающиеся тех или иных конкретных проблем и отдельных произведений. Автор приходит к подтверждению мысли о том, что в творчестве Чапека и Булгакова ярко выражена тенденция к срастанию структуры антиутопии с конкретным обличительным повествованием о современности. Непростительно, однако, считает Никольский, воспринимать произведения двух писателей как реакцию на злобу дня. В своей монографии он глубоко и обстоятельно показывает, что актуальные конкретно-исторические факты и реалии живут в сознании и творчестве Булгакова и Чапека в неразрывной связи с философским осмыслением общих проблем, законов и загадок бытия.

В 2009 г. вышло и второе издание вышеупомянутой книги. Необходимо сказать, что она посвящается, как и первое издание 2001 г., памяти отца Сергея Васильевича — Никольского Василия Сергеевича. Не так давно стало известно, что Василий Сергеевич (род. в 1898 г. в д. Савцыно Тверской губ.) был священником, в 1937 г. арестован и 3 ноября 1937 г. расстрелян по обвинению в «антисоветской агитации». В августе 2000 г. он был канонизирован Архиерейским Собором русской православной церкви и признан священномучеником. Роду Никольских суждено было продолжаться. У Сергея Васильевича вырос прекрасный сын, двое внуков, родился правнук.

Но вернемся к книге. Более одной трети подготовленного второго издания составляет новый текст, в том числе несколько новых глав. Пополнен и развит, в частности, анализ философских аспектов творчества Чапека и Булгакова, в связи с чем написана новая глава, посвященная вопросу о знакомстве Булгакова

с одной из основополагающих историософских работ Канта («Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане»). Сопоставлены представления Канта, Чапека и Булгакова о путях и противоречиях развития человечества, о гуманизирующих и дегуманизирующих тенденциях в современном мире. В связи с темой «псевдочеловека» в творчестве Чапека и Булгакова (образы роботов, саламандр, Шарикова) текст книги пополнен главой об истории знакомстве в России с пьесой Чапека R.U.R., в которой впервые создан образ робота. Во многом расширен анализ художественной системы Чапека и Булгакова и более подробно рассмотрены способы и приемы иносказательной сатиры, особенно ярко представленные у Булгакова и помогающие ему обходить цензуру. Речь идет, в частности, о повествовании «с ключом», то есть с «шифром», с паролем, о создании параллельных семантических полей, позволяющих вести две темы сразу (на открытом и закрытом уровнях), о метафорических композициях, об использовании сменяющихся кодов. Широко рассматриваются аллюзии на конкретные события и известных деятелей.

В измененной первой главе «Синтез научной фантастики, философской притчи и повествования «с ключом»» речь идет о взаимодействии научно-фантастической поэтики с иносказанием, с тайнописью, с различными видами художественного письма, основанного на скрытых значениях. Природа этого явления показана вначале на романе Чапека «Кракатит». Здесь Никольскому удалось выявить сокровенный смысл романа и познакомить читателя с ранее неизвестными фактами из биографии Чапека, озаренной любовью в Вере Грузовой.

Следующая глава «Сатира, гротеск и иносказания» посвящена, главным образом, роману Чапека «Война с саламандрами», где исследователь показал, насколько многослойны чапекские произведения.

Самая насыщенная глава, поражающая своими открытиями, — «В невидимой части ассоциативного

спектра» — посвящена искусству скрытых мотивов и неясных значений, что является одним из важнейших элементов богатейшей поэтики Булгакова. Так, например, Никольский пришел к заключению, что лежащая в основе повести «Роковые яйца» научно-фантастическая история с открытием красного луча и биологическими экспериментами над ним, является одновременно иронической аллюзией на революционный эксперимент в России, а образ профессора Персикова несет в себе философские ассоциации с Лениным. Впервые обнаружено и расшифровано вплетенное в повесть «Роковые яйца» довольно значительное по объему иносказание о гонениях большевистских властей на церковь в начале 1920-х годов.

Интересна глава «Фамилии вымышленные, но...», где рассматриваются шаржи Булгакова на Ленина, Троцкого, Сталина. Сергей Васильевич показывает, что как антиутопии К. Чапека, так и фантастические повести М. Булгакова «населены» не только вымышленными героями, но и реальными лицами (хотя и скрыто), своеобразными «двойниками», призраками.

Есть во втором издании книги Никольского и новые наблюдения, касающиеся романа «Мастер и Маргарита», особенно образа Берлиоза, который сопоставлен с Персиковым, и Преображенским, в связи с чем выдвинут тезис о родстве этих персонажей. Образам Персикова, Преображенского и Берлиоза и сопутствующей им триаде ассистентов (Иванов, Борменталь, Бездомный), разгадке топонимических символов посвящена глава «С думой о судьбах родины». Здесь же сделан вывод о сходстве не только философской проблематики и направленности, но и самих сюжетов фантастических произведений Чапека и Булгакова. Общий их знаменатель — предостережение перед опасностью радикализации человеческих отношений и опрометчивых волевых вторжений в естественный ход вещей. Роман «Мастер и Маргарита» отмечен «дерзкими» мотивами и реминисценциями, связанными с конкретными российскими событиями и их

действующими лицами. Это лишь одна, хотя и важная составляющая романа. Именно на этой составляющей, с учетом ее недостаточной исследованности, а также в интересах сопоставления Булгакова и братьев Чапек, и сосредоточено внимание книги Никольского.

Помимо черт типологического сходства в проблематике и художественной структуре антиутопий Чапека и Булгакова, Никольский говорит и о творческом контакте русского писателя с Чапек. Этой теме посвящен раздел «Драмы о новых Адамах» (Карел Чапек — Алексей Толстой — Михаил Булгаков). Речь идет о возможных отзвуках в пьесе Булгакова «Адам и Ева» драмы «R.U.R.», с которой он мог познакомиться через А.Толстого и его пьесу «Бунт машин», написанную по мотивам драмы Чапека и, по сути представляющую собой творческие вариации на ее тему. Приведены аргументы в пользу большего или меньшего знакомства Булгакова с пьесами Толстого и Чапека, высказывается предположение о том, что сам интерес к научной фантастике, появившийся у Булгакова в 1923-1924 гг. был навеян и стимулирован его соприкосновением с социальной фантастикой А.Толстого и К. Чапека. Проводится сравнительный анализ пьес трех авторов, их содержания, лейтмотивов, архитектоники. Делается обоснованный вывод о том, что написанная братьями Чапеками комедия «Адам-творец» типологически даже ближе драме Булгакова «Адам и Ева», чем «R.U.R.», и, хотя этой пьесы Булгаков определенно не знал (она вышла в переводе на русский только в 1970-х гг.), показательна общая направленность мысли, сходство поднятых проблем и отчасти фабульных мотивов.

Новая глава «Спор на Патриарших и Иммануил Кант» показала, что Булгаков знал одну из основополагающих статей Канта «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане», которая была опубликована в Москве. Булгаковеды не выявляли обращение Булгакова непосредственно к историософским идеям немецкого философа, и Никольским выдвигается

смелая гипотеза о том, что статья Канта о функционировании человеческого рода имеет прямые реминисценции с диалогом на Патриарших.

Во втором издании значительно была переработана глава «С думой о судьбах родины», написана совершенно новая глава «Любовь с первого взгляда и выброшенные цветы», рассмотрено искусство метафорической композиции и иносказания.

Основные драмы и романы К. Чапека С.В. Никольский с полным основанием называет произведениями о судьбах человечества, заканчивая книгу цитатой из чешского писателя: «[...] самое важное сегодня — это действительно сохранить многое из того, что является культурным достоянием человечества [...] Задача состоит в том, чтобы не утратить почву культуры под ногами. В этом первая и главная миссия интеллигенции»².

Замечательные работы Сергея Васильевича Никольского о Кареле Чапеке, богатые открытиями, — это существенный вклад в отечественную и зарубежную славистику. Они способны многое сказать его ученикам, коллегам, последователям, являя собой пример самоотверженного служения нашей науке.

² Никольский С.В. Над страницами антиутопий К. Чапека и М. Булгакова. М., 2009. С. 176.

*Н.В. Шведова***С.В. НИКОЛЬСКИЙ О ЧЕШСКОЙ ПОЭЗИИ**

Сергей Васильевич Никольский широко известен как специалист по творчеству чешских прозаиков Карела Чапека и Ярослава Гашека, а также прозе Михаила Булгакова. Однако среди его работ, особенно ранних, немало тонких исследований чешской поэзии. В монографии С.В. Никольского «Две эпохи чешской литературы» (1981) Чапеку и Гашеку отведено около 60 страниц, остальные разделы посвящены чешской поэзии XIX в. (преромантической и романтической) и XX в. (за исключением небольшого очерка о Ю. Фучике). Работы по поэзии XIX в. стали основой для глав о чешской литературе, написанных С.В. Никольским для II тома «Истории литератур западных и южных славян» (1997).

Эпоха чешского национального возрождения в исследованиях С.В. Никольского занимает особое место. Это одна из первых областей в литературах славянских народов, к которой обратился ученый на своем долгом и славном пути в науке. Его кандидатская диссертация, защищенная в 1949 г., называлась «Ф.Л. Челаковский и русское песенное народное творчество». Творчество Франтишека Ладислава Челаковского, опиравшегося на славянскую фольклорную основу и проявлявшего повышенное внимание к исторически значимым, героическим событиям прошлого, предвосхищало чешский романтизм и было по духу близко романтизму словацкому. С.В. Никольский анализировал и знаменитые «рукописи», Краледворскую и Зеленогорскую, в период романтизма считавшиеся подлинными произведениями древнечешской литературы и вдохновлявшие многих деятелей чешской и словацкой культуры. Непосредственно романтизму направлению посвящены его работы о творчестве К.Г. Махи и К.Я. Эрбена, а также общие суждения о романтизме в славянских литературах, высказанные впервые в докладе на IV Международном съезде славистов в 1958 г. (доклад был подготовлен совместно с А.Н. Соколовым и Б.Ф. Стахеевым). Эти исследования легли в основу первой части монографии

Никольского «Две эпохи чешской литературы» — «Возрожденная литература».

Доклад «Некоторые особенности романтизма в славянских литературах» в своих основных положениях не потерял научной значимости до наших дней. Как отметила Л.Н. Будагова, «концепция славянского романтизма, выдвинутая учеными Института славяноведения, стала общепризнанной в среде специалистов»¹. Суммируя свои наблюдения в книге «Две эпохи чешской литературы», С.В. Никольский писал, что в западноевропейских литературах «романтическое утверждение личности [...] имело тенденцию [...] перерастать в индивидуализм, сопровождалось мотивами одиночества и тоски по утраченной гармонии, мотивами мировой скорби, мрачного отчаяния и вызова обществу»². В славянских литературах такие явления были выражены слабее, хотя ими отмечено творчество Махи у чехов и Я. Краля у словаков — выдающихся представителей национальной литературы. Одной из главных особенностей преромантизма и романтизма у западных и южных славян Никольский называл «сильно выраженное народно-коллективистское начало». «В качестве протестующего и утверждающего себя субъекта здесь зачастую выступала как бы не столько личность, сколько национальный коллектив», — писал Никольский и далее ссылаясь на «полемическое отношение словацких романтиков-штуровцев к романтизму байронического типа»³. Важной для славянских романтиков, как и для всего национального возрождения в этих литературах, была опора на фольклор как носитель духа несвободного народа и источник сюжетов и образов (для словаков — и источник системы стихосложения). Особое внимание к героико-эпическим жанрам также было характерно для чешского и словацкого преромантизма и романтизма. Для чешской поэзии это, как отмечал Никольский,

¹ Будагова Л.Н. К 70-летию С.В. Никольского // *Studia bohémica*. К 70-летию Сергея Васильевича Никольского. М., 1992. С. 43.

² Никольский С.В. Две эпохи чешской литературы. М., 1981. С. 14–15.

³ Никольский С.В. Там же С. 16.

произведения Краледворской рукописи и стихи Челаковского.

Глава, посвященная творчеству Карела Гинека Махи, носит в книге название «Жажда познания». С.В. Никольский писал в самом ее начале: «Его поэзия, особенно поэма „Май“ (1836), не только выдерживает сравнение с творчеством лучших европейских романтиков — от нее уже веет чем-то напоминающим поэзию XX в.»⁴. С.В. Никольский обращает внимание на то, что появление Махи в чешской литературе 1830-х гг. было по-своему неожиданным, в силу его радикального отличия от предшественников. Этим объяснялось и непонимание современниками его знаменитой поэмы. Никольский отмечает в числе основных отличий поэзии Махи опору не на фольклорные формы, отсутствие «одического пафоса», «назидательного оптимизма». «Но, пожалуй, самая главная особенность его творчества, — продолжает Никольский, — заключалась в том, что национальная проблема поставлена им в гораздо более широкие связи. Национальный гнет выступает в его сознании лишь как одно из проявлений зла и несправедливости, царящих в мире. [...] Его мучает расхождение мечты и действительности, терзают загадки жизни и смерти, места человека в мироздании. Проблемы человеческого бытия уходят у Махи в бесконечность. [...] Маха имел смелость — первым в чешской литературе — почувствовать себя суверенным субъектом познания. [...] Личность, умом и сердцем осваивающая мир, стала основой его поэзии»⁵. Отказавшись от идеи бессмертия души, Маха «словно остановился в смятенной тревоге над открывшейся бездной космоса и вечности»⁶. Обобщая видение художественного мира поэта, Никольский пишет, что «неутолимая жажда гармонии и ощущение дисгармонии мира сталкиваются в художественном мышлении Махи, в ее “диссонансной диалектике”, как определил ее позднее чешский

⁴ Никольский С.В. Две эпохи... С. 101.

⁵ Там же. С. 102–103.

⁶ Там же. С. 103–104.

критик Ф.К. Шальда»⁷. «Проблема несчастий и страданий человека по вине других или по воле обстоятельств одна из главных в творчестве Махи», — констатирует Никольский⁸.

Анализируя поэму «Май», С.В. Никольский выделяет такие ее жанровые черты, как «острота конфликта, герои, обуреваемые страстями, фрагментарность и отрывочность повествования, [...] экспрессивность тональности», свойственные романтическим лиро-эпическим произведениям⁹. Основным контрастом поэмы ученый считает то, что «гармонии природы, красоте бытия противостоит в ней трагедийность человеческого судеб. Это и является исходным моментом философско-художественных размышлений»¹⁰. Никольский отмечает, что это избавило Маху от необходимости изображать экзотические края, позволило сосредоточиться на изображении чешской природы.

Сильной стороной исследовательской манеры С.В. Никольского является умение тонко анализировать образные и звуковые особенности произведения, что чрезвычайно важно для изучения поэзии. Обратившись к картине майского вечера, Никольский убедительно показывает, как в своих образах Маха составляет «всю природу и даже космос переживать чувство любви»¹¹. Далее к анализу подключаются «мелодия стиха, его интонационная и звуковая организация», и в «звуковых темах» стиха ощущается слово «láska», создавая «единый ассоциативный поток»¹². Очень важно, на наш взгляд, соотношение метафорических рядов у Махи и Незвала, начало которому положил сам Незвал, уподобляя образы Махи музыкальным аккордам. Никольский делает вывод: «Прославленные незваловские “каскады” метафор ведут

⁷ Никольский С.В. Две эпохи... С. 106.

⁸ Там же. С. 110.

⁹ Там же. С. 106–107.

¹⁰ Там же. С. 107.

¹¹ Там же. С. 108.

¹² Там же. С. 108–109.

свою родословную немножко и от Махи»¹³. Отметим и замечание С.В. Никольского о недостаточной адекватности русского перевода Д. Самойлова, в котором «образы выглядят несколько бледнее» (с. 111–112).

Значение творчества Махи С.В. Никольский определил так: «Он открыл для отечественной литературы неповторимую человеческую индивидуальность, утвердил личностное начало, личную инициативу художника в качестве главного познавательнотворческого принципа»¹⁴. Это суждение, высказанное тридцать лет назад, во всех деталях актуально и в наши дни, и в любое другое время.

Наблюдения над эпохой национального возрождения реализовались и в главах о чешской литературе в «Истории литератур западных и южных славян» (т. II, 1997). Размышления о поэме «Май» сфокусированы в одном абзаце, раскрывая не только идейное наполнение, но и особенности образного и звукового строя произведения. Во второй части тома, говоря о чешской литературе 50-х — 80-х гг. XIX в., С.В. Никольский сопоставляет с Махой фигуру Карела Яромира Эрбена. Он пишет, что Эрбен «заставляет вспомнить одновременно двух совершенно разных его предшественников — Ф.Л. Челаковского и К.Г. Маху, традиции которых он как бы сомкнул»¹⁵. С Челаковским его сближают, по словам Никольского, «воодушевленность славянской идеей» и интерес к фольклору. Махе Эрбен «близок прежде всего тревожным ощущением бытия». Сопоставляя двух поэтов, Никольский пишет: «Поэзия Махи соткана из протестующих вопросов об источнике дисгармонии бытия. Творчество Эрбена звучит как подтверждение почти мистической непререкаемости нравственных норм и запретов и ответственности человека за их нарушение. В некотором смысле поэзия Махи и Эрбена взаимодополняют одна другую, соотносясь как полюс отрицания и полюс утверждения, [полюс устремленности

¹³ Никольский С.В. Две эпохи... С. 112.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Никольский С.В. Чешская литература // История литератур западных и южных славян. Т. II. М., 1997. С. 406.

к неизведанному, новому, и подлюс верности тому, что завещано мудростью веков]»¹⁶. Примерно страница посвящена непосредственному анализу баллад Эрбена, в котором есть место и для элементов фантастики, и для патриотических чувств, и для жанрово-стилевых особенностей произведений. Неоднократно подчеркнут интерес Эрбена к мифу, в том числе к культу солнца у славян, «благодаря чему и его собственные сказки словно лучатся солнечным светом»¹⁷.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что в научной деятельности С.В. Никольского «две эпохи чешской литературы» сосуществовали, взаимно обогащаясь, и литература XX в., Гашек и Чапек, фантастика и антиутопия не заслоняют чешское национальное возрождение и наиболее яркие проявления романтической поэзии. Анализ последней показывает как индивидуальные особенности в творчестве поэтов, так и общеславянские черты романтизма, вписанного в европейское литературное направление.

С.В. Никольский внес весомый вклад и в изучение чешской поэзии XX в. В связи с этой темой вспоминают прежде всего книги и статьи Л.Н. Будаговой и С.А. Шерлаимовой. Однако Никольский высказал немало интересных суждений о поэзии И. Волькера, В. Незвала, П. Безруча, В. Завады, И. Тауфера. В его анализе привлекает соединение широкомасштабного гуманитарного мышления и утонченного чувства стиха, звуковой материи, поэтического образа.

Из чешских поэтов XX в. С.В. Никольский уделил наибольшее внимание Иржи Волькеру. Еще в 1949 г. он выступил составителем и автором предисловия в книге «И. Волькер. Избранное». В 1954 г. С.В. Никольским была опубликована 60-страничная работа «Иржи Волькер (Очерк творческой эволюции)». Он был и автором главы о Волькере в «Очерках истории чешской литературы XIX–XX вв.» (1963). В монографии «Две эпохи чешской литературы» четыре раздела посвящены творчеству Волькера. В последние годы Никольский вернулся к этой теме в статье

¹⁶ Никольский С.В. Чешская литература... С. 407.

¹⁷ Там же. С. 408.

«"Инобытие" человеческой энергии в поэтическом осмыслении Иржи Волькера» (сб. «Поэтический мир славянства: Общие тенденции и творческие индивидуальности», 2006). В этой итоговой статье синтезированы основные линии исследования творчества Волькера. Таковы тема «живых вещей» у чешского поэта, типология его баллад по сравнению с балладами К.Я. Эрбена, Я. Неруды, П. Безруча, проблема «инобытия» человека в его делах и созданных им ценностях. Последний аспект связан и с исследованием творчества В. Незвала, также отраженным в книге «Две эпохи чешской литературы», с его поэмами «Эдисон» и «Сигнал времени». Через полвека после начала изучения поэзии Волькера Никольский определенным образом корректирует свои взгляды на революционные устремления и социалистические упования поэта. О них говорилось главным образом по поводу первого сборника Волькера, «Гость на порог» (1921), и его статьи «Революционеры» (1920). Большой раздел на эту тему в книге «Две эпохи чешской литературы» был озаглавлен строчкой Волькера: «Великое чудо совершилось на земле». Тем не менее, ничуть не устарели суждения Никольского о характере метафоры у Волькера, его стихотворениях, основанных на разворачивании опорной метафоры, об антитезах образных мотивов в сборнике «Гость на порог», как и анализ откликов на эту книгу и отношения к ним самого поэта. Никольский писал, в частности: «Метафорические мотивы чуда, обретения нового зрения, "новых глаз", мотив сердца, которое наполнилось новыми чувствами, [...] это центральные, "сквозные" мотивы поэтической книжки ("Гость на порог", 1921. — *Н.Ш.*) и вообще поэзии Волькера 1920 г.»¹⁸. Далее ученый делает вывод: «Итак, образное мышление Волькера и поэзия сборника "Гость на порог" пронизаны антитезами "вчера" и "завтра", "слепоты" и "прозрения" ("новых глаз"), "мертвых" и "живых", "старых" и "молодых", "распятия" и "воскресения из мертвых", "бессердечия" и "человечности", одиночества и коллективизма, жизни скованной и жизни

¹⁸ Никольский С.В. Две эпохи... С. 180.

естественной, как жизнь природы»¹⁹. Говоря о жанровых особенностях баллад Волькера, Никольский отмечал, что в них «отсутствует мотив вины и наказания, и они всецело строятся на раскрытии жестокой и безраздельной власти враждебных человеку обстоятельств»²⁰, и назвал их «оптимистическими трагедиями»²¹. Однако уже тогда Никольский отдельно рассматривал «Балладу о моряке» и «Балладу из больницы», обнаруживая в них «тему ответственности человека за свои поступки перед другими людьми»²².

Образные оппозиции Волькера и роль соляной символики у него отмечены и в статье, опубликованной в 2006 г. С.В. Никольский усиливает в ней мысль о взаимозависимости человеческих деяний, о возможности «перетекания» не только доброй, но и злой энергии человеческих поступков, говорит о возможности извращения самой благородной и светлой идеи, ссылаясь и на слова Волькера. «Еще за полгода до создания “Баллады из больницы” в одной из своих статей, размышляя о современном революционном движении и его перспективах, Волькер высказал озабоченность тем, что и на идеи социального прогресса могут наслаиваться эгоистические соблазны и расчеты»²³, — пишет Никольский. В статье 2006 г. ученый делает акцент на таких произведениях Волькера, как «Баллада о моряке» и «Баллада из больницы», о которых немало говорилось и в его более ранних исследованиях. «От других его баллад их отличает строго выдержанный уже упоминавшийся классический вариант балладного построения с ситуацией альтернативного выбора и главным мотивом вины и наказания. Волькер словно вернулся к эрбеновской парадигме. [...] Акцент

¹⁹ Никольский С.В. Две эпохи... С. 195.

²⁰ Там же. С. 214.

²¹ Там же. С. 215.

²² Там же. С. 220.

²³ Никольский С.В. “Инобытие” человеческой энергии в поэтическом осмыслении Иржи Волькера // Поэтический мир славянства: Общие тенденции и творческие индивидуальности. М., 2006. С. 152.

перенесен на внеличный аспект поведения человека, на последствия его действий и поступков для судеб других людей, на проблему его ответственности за эти последствия»²⁴. В заключительной части статьи Никольский отмечает: «Дальнейшее историческое развитие подтвердило опасения, выраженные в балладе-притче чешского поэта. Он размышлял над проблемой, о которую и споткнулся впоследствии по меньшей мере один из вариантов социализма»²⁵.

Поэзии Витезслава Незвала С.В. Никольский посвятил в «Двух эпохах чешской литературы» раздел «Похищение огня». В нем он анализирует поэмы «Эдисон» и «Сигнал времени». Объясняя жанровое определение, данное автором «Эдисону», — «лирическая соната», — Никольский приводит описание творческого состояния, которое опять же создал сам Незвал. Это описание соответствует строкам многих поэтов, пытавшихся определить поистине мистическую атмосферу при сотворении стихов. Никольский цитирует Незвала: «...Меня охватило странное беспокойство. Я ходил по комнате, почти тонувшей в полумраке, потом машинально сел к роялю, от которого был виден силуэт желтеющего школьного сада, и стал импровизировать. Я искал в глубоких октавах длинные, тяжелые аккорды, которые отвечали бы моему душевному состоянию, но играл я недолго. Не сознавая, что я делаю и чего хочу, я ушел в комнату, в которой обычно работал. Моя пишущая машинка блестела, лампочка озаряла ее магической красотой. Медленно я отступал на машинке первый стих “Эдисона”. Еще в тот же вечер я закончил первую песню... ритм, который я поймал в волнах низких тонов на фортепиано, и открывался мне как незнакомый мир и открывал мне незнакомые миры»²⁶. Сопоставляя Волькера и Незвала, Никольский усмотрел различие между теми акцентами, которые поэты ставят в своем творчестве. Он писал: «Волькеру было дано необыкновенно ясно чувствовать “очеловеченную” действительность, вторую

²⁴ Никольский С.В. «Инобытие» человеческой... С. 150–151.

²⁵ Там же. С. 154.

²⁶ Цит. по: Никольский С.В. Две эпохи... С. 257.

“природу” мира, созданную человеком и представляющую собой инобытие человека. [...] У Незвала [...] акцент на другом — на самой дерзновенной отваге человека, прокладывающего путь прогрессу»²⁷. Интересны и высказывания ученого о музыкальном начале в поэмах Незвала, вслед за уже приведенной цитатой о генезисе «Эдисона». Никольский говорит об «Эдисоне»: «Он также построен по законам сонаты, форма которой предполагает синтез ведущих мотивов в последней части произведения»; о Незвале: «Его поэмы как бы соединяют в себе средства воплощения и воздействия, свойственные поэзии и музыке»²⁸.

От тех, кто хорошо знаком с трудами С.В. Никольского, не могла ускользнуть его способность чувствовать тончайшие нюансы речевой ткани произведения, в том числе звуковой инструментовки (не только в поэзии). На этом, в частности, основаны многие открытия ученого в области «поэтики скрытых мотивов», как он сам назвал эти зашифрованные смыслы в текстах К. Чапека и М. Булгакова²⁹. В 1991 г. Никольский опубликовал статью «И.А. Крылов как мастер звукописи»³⁰, в которой детально показал функциональные особенности инструментовки стиха в басне «Ворона и Лисица». Перечитывая книгу «Две эпохи чешской литературы», я как переводчик стихотворных текстов обратила внимание на ряд примеров из чешской поэзии, которые не сводятся к подстрочнику, но отсылают прямо к оригиналу. Это тоже своего рода «поэтика скрытых мотивов», но уже в рамках исследовательской работы. Лишь два таких примера специально оговорены: один — из незваловского «Эдисона» в разделе «Похищение огня», чтобы отличить его от переводов Д. Самойлова, второй —

²⁷ Никольский С.В. Две эпохи... С. 263.

²⁸ Там же. С. 263, 264.

²⁹ См.: Никольский С.В. Над страницами антиутопий К. Чапека и М. Булгакова (Поэтика скрытых мотивов). М., 2001. Второе, дополненное издание — 2009.

³⁰ Никольский С.В. И.А. Крылов как мастер звукописи // Изв. ОЛЯ. 1991. № 2.

фрагмент «Баллады о моряке» Волькера, но не в названной книге, а уже как повторенный в статье 2006 г. Это переводы самого Никольского. Вот пример из Волькера³¹:

Нет морю края.. И волна
Стремится за волной.
Могила для одной волны,
Как колыбель другой.
Кто первую создал волну,
Последнюю создал...

В разделе «К типологии баллад Волькера» из книги «Две эпохи чешской литературы» приводятся две строфы из стихотворения Петра Безруча «Поле на горах» — судя по всему, тоже в переводе С.В. Никольского.

В лес уходит поля овал
багряного, как пламя, как охра,
как будто кровью своей поливал
горал чертополохи.

Пучками штыков на панский двор
молча глядят растенья,
как рабов затаенный и грозный укор
под должной маской почтенья³².

Поэзия Безруча наводит ученого на следующие размышления. «Собственные имена выполняют в стихотворениях Безруча определенную художественную функцию. Даже не обращаясь к стихотворному тексту, нетрудно представить себе, как звучат эти имена в стихе благодаря повторам широких гласных, целых созвучий, звуков типа “г”, “к”, “т”, “д”, в которых словно резонирует суровость изображаемой жизни. Но автор еще различными способами акцентирует такие имена, ставя, например, их в сочетания со сходно звучащими словами (“кантор Гальфар”), вынося их

³¹ Никольский С.В. “Инобытие” человеческой... С. 151.

³² Никольский С.В. Две эпохи... С. 218.

в заглавия баллад повторяя их и помещая на “ударных” местах в стихотворении»³³. О чуткости к звуковой материи стиха С.В. Никольский говорит и в связи с переводами Н. Асеева из баллад Эрбена. «Герои Эрбена вольно или невольно совершают зло, берут на душу “грех” дурного поступка. Это, между прочим, прекрасно почувствовал русский поэт Николай Асеев, автор превосходных переводов баллад Эрбена. Когда ему доводилось читать свои переводы перед публикой и делиться мыслями о творчестве чешского поэта, он рассказывал, что даже в слове “zlato”[...] у Эрбена ему слышатся звуки слова “зло”. Читая вслух перевод баллады “Золотая прялка” и доходя до слов о «золотой нити», которую прядет убийца сводной сестры, завладевшая волшебной прялкой, Асеев произносил слова “злата нить”, разделяя слоги и создавая тем самым дополнительный, второй смысл: “зла та нить”. Надо признать, что при этом допускалась известная поэтическая вольность [...]. Но общая атмосфера эрбеновской баллады передана верно»³⁴.

Среди исследований С.В. Никольского работы о поэзии занимают особое место, свидетельствуя и о широком охвате материала чешской литературы, и о вкусе к анализу стихотворного текста, из чего проистекает и интерес ученого к «скрытым мотивам», звуковым шифрам в прозе жанра антиутопии.

³³ Никольский С.В. Две эпохи... С. 213.

³⁴ Там же. С. 208.

Н.Н. Бобровская¹

ЩЕДРОСТЬ ДУШИ

Мое знакомство с Сергеем Васильевичем Никольским можно назвать — фатальным. Я только что начала сотрудничать в журнале «Меценат и Мир», и мы выпустили несколько новых разделов в этом журнале, в том числе — раздел «Чехия», совместно и при помощи Посольства ЧР в РФ и на тот момент его советника по культуре Зденека Окунека и Чешского культурного центра в Москве. Раздел получался довольно интересный, так как я работала несколько лет в Чехословакии и на всю жизнь у меня осталась любовь к этой маленькой стране. И по зову сердца и души я взялась курировать этот новый раздел. Искала новых авторов, привлекала молодежь, студентов, писала сама. Но выпустив раздел, я чувствовала, что в нем не хватает чего-то главного, какого-то стержня, какого-то высококачественного, по-настоящему добротного материала, к которому прилагалось бы все остальное.

И вот однажды по приглашению Окунека я поехала на открытие художественной выставки в Фонд культуры. Долго стояла на остановке, ежась на ветру от колючей морозной непогоды, дожидаясь троллейбуса. Рядом со мной также дожидался транспорта довольно пожилой человек с тросточкой, в очках с сильными диоптриями. Наконец, троллейбус появился, и мы с другими пассажирами тронулись в путь. Выйдя на остановке перед Фондом культуры, я заметила, что и этот человек с тросточкой вышел и двинулся вместе со мной по направлению к Фонду. И тогда я поинтересовалась у него, не идет ли он на выставку, на что получила утвердительный ответ. И мы вместе вошли в старинный особняк. Раздеваясь, я спросила его:

¹ Наталья Николаевна Бобровская — журналист, куратор чешского раздела культурологического журнала «Меценат и Мир». — *Прим. ред.*

«А вы в Чехословакии бывали?» И получила скромный ответ: «Да. Случалось...» Дальше пошло все по плану: открытие выставки, поздравления, фуршет... И мы с этим еще мне незнакомым старичком несколько раз обменивались мнением о той или иной картине. По окончании выставки я поехала на том же троллейбусе обратно до метро, и к моему удивлению оказалась опять рядом с незнакомцем. Мы продолжали беседу, как это обычно бывает со случайными попутчиками. Но беседа была настолько увлекательной и интересной, что когда мы расстались, я очень сожалела, что не познакомилась с этим человеком ближе, не узнала его имени и фамилии. Знала только, что он из Академии наук РФ, он как-то об этом невзначай обмолвился.

Когда я приехала домой, то тут же позвонила своей подруге, куратору другого, словацкого раздела журнала «Меценат и Мир» Елене Тамбовцевой-Широковой, у которой уже были знакомые в Академии, многие из них — авторы статей в журнале, и попросила узнать, как же зовут этого необыкновенно интересного незнакомца. Через минуту она мне перезвонила и торжественно сказала: «Ты познакомилась с крупнейшим и известнейшим всему миру богемистом, крупнейшим исследователем чешской литературы и русско-чешских литературных связей — Сергеем Васильевичем Никольским!!!» Я так и ахнула и начала укорять себя: почему не познакомилась, не спросила его имени, не узнала, откуда он?? Но, как говорится, на «ловца и зверь бежит».

И это было началом нашей большой дружбы и долгого сотрудничества с Сергеем Васильевичем, который внес неоценимый вклад в чешский раздел журнала «Меценат и Мир». Он также ввел меня в свой давнишний клуб при посольстве «Общество Братьев Чапеков». А его статьи для нашего раздела всегда являлись той жемчужиной, которая его неизменно украшала. Так появились статьи о Швейке «Йозеф Швейк с улицы Боиште» (№33–36), «О Праге и чешской

культуре» (№29–32), «Уж как пал туман седой на синее море» (№37–40)...

За это время я привыкла слышать в трубке телефона его приятный бархатный голос, который приглашал меня на то или иное мероприятие. И благодаря ему я могла писать и свои статьи или делать интервью с интересными людьми. Мы зачастую встречались с ним в метро на Смоленской площади для передачи готового материала или вычитке новой корректуры. И всегда наши беседы надолго затягивались, я могла слушать его часами обо всем, что он знал, чем он щедро делился со мной. А знания его были обширны и энциклопедичны. Так, в одной из бесед С.В. Никольский поведал мне, как в университетской аудитории он слушал поэта военного времени Семена Гудзенко (я писала о нем). Рассказывал о его манере чтения стихов, о его необычно высоком росте, о том, чего нигде не прочтешь и не узнаешь. И эти встречи для меня остаются незабываемыми...

Энциклопедические знания, огромный жизненный опыт, легкая манера общения этого человека всегда меня завораживали. И я счастлива, что судьба мне подарила встречу с необыкновенной личностью — Сергеем Васильевичем Никольским.

Раздел II

АКТУАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ СЛАВЯН

Г.П. Мельников

КАРЛ IV КАК ПИСАТЕЛЬ

Методика исследований истории чешской литературы, применяемая С.В. Никольским, состоит в объективности анализа, использовании не только литературоведческих, филологических, но и историко-культурных методов исследования, учете новейших тенденций в науке без их абсолютизации, сохранении понятия иерархии ценностей. Методика, используемая С.В. Никольским применительно к чешской литературе XIX–XX вв., вполне может быть применена к исследованию чешской средневековой литературы — области, мало известной в России. В связи с этим представляется актуальным обратиться к литературному наследию чешского короля и императора Священной Римской империи Карла IV (даты жизни 1316–1378), чья политическая деятельность стала в последние годы одной из главных тем чешской исторической богемистики.

Многочисленные публикации, грандиозная выставка «Карл IV. Император Божьей милостью. Культура и искусство в период правления последних Люксембургов. 1347–1437», прошедшая в 2006 г. на Пражском Граде и сопровождавшие ее научный каталог, капитально изданный сборник материалов и исследований (680 страниц альбомного формата), являющийся по сути коллективной монографией, написанной авторами из разных стран, а также научно-популярные работы, показали ключевое значение Карла IV для развития чешской государственности и культуры¹. При нем

¹ *Spěvák J.* Karel IV. Život a dílo. Praha, 1980; *Kavka F.* Vláša Karla IV. za jeho císařství (1355–1378). Praha, 1993. D. I–II; *Idem.* Život na dvoře Karla IV. Praha, 1993; *Čechura J.* České země v letech 1310–1378. Lucemburkové na českém trůně I. Praha, 1999; *Bobková L.* Velké dějiny zemí Koruny české. Svazek IV.a. 1310–1402. Praha–Litomyšl, 2003; *Bobková L., Bartlová M.* Velké dějiny zemí Koruny české. Svazek IV.b. 1310–1402. Praha–Litomyšl, 2003; *Stejskal K.*

страна стала не только центром Империи, но и всей Центральной Европы, достигла апогея своего развития в измерениях «большого исторического времени». Пристальное внимание привлекает также сама личность Карла IV. В появившихся за последнее время капитальных научных трудах о Карле IV этой теме отведено значительное место. Однако его писательская деятельность, анализ его сочинений остается на втором плане. В научных трудах по истории чешской литературы, конечно, Карл IV как писатель обязательно присутствует, но, как представляется, не вполне достаточно. Чешские историки проявили значительно больший интерес к сочинениям Карла IV. Однако их прежде всего интересует содержание этих текстов, позволяющее раскрыть концепцию чешского государства, предложенную и осуществлявшуюся Карлом IV.

Наиболее полно в этом плане проанализировал сочинения Карла IV Иржи Спевачек в монографии «Карл IV», изданной в 1980 г. и ставшей значительной вехой в развитии чешской науки². И. Спевачек указывает на предпосылки литературной деятельности Карла IV, к числу которых он относит рационализм мышления французских юристов, к которому приобщился юный Карл во время пребывания при французском дворе, необходимость полемики по вопросам государственного устройства с ранними итальянскими гуманистами, стремление создать собственную политическую традицию при помощи литературных текстов для прославления династии, своих деяний и своей персоны как воплощения высшей светской власти в христианском мире. Поэтому все тексты, которые Карл IV

Dějiny umění. Umění na dvoře Karla IV. Praha, 2003; Šmahel F. Cesta Karla IV. do Francie. 1377–1378. Praha, 2006; Karel IV. Císař z boží milostí. Kultura a umění za vlády posledních Lucemburků. 1347–1437. Katalog výstavy. Praha, 2006; Karel IV. Císař z boží milostí. Kultura a umění za vlády posledních Lucemburků. 1310–1437. Praha, 2006.

² Spěvácěk J. Karel IV. Život a dílo. Praha, 1980.

сочинял или редактировал, имели четко выраженную политическую функцию³. И. Спевачек рассматривает сочинения Карла IV хронологически, а не тематически, что позволяет проследить эволюцию мысли автора, но, учитывая проблематичность некоторых датировок, несколько затрудняет реконструкцию главного содержания всех текстов — концепции чешского государства. И. Спевачек подчеркивает несистематичность литературного творчества Карла IV, его импровизационный характер, детерминированный недостатком времени, что, однако, противоречит справедливому утверждению самого И. Спевачека о четко продуманном политическом концепте сочинений короля⁴. Исследователь подробно анализирует все тексты, к которым был причастен Карл IV, с чисто исторических и историко-идеологических позиций, оставляя в тени их литературные особенности. Поэтому, очевидно, только комплексный, междисциплинарный подход может показать значение сочинений Карла IV в полном масштабе.

Хорошо известно, что Карл IV принадлежит к очень узкому кругу монархов, занимавшихся литературной деятельностью. Для XIV в., в котором он жил, его пример вообще уникален. Король не только был грамотен, что в Средние века было редкостью, он любил чтение и хорошо знал литературу, в основном христианскую, а также сочинения своего современника, «отца гуманизма» Франческо Петрарки, с которым находился в дружеском контакте⁵. Он активно занимался писательским творчеством в средневековом его понимании этого термина, что при его занятости государственными делами также представляется исключением

³ *Spěváček J. Karel IV. Život a dílo. S. 330.*

⁴ *Ibid. S. 330–331.*

⁵ *Kalista Z. Karel IV. a Itálie. Praha, 2004. S. 230–280; Špička J. Petrarca : homo politicus. Politika v životě a díle Franceska Petrarky. Praha, 2010. S. 161–192.*

из правил. Удивляет уже само количество его сочинений. К ним относятся:

- автобиография “*Vita Karoli Quarti*” («Жизнь Карла Четвертого»),
- комплекс малых текстов, получивший впоследствии название «Моралии» (“*Moralitates Caroli quarti imperatoris*”),
- «Житие святого Вацлава» (“*Hystoria nova de sancto Wenceslao martyre, duce Bohemorum*”, начинающееся словами “*Crescente religione cristiana*”, т.е. «Когда усилилась христианская вера»),
- Уложение о коронации чешских королей (“*Ordo ad coronandum Regem Boemorum*”),
- сборник законов “*Maiestas Carolina*”,
- Золотая булла 1356 г.,
- государственные грамоты,
- переписка (эпистолярное наследие).

Все эти тексты (кроме эпистолярного наследия) в последние годы изданы чешскими исследователями в современных переводах на чешский язык⁶, снабженными научными предисловиями. Особое репрезентативно-научное издание посвящено Уложению о коронации чешских королей. В нем оно представлено в латинском оригинале и чешском переводе. В книге также содержится ряд государственных грамот и научно-исследовательских статей. Роскошное издание открывается приветственными словами бывшего Президента Чешской Республики Вацлава Клауса, Пражского архиепископа Милослава Влка и деканов пражского Карлова университета⁷.

Конечно, ряд сочинений, прежде всего юридического характера (государственные грамоты, Золотая булла, *Maiestas Carolina*), был написан Карлом IV с помощью придворных юристов и законоведов, к тому же его автобиографию закончил кто-то другой, но его решающий вклад в эти тексты несомненен.

⁶ Karel IV. Literární dílo. Praha, 2000; Karel IV. Státnické dílo. Praha, 2003.

⁷ Korunovační řád českých králů. Praha, 2009.

Также он выступил инициатором создания чешских хроник, лучшую из которых — Хронику Пршибика Пулкавы из Раденина — он лично редактировал⁸. Корпус хроник круга Карла IV особенно важен для развития чешской государственной идеологии, так как содержит в себе ряд важнейших идеологем, определивших самосознание чешского общества. Ясно, что хронисты, получившие заказ от Карла IV, излагали идеи самого короля и императора, во многом развивавшие уже сложившиеся к тому времени представления.

Сочинения Карла IV — органичная часть чешской средневековой литературы. Все они написаны на латыни и составляют важное звено в развитии чешской латиноязычной средневековой литературы. Однако некоторые из них, такие как Автобиография, Моралии, Житие св. Вацлава, были почти сразу переведены на чешский язык, поэтому являются частью чешскоязычной литературы. Кстати, как отмечают все исследователи, их старочешские переводы несколько отличаются от латинских оригиналов, так как переводчики стремились более полно адаптировать тексты к реалиям именно современного им чешского социума. Наличие двух версий — латинской и чешской — показывает стремление короля Чехии и императора одновременно явить своей стране и всему христианскому миру значимость чешской государственной, культурной, религиозной и исторической традиции, укрепив тем самым не только чешское самосознание, но и положение страны в системе Империи и в Европе в целом. Тексты, содержащие инновации государственного и юридического плана, выдвигали именно Чешское королевство на роль главного движущего звена в Империи.

Список сочинений Карла IV поражает разнообразием жанров. Здесь есть автобиография, моральная философия, агиография, юридические тексты (законник, уложение о коронации, конституция Империи,

⁸ Подробнее см.: *Kroniky doby Karla IV. Praha, 1987.*

грамоты), эпистолы. Все тексты Карла IV насыщены идейным содержанием, направленным на совершенствование общества и человека в духовно-религиозной, нравственной, правовой сферах, на формирование нового для позднего Средневековья историко-патриотического и этнического сознания.

Первым исследователем, который отметил религиозно-философские основы сочинений Карла IV, был известный историк, искусствовед, культуролог, литератор Зденек Калиста (1900–1982). В своей книге «Карл IV. Его духовный облик»⁹, которая фактически оказалась запрещенной цензурой при социализме, а после «бархатной революции» стала классикой чешской гуманитарной науки, он показал главный источник мыслей и философии власти Карла IV — сочинения блаженного Августина. Августинианское понимание власти, которое кратко можно свести к формуле монарх есть слуга Божий, обязанный заботиться о своих подданных и предстоять за них перед лицом Божиим, было у Карла IV дополнено влияниями таких разных мыслителей, деятелей церкви, еретиков, поэтов, как св. Фома Аквинский, Данте, Петрарка, Марсилиус Падуанский, Риенци. В результате, как убедительно доказывает З. Калиста, у Карла IV сформировалась новая для XIV в. концепция власти, основанная на христианском понимании категории общественного служения, для которого традиционная формула верховной светской власти как власти “*Dei gratia*” — лишь условие ее реализации. Эта философия власти, выраженная в латинских сочинениях Карла IV, оказала влияние на европейскую политическую мысль. Введение сочинений Карла IV в широкий европейский контекст позволило З. Калисте в этой книге и в работах, позднее вошедших в книгу «Карл IV и Италия»¹⁰, показать значительные масштабы политического

⁹ Kalista Z. Karel IV. Jeho duchovní tvář. Praha, 2007.

¹⁰ Kalista Z. Karel IV. a Itálie. Praha, 2004.

мышления Карла IV и акцентировать его христианские основы, восходящие к патристике.

Известный немецкий историк-богемист Фердинанд Зайбт считает, что все сочинения Карла IV — это некое целостное явление, созданное в жанре «княжеского зеркала», широко распространенном в европейской средневековой литературе. Ф. Зайбт подчеркивает связь социального и теологического в мышлении Карла IV, говоря, что теологические экспликации в сочинениях монарха направлены на реалистический разговор с Богом в основном о делах земных, поэтому исследователь классифицирует мысль Карла IV как «социальную теологию»¹¹.

Известный чешский литературовед Ян Легар в новейшем капитальном академическом труде по истории чешской литературы акцентировал значимость прежде всего исторических хроник, написанных по заказу и при участии Карла IV, их функционирование в пространстве чешскоязычной литературы. Сочинения Карла IV, по мнению исследователя, обозначили в XIV в. формирующуюся линию чешской литературы, которую позднее стали называть научной прозой¹².

Подробнее на сочинениях монарха останавливается литературовед Яна Нехутова в книге «Латинская литература чешского Средневековья (до 1400 г.)», совмещающей черты научного исследования и учебного пособия¹³. В ней параграф 6.2, занимающий всего лишь полторы страницы, целиком посвящен Житию св. Вацлава (по чешской традиции называемому Легендой о св. Вацлаве), написанному Карлом IV¹⁴. Уже в заглавии этого сочинения (*Hystoria nova*) акцентируется, как справедливо заметил еще И. Спевачек, то, что

¹¹ Seibt F. Karel IV. Císař v Evropě (1346–1378). Praha, 2002.

¹² Lehár J., Stich A., Janáčková J., Holý J. Česká literatura od počátků k dnešku. Praha, 2002. S. 80–81.

¹³ Nechutová J. Latinská literatura českého středověku do roku 1400. Praha, 2000.

¹⁴ Ibid. S. 124–125.

образ св. Вацлава трактуется исторически, а не только житийно, и то, что текст является оригинальным, а не очередной редакцией предыдущих житий святого¹⁵. Также инновационным было указание в заглавии на авторство самого Карла IV (... per dominum Karolum, imperatorem Romanorum, regem Bohemie, compilata). Я. Нехутова дает четкую и аргументированную характеристику всего сочинения. Целями его написания были прославление чешского прошлого, династии Пршемысловцев, к которой Карл IV принадлежал по материнской линии, создание идеального образа христианского монарха. Текст испытал влияние сочинения бл. Августина «О Граде Божьем». Источниками Легенды были чешские исторические сочинения Кристиана, Козьмы Пражского, Далимила. Очевидно, из устной народной традиции святовацлавского культа взят рассказ о наказании матери св. Вацлава язычницы Драгомиры: за свои злодеяния она прямо перед Пражским градом проваливается в ад. По сравнению с предыдущими житиями в тексте Карла IV есть одна существенная инновация. Это рассказ об имперском рейхстаге, на который св. Вацлав вошел в сопровождении ангелов и с сияющим крестом на челе, повергнув в изумление императора и присутствующую немецкую знать. Этот эпизод должен был акцентировать политический приоритет Чехии в Империи (богемоцентризм) прежде всего с точки зрения христианской религии, соединяя таким образом в одну идеологему священное и светское. Именно он стал композиционным центром сочинения. Сочинение Карла IV стало вершиной святовацлавской агиографии. Оно использовалось в богослужении, в «чтениях» (lectiones), поскольку практическая цель его написания состояла в том, чтобы дать новый текст для литургических нужд. Житие вошло в Чешскую хронику Пршибика Пулкавы (в латинской и чешской версиях), было переведено на немецкий язык, в другом чешском переводе оно вошло в Чешский

¹⁵ *Spěvaček J. Karel IV. S. 344.*

Пассионал — сборник житий святых мучеников. Очевидно, сочинение возникло в связи с коронацией Карла IV императорской короной в Риме в 1355 г. И должно было подчеркнуть принадлежность нового императора к роду святого чешского князя-страстотерпца.

Хотелось бы добавить следующее. Во-первых, немецкий перевод был связан с государственной политикой распространения культа св. Вацлава в немецких землях Империи, успех реализации которой закрепился в немецкой культуре, о чем свидетельствует распространность немецкого варианта имени Вацлав — Венцель и ряд церковных фондов Карла IV в Германии¹⁶. Во-вторых, введенный Карлом IV эпизод с проваливающейся в ад Драгомирой послужил косвенным источником, через Чешскую хронику Вацлава Гаека из Либочан (издана в 1541 г.), картины великого чешского художника XVII в. Карела Шкреты «Смерть Драгомиры» (1641) из его «Святовацлавского цикла», созданного по церковному заказу¹⁷. Об использовании текста Карла IV в эпоху Барокко говорят барочные жития святого¹⁸.

Далее Я. Нехутова отмечает стиль Карла IV — простой, прозрачный, ясный. Всё повествование насыщено фактами, при этом ему свойственна четкость, определенная самостоятельность в переработке источников¹⁹.

¹⁶ Kuthan J. K šíření kultu svatého Václava za hranice Čech a Moravy v době Přemyslovců a Lucemburků // Svatý Václav. Na památku 1100. výročí narození knížete Václava Svátého. Praha, 2010. S. 221–238.

¹⁷ Karel Škréta. 1610–1674. Doba a dílo. Praha, 2010. S. 168–169; Тананаева Л.И. Карел Шкрета. Из истории чешской живописи эпохи барокко. М., 1990. С. 69–71.

¹⁸ Svatoš M. Sv. Václav v literatuře 17. a 18. století // Svatý Václav v umění 17. a 18. století. Praha, 1994. S. 22–25.

¹⁹ Nechutová J. Op.cit. S. 125.

Литературной деятельности Карла IV целиком посвящен параграф 8 книги Я. Нехутовой²⁰. Всего на трех страницах дан ёмкий анализ темы. Исследовательница справедливо выражает недоумение по поводу того, что современники недостаточно оценили литературное творчество монарха, что, добавим от себя, в условиях целенаправленного осуществления широкой программы репрезентации власти Карла IV, нашедшей выражение в архитектуре, изобразительном искусстве, хронистике, выглядит весьма загадочно. Нет даже упоминания об уникальном тексте “*Vita Karoli Quarti*” как автобиографии императора. Современники выделяли лишь христианско-моральные сочинения Карла IV и его богословскую образованность. В этом аспекте характерно соответствующее место, приводимое Я. Нехутовой, из речи над гробом Карла IV, произнесенной Пражским архиепископом Яном Очко из Влашими, человеком, близким к Карлу IV. О почившем монархе Ян Очко сказал: «Как известно, он был столь учен, что его считали знатоком и учителем теологии. Он очень хорошо объяснил несколько мест в Псалтире и также в Евангелии, он сочинял молитвы и иные поучения и часто встречался и дискутировал с магистрами, учителями и другими учеными мужами»²¹. Интересно, что церковный иерарх при таком торжественном случае даже не упомянул написанное монархом «Житие св. Вацлава». Рискну предположить, что такая ситуация была выражением авторского смирения Карла IV, так как в Средневековье авторская, писательская работа по составлению, редактированию, даже сочинению церковных текстов не считалась личным творчеством, она свалилась с принципиальной анонимностью всего средневекового искусства и литературы, возникшей после эпохи Отцов Церкви (за редким исключением великих богословов и философов типа Фомы Аквинского). Светские же сочинения Карла IV церковный иерарх в надгробной речи вряд ли бы стал упоминать. Но всё же отсутствие

²⁰ *Nechutová J.* Op.cit. S. 142–144.

²¹ *Ibid.* S. 143.

хвалебных отзывов на них в современных Карлу IV текстах весьма озадачивает.

В российской гуманитарной науке деятельность Карла IV как писателя лаконично освещена в работах, ориентированных на студенческую аудиторию и вышедших из-под пера университетских профессоров. Сочинения Карла IV как исторические источники кратко, но ёмко анализируются Л.П. Лаптевой²². Несколько строк в «Истории чешской литературы» Р.Р. Кузнецовой, посвященных двум сочинениям Карла IV, не вполне адекватны материалу²³. Учебное пособие А.В. Леонтьевского²⁴ состоит из вступительной статьи «Современники о Карле Люксембурге и Карл IV о себе» и публикации сделанного ученым перевода автобиографии Карла IV, что представляет собой особую ценность. К сожалению, эта публикация, изданная Волгоградским государственным университетом в 1995 г. тиражом в 200 экземпляров, осталась практически неизвестна российским богемистам, не говоря уже о чешских исследователях.

Рассмотрим более подробно каждое из сочинений Карла IV (кроме уже проанализированного Жития св. Вацлава).

Центральное место в творческом наследии Карла IV, естественно, занимает его автобиография «Жизнь Карла Четвертого». Во всех работах о Карле IV присутствует ее анализ (в чешской историографии наиболее подробно ее анализировал И. Спевачек²⁵, ей посвящено много специальных исследований чешских и немецких ученых, особенно в последние 10–15 лет²⁶. Это не удивительно, поскольку она служит одним из

²² Лаптева Л.П. Письменные источники по истории Чехии периода феодализма (до 1848 года). М., 1985. С. 33–36, 61–67 и др.

²³ Кузнецова Р.Р. История чешской литературы. М., 1987. С. 14–15.

²⁴ Леонтьевский А.В. «Искусство возможного» в политике Карла IV Люксембурга. Волгоград, 1995.

²⁵ Spěvák J. Karel IV. S. 348–358.

²⁶ Новую библиографию см. в примечаниях к статье: Nodl M. Svár obrazu s textem: sen Karla IV. o smilstvu // Nodl M. Tři studie o době Karla IV. Praha, 2006. S. 55–64.

главных источников исторического характера для изучения целой эпохи. Также обращается внимание на то обстоятельство, что только она приоткрывает дверь во внутренний мир своего автора. Последнее особенно важно, так как тексты «личного» характера — редкость в средневековой литературе Европы. Поэтому автобиография монарха очень ценна для исторической антропологии и психологии. Литературная значимость автобиографии Карла IV давно доказана, новые методологические подходы к хорошо известному тексту позволяют раскрыть более глубокие пласты авторского сознания, отраженного в нем.

Структура автобиографии такова. Текст состоит из 20 глав, главы 1–14 написаны самим Карлом IV, повествование ведется от первого лица множественного числа («мы») и доводится до 1340 г. Главы 15–20, более краткие по объёму, рассказывают о событиях 1341–1346 гг. и написаны кем-то другим, говорящим о монархе в третьем лице.

Датировка создания текста до сих пор остается спорной. Обзор ранее существовавших точек зрения по этому вопросу привел И. Спевачек²⁷. Он сам склоняется к промежутку 1365–1372 гг., указывая на 1371 г. как на наиболее аргументированную дату²⁸. А. Видманова считает, что Карл начал писать текст в 1346 г., когда стал Римским королем, вскоре после этого он поручил закончить текст кому-то другому²⁹. А.В. Леонтьевский относит создание текста к 1346–1355 гг. — времени между двумя коронациями Карла IV³⁰. Споры о датировке весьма важны, так как предлагаемые даты увязываются с политическими событиями, с карьерой автора, что может помочь более точно определить цели написания этого сочинения.

Написанный на латыни текст целиком был переведен на чешский язык, причем дважды, а также на

²⁷ *Spěvák J.* Karel IV. a jeho Vlastní životopis // Karel IV. Vlastní životopis. Praha, 1979. S. 172–178.

²⁸ *Ibid.* S. 178.

²⁹ *Vidmanová A.* Karel IV. jako spisovatel // Karel IV. Literární dílo. Praha, 2000. S. 11–12.

³⁰ *Леонтьевский А.В.* Указ. соч. С. 3.

немецкий. Первый старочешский перевод, достаточно вольный, возник во второй половине XIV в., точный перевод — в середине XV в.³¹ Немецкий перевод датируется 1465 г. Появление чешских переводов приходится на время активного становления чешского самосознания, что подтверждает тезис об органическом включении «Жизни Карла Четвертого» в чешскую литературу.

Сам жанр сочинения — автобиография — крайне редко представлен в средневековой литературе, тем более это автобиография, написанная монархом. Указывают на единственную средневековую аналогию — автобиографию короля Арагона Иакова I Завоевателя (1208–1276), которая, однако, написана на простом каталонском языке и скорее относится к жанру рыцарских деяний. Относительно жанровой принадлежности автобиографии Карла IV И. Спевачек еще в 1979 г. высказал мысль о сочетании в тексте элементов разных жанров: хронистики, политического трактата, античного типа жизнеописания, христианского нравовучения³². Цель написания Карлом IV автобиографии И. Спевачек определяет как чисто политическую. Монарх был недоволен неудачами хронистов, написавших по его заказу ряд чешских хроник, но не сумевших выразить новую концепцию чешского государства, разработанную Карлом IV. Поэтому он сам взялся за ее литературную обработку, избрав «необычную форму», которая поднимает его повествование на «высший функциональный уровень». Конечно, Карл IV своим текстом хотел дать своим наследникам некое «княжеское зеркало», образец правильного правления, детерминированный исключительно рядом политических соображений. «Автобиография Карла IV — это уникальное сочинение данного типа, вышедшее из-под пера позднесредневекового монарха, имеющее целью показать и объяснить жизненные перипетии и политические шаги своего автора. Поэтому концепция сочинения была определена как идеологическими

³¹ *Kyas V. Stáří dvou staročeských překladů životopisu Karla IV. // Listy filologické. 93. 1970. Sešit 4. S. 271–275.*

³² *Spěváček J. Karel IV. a jeho Vlastní životopis. S. 169–170.*

(религиозными и теологическими), так и актуальными политическими факторами, придавшими авторскому созданию особые, специфические черты, которым подчинялось всё остальное»³³.

Подчеркивая уникальность сочинения Карла IV, И. Спевачек указывает на новый для Средневековья сугубо практический, реалистический стиль мышления монарха, всецело подчиняющего политическим целям остальные компоненты своего текста, прежде всего религиозные. «Политическое использование идеологических средств христианской веры» нужно Карлу IV для «усиления монаршего авторитета и его харизматических черт»³⁴. Такая мотивация целей сочинения, как считает И. Спевачек, «дает ключ к оценке этого произведения как с точки зрения его содержания, так и с точки зрения выбора материала, его структуры, степени достоверности описываемых событий и способа их изложения»³⁵. Для И. Спевачека автобиография Карла IV — это «прежде всего политический инструмент и указание к действию для его преемников, показывающее, какими путями должен идти успешный политик, желающий достичь большего, чем удалось его предшественникам, оставшись при этом наследником и продолжателем их концепции. Таким образом автобиография Карла IV получила новое содержание и новое функциональное назначение, стоящее высоко над простым свидетельством и фиксацией собственных политических дел и житейского опыта»³⁶. Сквозь повествование о своей жизни Карл IV хотел красной линией провести свою концепцию государственности вообще и чешского государства в особенности. Именно этим обусловлен выбор материала и его подача»³⁷.

Я. Нехутова, в отличие от И. Спевачека, считает, что определить жанр этого сочинения Карла IV весьма трудно; также неясен его авторский замысел. Учитывая

³³ *Spěvák J. Karel IV. a jeho Vlastní životopis. S. 169.*

³⁴ *Ibid. S. 170.*

³⁵ *Ibid. S. 169.*

³⁶ *Ibid. S. 170.*

³⁷ *Ibid.*

указанную нами выше концепцию З. Калисты, она акцентирует влияние «Исповеди» бл. Августина. Если все предшествующие исследователи восторгались прекрасным латинским языком и стилем автобиографии, то новейшая исследовательница-филолог оценивает стиль сочинения как сухой, четкий, стремящийся к объективности³⁸.

Концепция тотальной политической детерминированности автобиографии Карла IV, предложенная И. Спевачеком, не разделяется не только такими позднейшими исследователями, как литературоведы А. Видманова и Я. Нехутова, но и историком М. Нодлом, предложившим более глубокую интерпретацию идейного содержания автобиографии Карла IV, частично им осуществленную при анализе знаменитого сна Карла, в котором благодаря вмешательству небесных сил тот получил предостережение от греховной жизни и указание на свою богоизбранность как монарха. Как пишет М. Нодл, «этот сон, миссия пророческого содержания, в трактовке Карла стал прежде всего идеологическим инструментом теологически обоснованной репрезентации, которая имела целью отделить божьего помазанника и избранника в качестве короля от мира простых смертных»³⁹. Немецкие исследователи О. Хилленбранд и М.Э. Виттмер-Бутш считают, что автобиография должна была показать предопределенность Карла стать императором. Поэтому сон служил инструментом легитимации этого стремления к занятию высшей должности в христианском мире⁴⁰.

Как мы видим, современные исследователи оставляют политику как доминанту содержания

³⁸ *Nechutová J.* Op.cit. S. 142.

³⁹ *Nodl M.* Op. cit. S. 23.

⁴⁰ *Hillebrand E.* Die Autobiographie Karls IV. Entstehung und Funktion // *Kaiser Karl IV. 1316–1378. Forschungen über Kaiser und Reich.* Blätter für Deutsche Landesgeschichte. 114. 1978. S. 39–72; *Idem.* Vita Caroli Quarti. Die Autobiographie Karls IV. Stuttgart, 1979; *Wittmer-Butsch M.E.* Zur Bedeutung von Schlaf und Traum im Mittelalter. Krems, 1990. S. 357–360.

и целей создания *Vita Karoli Quarti*, но значительно расширяют и углубляют само понимание сферы политики в Средние века. Религия и связанные с ней темы отнюдь не являются лишь инструментом достижения политических целей. Это самостоятельная сфера со своим сложным идейным содержанием, имеющим как политическое применение, так и морально-духовное измерение. Именно поэтому мы находим в автобиографии Карла IV огромное количество нравственных наставлений потомкам, моралите, чисто религиозных христианских рассуждений. Две первые главы сочинения посвящены исключительно религиозно-нравственным рассуждениям, имеющим целью дать христианскую моральную основу правлению монархов, соединив тем самым политическую и нравственную сферы. Конечно, политические цели Карла IV несомненны, но лишь у него мы видим идеологему богоизбранности монарха, основанную не только на воле Бога, но и на строгом соблюдении монархом христианской этики. Возникающее сотрудничество двух воль — божественной и человеческой должно привести к установлению идеального правления, насколько это возможно на земле. Такое понимание основ, целей и задач верховной власти вновь отсылает нас к идейному наследию бл. Августина.

Конечно, в данной статье невозможно дать подробный анализ текста и идейного содержания автобиографии Карла IV, поскольку обширный материал этого литературного памятника может быть темой самостоятельного исследования. Необходимо лишь указать на то, что этот текст сконцентрировал в себе многие идеи, оказавшие значительное влияние на идеологию чешского общества. Соотношение категорий власть, Бог, мораль, объединяемых в понятие моральная философия власти, станет предметом рефлексии чешской литературы в ее последующем развитии.

Очевидно, самым ранним сочинением Карла были «Моралии» — выписки из Библии и нравоучительные истории с собственными комментариями. Как отдельные мелкие тексты они могли появиться на свет уже во время его отрочества и юности, проведенных при французском королевском дворе. В книжной форме

они, как считает А. Видманова, появились тогда, когда Карл целиком осознал свое жизненное предназначение. Поэтому в них доминируют наставления о том, как правильно с христианских позиций управлять государством. Окончательную форму этот сборник текстов принял в 1340-х годах⁴¹. И. Спевачек верно отметил, что в «Моралиях» Карл IV выступает не только как почитатель бл. Августина, но и сторонник течения «*Devotio moderna*» («Новое благочестие»), сформировавшегося в Северной Европе в середине XIV в. и во многом опиравшееся на реинтерпретацию августинского наследия⁴². Имеется старочешский перевод сочинения, озаглавленный “*Výklady a naučení duchovní*” («Духовные поучения и наставления»), который содержит не весь текст оригинала, но одновременно включает в себя тексты, не входящие в латиноязычный сборник.

Сборник состоит из 12 глав. В главе 1 от лица древнееврейского царя Седекии излагаются религиозно-моральные наставления. В главе 2 цитируется бл. Августин, его рассуждения о мыслях грешника при покаянии. Далее цитаты и выписки конспективного характера из Библии и Отцов Церкви сопровождаются авторскими комментариями, позволяющими нам судить о глубине понимания Карлом IV затрагиваемых им проблем. Определенное место занимают тексты, связанные с марианским культом и почтительным отношением к женщине.

Для понимания Карлом IV христианской природы власти государя очень характерна одна из первых глав — четвертая, в которой пересказывается мнение пророка Иезекииля о власти. Оно состоит в том, что наследственное, постоянное владение государем землей обусловлено тем, что князья должны перестать угнетать и притеснять народ, должны вести себя по праву и справедливости, не посягать на имущество

⁴¹ *Vidmanová A.* Op. cit. S. 10–11. Я. Нехутова относит окончательное формирование сборника ко времени после смерти Карла IV. Однако тогда непонятно, кто и с какой целью его составил. См.: *Nechutová J.* Op. cit. S. 143.

⁴² *Spěváček J.* Karel IV. S. 359–360.

подданных⁴³. Таким образом власть и мораль составляют единство, обуславливающее счастливое правление, — мысль, проходящая красной нитью через все сочинения Карла IV и присутствующая как одна из главных в его репрезентативном имидже власти.

«Уложение о коронации чешских королей», составленное Карлом IV к собственной коронации чешской короной в Праге в 1347 г., обращает на себя внимание сочетанием элементов французского и немецкого обрядов с чешской традицией и инновациями, введенными Карлом. К ним, в первую очередь, относится паломничество коронуемого в крепость Вышеград, где хранились реликвии династии Пршемысловцев — лапти и сума лыковая Пршемысла-пахаря как свидетельства простонародного аборигенного происхождения верховной власти у чехов по промыслу Божию⁴⁴, а также троекратное выкрикивание всеми присутствующими на коронации в соборе св. Вита чешского слова “rádí”, что символизировало «свободные выборы» монарха «всем народом», как якобы это было раньше. Связь историко-патриотических реминисценций с сакральной сферой еще более акцентировалась исполнением всеми собравшимися старинного чешского песнопения “Hospodine pomiluj nu”. Непонятно почему эта чешская часть обряда не вошла в письменный текст, и мы знаем о ней только из описания хрониста Пулкавы. И. Спевачек предположил, что эта часть обряда существовала и раньше, но ко времени коронации Карла была основательно забыта и он ее реанимировал⁴⁵. Однако никаких фактов, подтверждающих исполнение этой части обряда до коронации Карла, в письменных источниках не встречается. Поэтому следует считать это его инновацией, маскирующейся под возрождение старой традиции. Текст коронационного уложения изобилует религиозно-церковными

⁴³ Karel IV. Literární dílo. S. 75–76.

⁴⁴ См.: Мельников Г.П. «Уложение о коронации чешских королей» Карла IV: идеология и обряд // Славяне и их соседи. Репрезентация верховной власти в средневековом обществе (Центральная, Восточная и Юго-Восточная Европа). М., 2004. С. 55–56.

⁴⁵ Spěváček J. Karel IV. S. 335.

элементами, включая точное указание количества и названия молитв, видов богослужения и т.п., чем отличается от аналогичных текстов других стран. Литературная форма уложения, с одной стороны, риторическая, с другой — четко инструктивная, деловая⁴⁶.

Составленный по инициативе и при непосредственном авторском участии Карла IV сборник законов страны, позднее названный “*Maiestat Carolina*”, является центральным памятником чешской средневековой юридической литературы. Он создавался в 1351–1353 гг., король намеревался объявить его официальным законником. В этом случае текст стал бы первым чешским кодифицированным сводом законов. Однако высшее дворянство выступило против этого, поскольку новые законы значительно ограничивали его власть. Во избежание открытого конфликта с дворянством Карл IV 6 октября 1355 г. отозвал законник, объяснив это тем, что единственная его рукопись случайно сгорела, а на ней дворянство еще не присягало⁴⁷. Такая аргументация, явно с оттенком черного юмора, позволила Карлу IV сохранить свой авторитет и не раздражать далее недовольное дворянство. На практике некоторые законодательные нормы “*Maiestas Carolina*” постепенно внедрялись в жизнь и к концу XIV в. стали общепризнанными, хотя и неофициальными, нормативами. В целом же законник, как считают современные историки права, представлял для своего времени юридическую утопию⁴⁸.

Существует шесть аутентичных редакций латинского текста, несколько отличающихся друг от друга. Новейшее критическое издание текста, окончательно устанавливающее его деление на 127 статей, вышло в Мюнхене и стало результатом многолетних исследований

⁴⁶ Подробнейший анализ «Уложения», его происхождения, специфики, языка см. в исследовании: *Cibulka J. Český řád korunovační a jeho původ // Korunovační řád ... S. 273–413.*

⁴⁷ Karel IV. Státnické dílo. S. 252–253.

⁴⁸ *Nechutová J. Op. cit. S. 233–234; Bláhová M. Karel IV. Zákonnodárce a zakladatel // Karel IV. Státnické dílo. S. 130–134.*

Б.-У. Хергемёллера⁴⁹. Часть статей (до ст. 38) была вскоре переведена на чешский язык. Характерно, что этот перевод обрывается на статье о коронации чешского короля — своеобразном резюме «Уложения о коронации чешских королей». В середине XV в. было сделано краткое изложение законника на чешском языке⁵⁰.

Ядро законника, как считает большинство исследователей, составляют статьи 6–98, в которых речь идет о правах на земельную собственность, о судебных нормах, наказаниях, обороне государства, наследственном праве о вообще о правах и привилегиях дворянства, о семейном праве и нравственности. Для образа мыслей Карла IV чрезвычайно показательно, что в более поздних списках на первое место перед статьями, посвященными светскому праву, помещен раздел о религии (ст. 1–5). В нем утверждается абсолютное главенство христианской веры в форме католицизма, устанавливаются наказания за выступления против него, запрещается язычество и ислам, определяются меры борьбы с еретиками. Такое изменение общей композиции законника явно неслучайно, оно говорит о важности проблем, с которыми католическая церковь столкнулась в это время, а также о приоритете церковной тематики над светской, выраженном в постулатах о сохранении чистоты католической веры. В целом текст законника насыщен христианскими топами, что должно было придать ему сакральную санкцию: светское право принимает верховенство религиозно-церковной сферы и стремится установить юридические нормы, основанные на христианской этике и морали. Таким образом в тексте “*Maiestas Carolina*” мы вновь видим столь характерное для мышления его автора соединение церковного и светского начал, симфонию духовной и светской властей, христианскую мораль как основу реальной жизни общества. Конечно, это утопия, коренящаяся в августинианском стиле мышления Карла IV, создававшая, однако,

⁴⁹ *Maiestas Carolina. Der Kodifikationsentwurf Karls IV. für das Königreich Böhmen von 1355.* München, 1995.

⁵⁰ *Bláhová M. Karel IV... S. 34.*

совершенно новый образ верховной власти в глазах общества. Также важно учесть, что “*Maiestas Carolina*” заложил основы традиции чешской юридической литературы, расцвет которой приходится на эпоху Ренессанса (сочинения Викторина Корнеля из Вшегрд, Павла Кристиана из Колдина и др.).

Участие Карла IV в составлении другого юридического памятника — знаменитой Золотой буллы 1356 г. было значительно меньшим. Ее литературная форма, отличающаяся замечательным латинским языком, была в значительной мере делом канцлера Чешского королевства Яна из Стршеды. Золотая булла 1356 г. (ее латинское название с 1400 г. — *Aurea bula*) — это конституция Священной Римской империи, в основе своей действовавшая до 1806 г. В данной статье нет смысла анализировать ее содержание и форму. Отметим лишь, что в ней главенствует идея преемственности германской империи от Римской империи и устанавливается первенствующее положение Чешского королевства в политической системе империи. С литературной точки зрения интересно, что текст буллы начинается с молитвы, написанной гекзаметром, в которой мы видим совмещение христианских образов с античной мифологией⁵¹.

Грамоты Карла IV составлялись в его канцелярии и в языковом отношении носят явные следы влияния раннегуманистической латыни петраркианского типа⁵². Очевидно, что некоторые формулировки и отдельные выражения в грамотах, особо значимые для идеологической программы короля и императора, принадлежат самому Карлу IV. В важнейшей грамоте об основании Пражского университета в 1348 г., составленной секретарем короля Николаем Сортезом по инициативе монарха⁵³, есть такие выражения, относящиеся к Чехии и Праге, как «благороднейшая часть», «великолепная». Вся патриотическая концепция грамоты основывается на тезисе о том, что Бог наделил чешскую землю всевозможными благами (реминисценция

⁵¹ Karel IV. *Státnické dílo*. S. 265.

⁵² Kalista Z. Karel IV. Jeho duchovní tvář. S. 115–117.

⁵³ Dějiny university Karlovy. Praha, 1995. D. 1. S. 35.

соответствующего места в Чешской хронике Козьмы Пражского), к которым ныне король прибавляет блага просвещения. Таким образом монарх выступает как продолжатель Божьего дела. В грамоте об основании Нового города Пражского (1348 г.), также содержащей идеологему чешского патриотизма, Чехия называется «избранным садом среди полей»⁵⁴.

Эпистолярное наследие Карла IV сохранилось весьма фрагментарно. В нем наиболее значимы письма к ранним итальянским гуманистам Петрарке и Коло ди Риенцо. В них монарх предстает как человек средневекового образа мыслей, который, однако, интересуется новыми идеями, обсуждает их, оценивает возможность и полезность их использования для своих политических целей. Главная конфронтация Карла IV с ранними гуманистами состоит в том, что он отстаивает приоритет христианского духовного дискурса над светскими ценностями, в том числе светским пониманием государства, утверждавшимися Петраркой и Риенцо⁵⁵. Однако сам наметившийся диалог старого и нового обогатил интеллектуальный кругозор Карла IV и одновременно укрепил его в сознании своей правоты понимания задач правителя как формы служения Богу, что было им сформулировано в тексте автобиографии. При этом он предстает гораздо более практически мыслящим реалистом, чем его адресаты, создававшие некую политическую утопию. Стиль писем Карла IV показывает его глубокую образованность, способность легко, просто и компетентно обсуждать сложные политические и интеллектуальные проблемы.

Подведем некоторые итоги. В сочинениях Карла IV нашли свое литературное выражение многие основные идеологемы его правления, определившие интеллектуальную и духовную атмосферу чешского общества не только его эпохи, но и предгуситского периода. Главное достижение Карла IV как писателя —

⁵⁴ Karel IV. Státnické dílo. S. 58.

⁵⁵ Kalista Z. Karel IV. Jeho duchovní tvář. S. 113–130; Špička J. Op. cit. S. 161–192, 211–230; Мельников Г.П. Петрарка и пражские интеллектуалы круга Карла IV // Франческо Петрарка и европейская культура. М., 2007. С. 128–136.

автобиография, совместившая многие традиции античной и средневековой литературы и занимающая уникальное место во всей средневековой литературе Европы. Специфика литературных произведений монарха заключается в четкости мысли, сжатости, сконцентрированности изложения, даже деловитости, отсутствии мистики (кроме знаменитого сна, который, однако, подается как реальность) и лирики, трезвость, духовная и интеллектуальная концентрация. Ему присущ практицизм, стремление принести пользу своими текстами. Отсюда их чрезмерная дидактичность и христианская нравоучительность. Его тексты находятся у истоков той традиции чешской литературы в широком значении этого термина, которая привела несколько позднее, с эпохи Ренессанса, к утверждению жанра практических пособий, руководств в различных видах деятельности. В этом плане особо значимыми были его юридические тексты.

Огромное место в сочинениях Карла IV занимает религиозная сфера: рассуждения, моралите, молитвы, наставления, обращения к Богу, теологическое объяснение многих явлений и событий. Можно утверждать, что религиозность автора является не просто признаком эпохи Средневековья, но детерминантой его индивидуального мышления. Синтез религиозного, церковного и светского политического начал характеризует специфику и оригинальность мысли Карла IV.

Одна из целей литературного творчества монарха — авторепрезентация. Она, естественно, преследует прежде всего политические цели. Но в то же время автор сквозь свой текст предстает как личность, причем масштабная, оригинальная, креативная, интеллектуальная. Политика в идеологии Карла IV составляет неразрывное целое с христианской этикой, поэтому в авторепрезентации эти сферы выступают в единстве, причем сам автор подчеркивает детерминирующее положение евангельских заповедей для своей политической деятельности и личной жизни. Верховная власть трактуется им как форма служения Богу. Слава, блеск, могущество, присущие власти монарха и являющиеся неременной принадлежностью его репрезентации, всего лишь внешняя атрибутика власти, необходимая

для социума. В литературном автопортрете Карла IV набожность и богопослушность органически сочетаются с политическим реализмом и даже прагматизмом.

Одновременно с этим в сочинениях Карла IV мы видим великие идеи и проекты колоссального масштаба. К ним относятся преобразование политической системы империи, превращение Чешского королевства в ее центральную часть. Сочетание имперского универсализма с чешским патриотизмом — абсолютно инновационная идея императора и чешского короля. В связи с этим в авторепрезентации видное место заняло представление о себе как наследнике двух святых правителей — Карла Великого и князя Вацлава. Историчность сознания Карла IV, его укорененность в истории выводили на первый план в имперском универсуме именно чешскую историю. Предшествующую чешскую патриотическую традицию, выраженную чешскими хронистами, Карл IV поднял на новый уровень, придав ей сопряженность с имперским и христианским универсумом и сделав главной частью государственной и общественной идеологии. Ключевой фигурой такого типа сознания, «иконой», стал св. Вацлав, культ которого именно при Карле IV реанимируется и обретает новые черты, значительно повышающие его статус. Этой цели и служило собственноручно написанное монархом новое Житие св. Вацлава.

Многими исследователями ставился вопрос о влиянии раннего гуманизма на Карла IV. Как мы уже отмечали, диалог с гуманистами велся, но средневековое миросозерцание Карла IV поколеблено не было. Лишь один, но очень важный элемент был здесь инновационен — необычайный для Средневековья масштаб авторепрезентации, прямо указывающей на утверждение личностного начала в культуре, на важность не только деяний, но также переживаний и самого хода мыслей автора. Сильный авторский акцент делает автобиографию Карла IV сочинением, в котором намечаются некоторые ренессансные интенции.

В итоге можно констатировать, что Карл IV является крупнейшим писателем средневековой Чехии, занимающим уникальное положение во всей культуре Европы. Предстоит еще оценить его сочинения в масштабах всей европейской неолатинской литературы. В его текстах сильно выражено авторское начало, отражающее масштаб личности. Его тексты оказали сильнейшее влияние на развитие историко-патриотической традиции в чешской литературе. Все перечисленные аргументы позволяют поставить Карла IV как средневекового писателя гораздо выше, чем это принято в истории чешской литературы.

П.В. Королькова

ПРАГА В ПУТЕВЫХ ЗАМЕТКАХ Й.Ю. ШТРОСМАЙЕРА

...судя по последним событиям в Европе,
Золотой Праге и всему чешскому народу
отведено играть неизмеримо важную роль¹.

Й.Ю. Штросмайер

Летом 1874 г. знаменитый хорватский епископ, политический деятель, писатель, просветитель и участник иллирийского движения Йосип Юрай Штросмайер предпринял путешествие через Осиек, Вену и Прагу в Германию, где посетил Дрезден, Берлин, Бамберг и Мюнхен. Он оставил любопытные путевые заметки об этой поездке — “Putopisne crtice” («Путевые зарисовки»). Они были опубликованы во фрагментах в 1875 г. в журналах «Вестник епископии джаковачско-сриемской» (“Glasnik biskupije djakovačko-srijemske”) и «Виенац» (“Vienac”)².

Путешествие — «литературный жанр, в основе которого описание путешественником (очевидцем) достоверных сведений о каких-либо, в первую очередь, незнакомых читателю или малоизвестных, странах, землях, народах, в форме заметок, записок, дневников (журналов), очерков, мемуаров»³. Этот жанр очень популярен в хорватской литературе. Некоторые хорватские исследователи⁴ считают, что первыми

¹ *Strossmayer J.J. Putopisne crtice. Đakovo, 2011. S. 28.* Здесь и далее перевод наш. — П.К.

² Подробнее об этом см.: *Čurić M. Putopisne crtice biskupa Strossmayera // Strossmayer J.J. Putopisne crtice. Đakovo, 2011. Ss. 5–13. S. 6.*

³ Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001. С. 839.

⁴ Подробнее об этом см. *Horvatić D. Pripomene o hrvatskom putopisu // Zrcala zbilje. Zagreb, 1996; Kelekić-Polovina D. Putopisna proza u modernoj hrvatskoj književnosti (genološko-historiografska*

путешествиями с некоторыми оговорками можно назвать уже «Рыбную ловлю и рыбацкие присказки» (1568) Петара Гекторовича и «Горы» (1569) Петара Зоранича, а также «Путешествие к Иерусалиму» (1752) Якова Плетикосы и поэму «Сатир, или Дикий человек» (1762) Матии Антуна Рельковича⁵. В XIX в. в полной мере сформируется жанр путевого очерка, к которому обращались такие известные писатели, как Станко Враз, Антун Немчич, Людевит Вукотинович, Иван Кукулевич-Сакцинский, Адольф Вебер Ткалчевич, Миховил Павлинович, Иван Трнски, Август Шеноа и многие другие. В XX в. популярность этого жанра только возрастет (в ряду самых известных авторов путевых очерков можно назвать Ягоду Трухелку, Анте Тресича Павичича, Виктора Цара Эмина, Антуна Густава Матоша, Милана Беговича, Владимира Назора, Янко Полича Камова, Тина Уевича, Августа Цесареца, Мирослава Крлежу, Петара Шегедина и многих других)⁶.

Жанр путевого очерка — пограничный между литературой художественной, публицистической и документальной. Помимо собственно познавательных, путевой очерк может ставить и другие — в том числе эстетические, политические, философские задачи. В разные моменты какие-то из них могут выходить на первый план, поэтому отдельные фрагменты текста иногда сильно отличаются друг от друга в стилистическом и жанровом отношении. В очерк могут войти и сюжетный рассказ, и бытовая зарисовка, и статистическая выкладка, и поучение. Очерк обладает свободной композицией — произвольной или организуемой идейным замыслом рассказчика. Единство тексту во многом придает именно образ путешествующего героя

studija). Magistarski rad. Zagreb, 1995; *Horvatić D.* Hrvatski putopis od XVI stoljeća do danas (antologijski izbor). Zagreb, 2002.

⁵ См. *Pederin I.* Hrvatski putopis. Rijeka, 2007.

⁶ Подробнее см. также: *Ježić S.* Hrvatski putopis. Zagreb, 1995; *Brešić V.* Hrvatski putopisi. Zagreb, 1996; *Franić A.* Hrvatski putopisi romantizma. Zadar, 1983; *Duda D.* Kultura putovanja. Zagreb, 2012 и др.

(рассказчика). Он — наблюдатель чужого мира, поэтому противостояние «своего» «чужому» является одним из формообразующих факторов этого жанра. Читатель вынужден доверять автору, он на все смотрит его глазами. Ведь критерием оценки «чужого» служит «свой» мир путешественника, его родина, представления о жизни, о ценностях, сложившиеся в его стране.

Герой-путешественник выступает как обобщенное лицо, носитель своей национально-культурной традиции, хотя личный уникальный жизненный опыт автора, его индивидуальная психология могут играть не менее важную роль и выходить подчас на первый план.

Этими качествами в полной мере обладают путевые очерки Йосипа Юрая Штросмайера, в которых отразился буквально весь спектр интересов и занятий хорватского епископа, его политические, религиозно-гуманистические и философские взгляды. При этом все, что видит Штросмайер, заставляет его обращаться в мыслях к хорватской действительности, задумываться над тем, что и как можно улучшить на родине, что необходимо сделать для блага его сограждан.

Прага в этих небольших по объему очерках занимает очень важное место, хотя описанию города, его достопримечательностей и жителей посвящено всего несколько страниц. Именно там, по собственному признанию автора, при взгляде на собор святого Вита на Пражском граде, он принимает решение написать свои заметки.

В чешской столице Штросмайер оказывается уже не в первый раз. Еще раньше, во время путешествия через Вену в Прагу в 1853 г., он искал архитектурный образец для постройки кафедрального собора в городе Джаково (Славония), где находилась его резиденция. В качестве подобного образца он избрал проект костела святых Кирилла и Мефодия известного архитектора Карла Рёзнера, который тот собирался строить в Карлине, одном из пражских предместий. Это был собор в неороманском стиле — этот стиль

Штросмайер особенно любил. Впоследствии он найдет в Вене Карла Рёзнера и доверит ему строительство собора св. Петра в Джаково. Отметим, что усилия хорватского епископа увенчались успехом: этот собор в небольшом хорватском городке и сейчас поражает воображение величием и красотой.

Что же вновь привлекло внимание хорватского епископа в Праге и как он описывает этот город? В первых же строках читатель чувствует симпатию, с которой рассказчик относится к чешской земле и чехам: «Пробыв два дня в Вене, мы двинулись в сторону Золотой Праги... Золотая Прага относится к самым знаменитым городам средней Европы»⁷. При этом для Штросмайера-просветителя, стоявшего у истоков основания Югославянской Академии наук и университета в Загребе, библиотеки при Академии и художественной галереи, получившей впоследствии его имя, важнее всего оказывается тот факт, что университет в Праге является одним из старейших в Европе и что он был основан до того, как появились университеты в Вене и Лейпциге. Чувствуется, что автор испытывает почти личную «общеславянскую» гордость за Пражский университет и несколько раз на протяжении повествования предсказывает чехам великое будущее и важную роль, которую Чехия сыграет в европейской истории. Прага и чехи близки рассказчику уже вследствие схожести исторической судьбы чехов и хорватов в Австрийской империи. По мнению Штросмайера — приверженца идеологии австрославизма — и чехи, и южные славяне являются вернейшими подданными монархии Габсбургов, поэтому императору следовало бы удовлетворить их политические требования в отношении расширения автономии.

В целом исторические предсказания Штросмайера поражают своей прозорливостью — многие его пророчества сбудутся через полвека после выхода «Путевых зарисовок» в свет: «Если я не ошибаюсь, то

⁷ *Strossmayer J.J. Putopisne crtica. S. 27.*

немецкий народ повторит свои давние попытки завладеть европейским континентом, и если ему это удастся, то в Европе исчезнут истина и правда, свобода, независимость и всякий прогресс. Немецкий народ... одной рукой ухватится за Балтику, другой за Адриатику, завладеет всем Дунаем, который уже сейчас называет своей рекой, и дойдет до Черного моря. Этому желанию должна была бы сопротивляться вся Европа. Но сейчас серьезной подготовки к этому отпору не видно нигде. Весь мир смотрит на Россию, но она... никак не показывает, что живо чувствует, что здесь и о ней и ее европейском положении речь идет... Первыми под ударом окажутся Прага и чешский народ. Уже в самом названии Праги⁸ заключается ее судьбоносная роль⁹. При чтении этих строк современный читатель непременно вспомнит две мировые войны и Мюнхенский сговор.

Роль Праги, по мнению Штросмайера, определяет прежде всего стратегическое положение города; по убеждению автора, на Градчанском холме следовало бы создать крупный и хорошо укрепленный военный гарнизон, который был бы способен долгое время обороняться от противника. Однако от рассуждений о стратегическом значении города в духе военного трактата Штросмайер очень скоро переходит к описаниям, достойным лучших авторских путеводителей; ведь холм, на котором находится Град, представляет интерес не только как военно-оборонительный пункт, но и как прекрасная смотровая площадка для туристов. Любого человека, приехавшего в Прагу, этот вид не может не поразить. Автор сравнивает его с видом на Неаполитанский залив и на Босфор, а самому городу, уверен он, нет равных, кроме, возможно, Рима и Флоренции.

⁸ По одной из версий название чешской столицы происходит от слова «prah» — «порог».

⁹ *Strossmayer J.J. Putopisne crtica. S. 28.*

Штросмайер очарован старинными пражскими готическими башнями и ренессансными дворцами, при этом считает нужным, как в путеводителе, сообщать имена архитекторов, давать сведения о стиле, в котором построены здания, о времени их создания, об их истории: «Среди подобных памятников (церковной архитектуры. — П.К.) первое место занимает кафедральный собор св. Вита на Градчанах. Это готическая церковь, заложенная великим чешским королем Карлом IV 21 ноября 1344 года. Рядом с этим храмом вплоть до конца XIV в. стоял более старый храм в романском стиле, также посвященный св. Виту, который построил в 1060 году князь Спитигнев. Одна часть церкви Карла [...] завершена в соответствии с изначальным проектом, который француз Матия из Арраса создал по образцу лучших францисканских готических церквей. Он руководил строительством храма до своей смерти в 1352 году, а продолжил его Петар Парлер, поляк по отцу. Колокольную начали воздвигать в 1402 году. Строительство было приостановлено в 1419 году из-за гуситских войн»¹⁰.

Внимание Штросмайера к архитектуре связано не только с тем, что он хочет познакомить с ней поближе своего читателя, но и с тем, что она значительно отличалась в то время от архитектуры Загреба. Конечно, Штросмайер не может с горечью не сравнивать в этом отношении два города, призывая хорватских архитекторов учиться у пражан — и прежде всего не возведению дворцов, а постройке простых и небольших жилых домов, которые тоже должны отличать изящество и красота.

Восхищает его и Вышеградское кладбище — прежде всего славой, которой окружены после смерти чешские патриоты и деятели культуры — Вацлав Ганка, Йозеф Юнгманн, Йозеф Шафарик; Штросмайер пишет о замысле создания подобного мемориального

¹⁰ *Strossmayer J.J. Putopisne crtica. C. 29.*

кладбища в Загребе (оно действительно появится там в 1876 г.).

Еще более подробно, чем дворцы, Вышеградское кладбище и прекрасные виды, описывает хорватский епископ собор св. Вита, храм Девы Марии пред Тыном и другие пражские костелы. Готический алтарь в капелле св. Вацлава вызывает у него восторг, а серебряное надгробие Яна Непомуцкого, при всем восхищении самым святым, Штросмайер ругает и предлагает на деньги, которые можно выручить от продажи этого серебра, создать памятник святому и поставить его в центре города, что, по мнению епископа, более способствовало бы пробуждению религиозных чувств.

В целом же величие и монументальность церковной архитектуры трактуется Штросмайером как своеобразная мера политических прав народов. Говоря о заканчивающемся строительстве собора св. Вита (до которого, впрочем, в реальности было еще весьма далеко — собор был достроен лишь в 1929 г.), он пишет: «Для них (чехов. — П.К.) это будет живой и истинный символ их веры в Бога, а вместе с тем и их государственных и национальных прав и той самостоятельности, которой они должны добиваться. Народ, который с такой отважностью воздвигает памятник Богу своему, ставит свое будущее и свои права под защиту божью и с полным правом может сказать: “*Si Deus pro nobis, quis contra nos?*” (“Если Бог с нами, то кто против нас?”)»¹¹. Ведь не случайно лозунгом епископа были слова «Всё за веру и отечество» — эти понятия в его сознании были неделимы.

Еще до рассуждений Штросмайера о роли Праги в будущем Европы, до описания ее местоположения и архитектурных красот читатель знакомится с его особой философией истории, которая дана не с точки зрения мудрого политика (а политикой Штросмайер занимается с 1849 г. и наряду с Анте Старчевичем считается самым значительным хорватским политиком

¹¹ *Strossmayer J.J. Putopisne crtica*. С. 30.

ХІХ в.), а с точки зрения епископа-экумениста, гуманиста, по мнению которого, «задача любого человека, любого государства и всего человечества есть вершить истину и правду на этом свете»¹². Не удивительно, что текст в этот момент приобретает характер христианской проповеди. По Штросмайеру, тяга отдельных людей и народов к безграничной власти (автор упоминает империю Александра Македонского, Римскую империю, Византию, государство Наполеона) является оборотной стороной исконного (заложенного Богом и прописанного в Евангелии) человеческого свойства — жажды правды, согласия и единства, которые превращаются в жажду тирании и господства «без истины и правды, без взаимного уважения и любви»¹³. При этом не важно, на каком уровне происходит это превращение — на уровне цивилизаций или одной семьи. Последствия для самого человека, ставшего тираном, для его народа или для его родных одинаково ужасны.

Ранее, в 1830-е гг., в Пеште, Штросмайер входил в круг Яна Коллара и был знаком с Йозефом Палацким и Франтишком Ладиславом Ригером, чешским политиком и публицистом, чьи взгляды были очень близки хорватскому священнику. Поэтому рассказ о чешских друзьях, которыми он восхищается (Штросмайер пробовал навестить их, но не застал дома), напоминает хвалебное слово, оду их самоотверженности и уму. Палацкого Штросмайер называет «мужем древнеримского масштаба» и подчеркивает, что недаром чехи называют его «отцом отечества» (этот почетный титул заслужил в Хорватии и сам Штросмайер), а Ригеру, «по его необычайным талантам, ораторскому дару и образованности»¹⁴, он отводит роль человека, который мог бы стать во главе всей Чехии.

¹² *Strossmayer J.J. Putopisne crtica. С. 27.*

¹³ Там же. С. 27.

¹⁴ Там же. С. 29.

Заканчивается пассаж возвышенно-лирической зарисовкой встречи с пражанином, который у староместской ратуши произносит слова о том, что после Белогорской битвы эти стены видели сотни казненных чешских патриотов, теперь же они будут свидетелями возрождения Чехии и победы ее народа. Комментарий этому высказыванию дает не Штросмайер-политик, а священнослужитель и гуманист: «...помолимся Богу, чтобы эта победа никому в мире не принесла ни ущерба, ни позора, но для всех и каждого стала бы гордостью и принесла пользу»¹⁵.

В заключение хотелось бы отметить мастерство Штросмайера-писателя, автора путевых очерков, где сочетаются особенности художественного и публицистического повествования. Встречающиеся в небольшом по объему произведении черты разных жанров — очерка, проповеди, жанровой сценки, хвалебной речи, пророчества, путеводителя и др. — не вступают друг с другом в противоречия. Прага в очерках Штросмайера — город живой, разносторонний, со своим лицом и атмосферой, прямо-таки физически ощущаемой читателем. Тексты Штросмайера очень увлекательны, поражает гибкость ума автора, живая заинтересованность тем, о чем он пишет. А его рассуждения об исторической роли центральноевропейских народов остаются актуальными и сегодня.

Значение просветительской, меценатской и политической деятельности хорватского епископа сложно переоценить. На родине именем Штросмайера во многих городах названы улицы и площади, университет в городе Осиеке и музей в Джаково. Пражане также называли в его честь одну из своих центральных площадей.

¹⁵ J.J. Strossmayer Osvrt na moj putni izlet u Njemačku i Češku // Horvatić D. Hrvatski putopis od XVI stoljeća do danas. S. 70.

М.Г. Смольянинова

**ИВАН ВАЗОВ — ПИСАТЕЛЬ, СВИДЕТЕЛЬ
ЭПОХИ**

Иван Вазов (1850–1921) — крупнейший болгарский писатель-классик, поэт, прозаик, драматург. Почетный член Болгарской Академии наук (1921), почётный доктор филологических наук Софийского университета (1921). Родился в г. Сопот в семье торговца. Учился в школе родного города, позднее — в пловдивской гимназии (1867–1868). В 1875 г. принял участие в работе тайного революционного комитета г. Сопота, ставившего своей целью национальное освобождение Болгарии. В 1876–1877 гг. жил в эмиграции в Румынии, где стал членом Болгарского благотворительного общества. Во время русско-турецкой Освободительной войны (1877–1878) служил в русской армии чиновником особых поручений. После освобождения Болгарии от османского ига жил в Пловдиве, где был членом Постоянного комитета Областного собрания (1880–1885). Во времена стамбуловского режима преследовался за свои русофильские убеждения. Эмигрировал в Одессу (1887–1889). Был народным представителем в VIII и IX Народном собрании (1894–1899) и министром просвещения (1897–1898).

Печататься Вазов начал в 1870 г. Известность ему принесли стихотворение «Сосна», опубликованное в 1871 г. в журнале «Периодическо списание» и три поэтических сборника, вышедшие в Бухаресте. Становление личности Вазова проходило в эпоху национального возрождения, в период, который Захарий Стоянов называл «самым болгарским временем». Пробуждению поэтических стремлений у Вазова способствовало, в частности, его знакомство с русской поэзией, приобретенное в Калоферском училище. Его педагогом был отец поэта Христо Ботева Ботю Петков — русский воспитанник (учившийся в Одесской семинарии с 1840 по 1844 гг.), собравший в училище хорошую библиотеку, в которую входили и произведения русских поэтов.

В письме критику Крыстю Крыстеву Вазов сообщал о себе, что как все самоучки в Болгарии, читал иностранных писателей бессистемно и разбросанно, но А.С. Пушкина (как и всю русскую литературу) изучал «целиком и страстно»¹. «Пушкин и Лермонтов, — признавался он, — открыли мне тайну стихотворчества. Они давали мне уроки по музыке речи, по красоте формы, по выразительной краткости мыслей»². И не удивительно, что уже в первом стихотворении Вазова «Борьба» (1870) слышны отзвуки пушкинской «Черни». Вазов посвятил русскому поэту два стихотворения: «Пушкин» (1885) и «Столетие Пушкина» (1899). Первое из них — исповедь болгарского поэта, признающего, что творчество Пушкина помогает ему преодолевать трагическую безысходность в те дни, когда жизнь не мила и поэт готов умереть. В такие мгновения поэзия русского мастера спасает его от отчаяния, призывая превращать житейские муки в художественные творения, обучая переплавлять сердечные боли в высокую поэзию. В стихотворении «Столетие Пушкина» Вазов разделяет гордость России, имеющей своего Орфея. Для него Пушкин — гений, вливший в славянскую речь и мощь, и неведомую ранее сладость. Вазов был уверен, что слава Пушкина в веках будет только возрастать.

Наиболее яркие произведения, посвященные России, вошли в поэтическую трилогию, созданную Вазовым в 70-е гг. XIX в. Речь идет о первых трех поэтических сборниках поэта: «Знамя и гусли» (1876), «Печали Болгарии» (1877), «Избавление» (1878). Тема России в этой трилогии занимает особое место. В 1876 г. Вазов, являясь членом Болгарского благотворительного комитета эмигрантов (в ту пору он жил в Румынии, в эмиграции, и все три сборника вышли в Бухаресте), подписал телеграмму на имя императора Александра II, в которой выражалась надежда на

¹ Вазов И. Събрани съчинения в 20 тома. Т. 20. София, 1955. С. 105.

² Там же.

избавление Болгарии от иноземного рабства с помощью России.

Стихотворения сборника «Знамя и гусли» отражают патриотический подъем болгарского народа на заключительном этапе национально-освободительной борьбы, в канун и во время Апрельского восстания 1876 г. Многие стихи, опубликованные в данной книге, призывали к свержению тирании, воспевали героизм, самопожертвование («Свобода или смерть», «Знамя», «Мститель», «Радецкий»). Основной герой этих произведений — романтический «мститель» (в духе народных песен), патриот, готовый умереть за свободу отчизны.

Герои отдельных стихотворений фактически сливаются с лирическим обликом самого автора. В городе Сопот, где родился поэт, Т. Каблешковым был организован тайный революционный комитет, членом которого стал и молодой И. Вазов. Поэт вспоминал: о том, что в 1875 году началось революционное движение и в это время под влиянием новых революционных идей и стихотворений Ботева и Стамболова он начал писать бунтарские песни, большая часть которых вошла потом в сборник «Знамя и гусли». Одно стихотворение — «Бой разгорается», напечатанное под заглавием «Песнь панагюрских повстанцев», — стало очень популярным в период Апрельского восстания и пелось по всей Болгарии». Вера в скорое освобождение Родины связывается у Вазова с бесконечно дорогой ему идеей общеславянского братства, с надеждой на помощь России.

В поэтическом сборнике «Печали Болгарии» Вазов с болью и гневом осуждал зверства турок, разгромивших Апрельское восстание 1876 г., учинивших резню населения в Батаке, спаливших дотла многие села и города, убивших тысячи детей, женщин и стариков. Тем, кто сегодня называет годы турецкого рабства «османским присутствием» (а такие формулировки встречаются ныне в болгарской прессе) не грех освежить в памяти стихи патриарха болгарской литературы, летописца эпохи болгарского возрождения: «муками ада», «Голгофой» называл Вазов османское иго. В описании им общенациональной трагедии

ощутим эпический размах. В стихотворении «Жалобы матерей», опубликованном в книге «Печали Болгарии», он писал:»

Видишь злую нашу долю,
Видишь, как мы слезы льем?
Как страдаем мы от боли,
Как от голода мы мрем?
Видел ты как душегубы
На глазах у матерей
Малых деток саблей рубят
И бесчестят дочерей?³

Пер. П. Железнова

Будучи свидетелем жесточайшего подавления Апрельского восстания 1876 г. Вазов призывал Россию помочь своим соотечественникам:

Как мы долго страждем,
Горем край объят
Братья, ну когда же
Пушки загремят?⁴

Пер. в. Луговского

В стихотворении «Россия», написанном за пять месяцев до начала русско-турецкой освободительной войны (в ноябре 1876 г.), Вазов вновь взывал о помощи:

По всей Болгарии сейчас
Одно лишь слово есть у нас,
И стон один, и клич: Россия!

* * *

И мы тебя зовем святой,
И как сыны тебя мы любим,

³ Вазов И. Сочинения в шести тт. М., 1956–1957. Т. 1. С. 83–84.

⁴ Там же. С. 132.

И ждем тебя мы, как Мессию —
Ждем, потому что ты Россия!⁵

Пер. Н. Тихонова

И Россия откликнулась на стон и клич Болгарии. После апреля 1876 г., когда антитурецкое восстание болгар было потоплено в крови и весь мир ожидал: «Как же поступит Россия?», — Ф.М. Достоевский писал в «Дневнике писателя» (в июне 1876 г.): «Как же, однако, поступит Россия? Вопрос ли это?.. Россия поступит честно — вот и весь ответ на этот вопрос. В чем выгода России? Выгода России именно, коли надо, пойти даже и на явную невыгоду, на явную жертву, лишь бы не нарушить справедливости. Не может Россия изменить великой идее, завещанной ей рядом веков и которой следовала она до сих пор неуклонно. Эта идея есть, между прочим и всеединение славян; но всеединение это не захват и не насилие, а ради всеслужения человечеству. В этом самоотверженном бескорыстии России — вся ее сила, так сказать, вся ее личность и все будущее русского назначения»⁶.

Русский народ был един (от мужика до царя) в своем стремлении помочь угнетенным болгарам. Мне не приходится далеко ходить за примерами. Мой прапрадед — предприниматель и меценат Тимофей Саввич Морозов входил в состав Славянского комитета, был членом «Болгарской комиссии» (вместе со славянофилом Иваном Сергеевичем Аксаковым). Он финансировал «Болгарскую дружину» воинов-старообрядцев, сражавшихся на Балканах⁷. А его жена Мария Федоровна Морозова вместе с женой И.С. Аксакова помогала сиротам, детям русских офицеров,

⁵ Вазов И. Сочинения в шести тт. Т. 1. С. 120–122.

⁶ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 тт. Л., 1972–1990. Т. 23. С. 45.

⁷ ЦИАМ (Центральный исторический архив Москвы). Ф. 357. О. 1. Д. 18. Л. 11–14, 18 и др.

погибших во время русско-турецкой освободительной войны 1877–1878 гг. Все слои русского общества объединяло, по словам Достоевского, «прекрасное и великодушное чувство бескорыстной и великодушной помощи своему брату, распятому на кресте»⁸. Вазов, как и Достоевский, подчеркивал бескорыстие России в этой освободительной войне.

В заключительном сборнике поэтической трилогии «Избавление» выражено ликование болгарского народа и его признательность русским, освободившим Болгарию. В сущности эта книга является поэтической летописью русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В стихотворениях «Плевен пал», «Здравствуйте, братушки!», «Пушки загремели» и других воспета слава русскому оружию. Наблюдая за историческим продвижением русской армии во главе с Великим князем Николаем Николаевичем (сначала по Румынии, а затем по Болгарии), Вазов воссоздает поэтическую хронику войны. Этот период поэт считает величайшей эпохой для болгар. Для художественного сознания Вазова литература — это и летопись национальной судьбы. Он подчеркивал, что пока другие молчат, он должен писать («хотя для данной эпопеи нужны Гомер, Пушкин и Тассо»). «Пусть эта эпоха отразится мало-мальски в нашей литературе»⁹.

Ряд стихотворений поэт посвящает членам императорской фамилии. В «Оде императору Александру II», написанной по случаю триумфального въезда царя в Бухарест в июне 1877 г., поэт в духе классицизма воспеваает героя, идущего в бой не для порабощения Болгарии, а для ее освобождения. Он сравнивает русского императора с солнцем, излучающим надежду, испепеляющим рабские цепи. В советское время «Ода императору Александру II» на русский язык, разумеется, не переводилась, также как не переводились и стихотворения «Царь в Свиштове» (Свиштов,

⁸ Достоевский Ф.М. Указ. соч. С. 47.

⁹ Вазов И. Събрани съчинения. Т. 21. София, 1979. С. 16–17.

август 1877 г.), «Царь в селе Бяла» (Свиштов, 1877 г.), «Николай Николаевич»¹⁰ (Бухарест, май 1877 г.). Этих вазовских стихотворений и од для советского читателя, не знающего болгарский язык, как бы не существовало. В шеститомное «Собрание сочинений» Ивана Вазова, изданное в 50-е гг. XX в., они не вошли по вполне понятным причинам. Не полагалось в те времена публиковать произведения, воспевающие доблесть, благородство, мужество и альтруизм русских правителей, помогавших болгарскому народу сбросить 500-летнее османское иго, вернуть свободу Болгарии. Не переведены эти произведения и сегодня.

Если оды, посвященные членам императорской фамилии, величавы и торжественны, то стихи Вазова о погибших русских солдатах наполнены болью и состраданием. В стихотворении «Погребенные солдаты», опубликованном в сборнике «Избавление», поэт скорбит о гибели освободителей:

Но спят холодным сном,
Безвестны и бездомны,
Они в могиле темной.
И некому о том
На всей земле напомнить¹¹.

Август 1877, Свищов

Пер. В. Журавлева

Поэт ощущал боль от того, что тысячи русских солдат и офицеров погибли и никогда не увидят своих детей, жен, матерей, никогда не вернуться в Россию. Особенно остро выражено это чувство в стихотворении «Прогулка в Банясы», написанном в начале русско-турецкой войны (в июне 1877 г.). На фоне ослепительно красивой природы поэт видит русскую конницу:

¹⁰ Великий князь Николай Николаевич, главнокомандующий Дунайской армии в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

¹¹ Вазов И. Сочинения в шести тт. Т. 1. С. 146–147.

Неслись они с песней веселой, лихой,
Как будто на свадебный пир, а не в бой.
И глядя на грозные те эскадроны,
На бравых драгун и уланов колонны,
На лавы казаков, готовых на бой,
Свободных, как небо, как ветер степной,
Подумал, что все они с дерзким бесстрашьем
Идут — умирать за Болгарию нашу,
Подумал и — глядя на них и вокруг —
Заплакал я вдруг!¹²

Пер. П. Железнова

Вазов — истинный поэт, утонченная натура, из очей его льются слезы в предчувствии гибели русских воинов, которые сложат свои головы на алтарь болгарской свободы.

В произведениях Вазова находят отражение универсальные идеи христианства (о добре и зле в этом мире, о христианской культуре, об отношениях Бога и человека). Вазов веровал, что Освобождение Болгарии русскими есть *Божий промысел*. В стихотворении «Здравствуйте, братушки» (1878), напечатанном в сборнике «Избавление», мать говорит сыну о русских:

Это их послал сам Бог,
Чтобы нам помочь, сынок!¹³

Пер. М. Зенкевича

Тот же мотив звучит в стихотворении «Плевен пал» (29 ноября 1877 г.) и в «Оде императору Александру II» («Бог передал в твои руки нашу судьбу», — обращается поэт к герою оды).

Велик вклад Вазова в дело сближения болгарского и русского народов. Любовь к русскому народу

¹² Вазов И. Сочинения в шести тт. Т. 1. С. 138.

¹³ Там же. С. 142.

вдохновляла Ивана Вазова в самые сложные периоды его жизни. И не случайно, когда после падения русофобского режима Стамболова Болгария решила улучшить отношения с Россией, в состав болгарской делегации, которую в 1895 г. принимал Николай II, был включен и Иван Вазов, известный своими русофильскими настроениями.

В современной научной литературе в некоторых исследованиях можно наблюдать переоценку роли России в освобождении Болгарии от 500-летнего турецкого ига. Например, исследователь Пламен Митев в своей книге «Българско Възраждане» и других работах¹⁴ критикует грубые тактические ошибки и неудачи русской армии, недооценку русскими сил противника. Возможно, были тактические ошибки. Не ошибался тот, кто ничего не делает. Важен результат — победа. П. Митев пишет о грубых аферах в тылу с едой и лекарствами, от чего страдали русские солдаты. Вероятно, были и аферы. Всегда, к сожалению, находятся люди, которые наживаются во время войны. «Кому война, а кому мать родна», — гласит русская пословица. Автор сетует, что во время войны было много пожаров и разрушений. А бывают ли войны без пожаров и разрушений? «А 1а guèrre, comme à 1а guèrre» («на войне, как на войне»).

П. Митев стремится разоблачить «миф» — само представление о том, что русско-турецкая война была объявлена для того, чтобы освободить болгар. Он считает, что Россия, прежде всего, стремилась помочь Сербскому княжеству. По его мнению, убийства болгар турками во время Апрельского восстания 1876 г. не были главным толчком для объявления войны. Согласно Митеву, русские шли освобождать сербов, а по дороге ненароком освободили и болгар.

В манифесте Александра II от 12 апреля 1877 г.

¹⁴Митев П. Българско възраждане. Лекционен курс. София, 1999. С. 109–153; Митев П. Размисли върху Руско-турската освободителна война (1877–1878). История 3. София, 1994. №2. С. 52–59.

об объявлении войны Турции говорилось о желании России «облегчить участь христиан балканского полуострова». Там вообще нет упоминания об отдельных народах: болгарях, сербах и т.д. Речь идет о всех христианах, притесняемых и угнетаемых мусульманами. А разве болгары не относятся к христианам Балканского полуострова?

Австрийский историк Отто Кронштайнер в 2000 г. поучал болгар: «Здесь, в Болгарии, существуют различные мифы — что, русские, мол, освободители. Это миф»¹⁵. Таково *представление* псевдоученого. А *реальность* — иная. Реальность заключается в том, что в 1878 г. на карте Европы вновь после 500 лет небытия появилось государство Болгария. Болгарская держава была воссоздана благодаря русским воинам, сложившим свои головы на алтарь болгарской свободы. К провокационным заявлениям Отто Кронштайнера не привыкать. Чего стоит его безумное предложение болгарам заменить кириллицу на латиницу.

Но порой аналогичные представления о русско-турецкой войне встречаются и у болгарских ученых. В 2004 г. в Софии опубликована книга Ивана Лилова «"Освободительни" мисии на Русия — Съветския Съюз във и около България». Автор считает, что русско-турецкая война 1877–1878 гг. была не Освободительной, а завоевательной, оккупационной: «Россия нас не освободила. Ей помешали завладеть нами. Мы освобождены, главным образом, Англией, а затем Австрией и болгарями, обладающими здравым разумом»¹⁶. Далее читаем: «Князь Черкасский назначен губернатором оккупированной Болгарии»¹⁷; «Граф Игнатъев — враг и убийца Болгарии»¹⁸. Подобная ложь — на каждой странице книги. Автор искажает факты, фальсифицирует историю.

¹⁵ Литературен форум. София, 2000. Бр. 6. С. 12.

¹⁶ Лилев И. «Освободителни» мисии на Русия — Съветския Съюз във и около България. София, 2004. С. 148.

¹⁷ Там же. С. 103.

¹⁸ Там же. С. 125.

Ни Англия, ни Австрия не собиралась помогать Болгарии, не намеревались приносить в жертву своих сыновей ради освобождения болгарского народа. Англия послала России ноту, в которой ставился ультиматум об объявлении русским войны в случае взятия русскими войсками Константинополя. Она послала своего офицера Синклера с целью формирования армии в Родобах для противодействия русским войскам. Именно Англия на Берлинском конгрессе больше всего настаивала на пересмотре Сан-Стефанского договора.

«Мифоборцы» появились и в освещении Апрельского восстания 1876 года. Австрийский историк Ульф Брунбауер и болгарский искусствовед Мартина Балева называют сегодня «мифом» массовое уничтожение болгар турками в Батаке. По мнению учёных, данный миф, якобы, стимулирует ненависть болгар к мусульманскому меньшинству. Псевдоучёные стремятся доказать, что пять тысяч погибших жителей Батака — «мнимая, преувеличенная» цифра.

Слава Богу, что существуют произведения И. Вазова, которые не только относятся к вершинам болгарской литературы, но и являются художественной летописью национальной истории. В его произведениях можно найти ответы на многие вопросы, поднимаемые в работах тех «мифоборцев», которые подвергают ревизии роль России в Освобождении Болгарии.

Иван Вазов отразил как трагические события в Батаке — в стихотворении «Воспоминания о Батаке (рассказ ребёнка)», 1881 г., так и перипетии русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Он заклеил западноевропейских дипломатов, поощряющих турецкие насилия (стихи «К Европе», «Век», «Дизраели», «Политика» и других). В стихотворении «Голгофа» он писал:

Тогда не люди, змеи
Из европейских стран

Турецким лиходеям,
Убийцам и злодеям
Вручают ятаган!

Когда же гнев народа
Взлетит как стон души,
Джон Буль, прожжённый шкода,
И вся его порода
Считают барыши.

Чтоб дани им платили,
И армии рабов
Для них в болотах гнили,
Они нас осудили
На тысячи Голгоф.

Пер. Л. Белова

Вот и ответ господину И. Лилову, причем ответ свидетеля, очевидца и Апрельского восстания и русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — Ивана Вазова.

Федор Михайлович Достоевский был потрясен равнодушием Европы к массовому убийству болгар. В главе «Последнее слово цивилизации» в «Дневнике писателя» (июль–август 1876 года), то есть через три месяца после апрельского восстания и за восемь месяцев до начала войны, Достоевский писал: «Последнее слово цивилизации показало, прояснило: все (почти все) в данный момент отшатнулись от миллионов несчастных — христиан, людей, своих братьев, погибающих, опозоренных, — и ждут, ждут с надежной, с нетерпением, когда же их истребят — всех, как гадов, как клопов, и когда же замолкнут, наконец, все эти отчаянные и призывные вопли о спасении, вопли — досаждающие Европе, тревожащие ее. Именно гады, клопы, даже еще хуже: десятки, сотни тысяч христиан уничтожаются как вредная короста... На глазах умирающих братьев бесчестят их сестер, на глазах матерей подбрасывают вверх их детей — младенцев и пронзают их штыком; церкви уничтожаются дикой,

гнушной, мусульманской ордой, противницей цивилизации... Разбойники действуют по указу, распоряжению министров и правителей государства, по указу самого Султана. А Европа, христианская Европа, великая цивилизация, смотрит с нетерпением... когда же, наконец, перебьют этих клопов! Мало того, что в Европе оспаривают факты, отрицают их в национальных парламентах, не верят, делают вид, что не верят. Все эти правители знают про себя, что все это правда, все отводят глаза друг от друга: “это не правда, этого не было, это преувеличено, это они сами перебили 60 тысяч болгар, чтобы свалить вину на турок”»¹⁹.

Если бы не было победоносной войны 1877–1878 гг., то на карте Европы не было бы Болгарии. Для болгар апрельское восстание было актом героизма, а для османских властей — преступлением. Для болгар Васил Левский — герой, а для турок — преступник, которого повесили. Потомки освобожденных оказывается могут назвать освободителей оккупантами. Вазов же — свидетель и очевидец русско-турецкой войны 1877–1878 гг. называл русских воинов «рыцарями добра»²⁰.

Достоевский, как и Вазов, тоже сочувствовал русским солдатам, подвергавшим свою жизнь смертельной опасности. Но он считал, что освобождение «распятого брата» — высокая цель, долг свободной и сильной славянской страны. Он полагал, что защита «униженных и оскорбленных» — «православное дело». Однако он не исключал, даже был уверен, что самопожертвование русских воинов через 100 лет не будет оценено по достоинству. Некоторые факты современной действительности подтверждают это предвидение. Достоевский предсказывал, что через 100 с лишним лет появятся псевдоученые, умаляющие роль России в Освобождении Болгарии: «...настоящая, например, всенародная русская война,

¹⁹ Достоевский Ф.М. Указ. соч. С. 45.

²⁰ Вазов И. Сочинения в шести тт. Т. 1. С. 149.

всего русского народа, с Царем во главе, поднятая против извергов за освобождение несчастных народов — эту войну оценили ли, наконец, славяне сейчас, как вы думаете? Но о сегодняшнем моменте я не говорю, при том мы еще нужны славянам, мы их освобождаем, но позднее, когда их освободим и когда они обустроятся — признают ли они эту войну великим подвигом, совершенным для их освобождения, решите сами. Да *ни за что* на свете не признают! Напротив, скажут, в качестве политической, а позднее и научной истины, что не будь во все эти 100 лет освободительницы России, так они давно бы сумели сами освободиться от турок благодаря своей доблести или с помощью Европы, которая не будь на свете России, не только не имела бы ничего против их освобождения, но и сама бы их освободила. Это *хитрое учение* наверно существует у них уже и сейчас, а впоследствии оно неминуемо разовьется в научную и политическую аксиому. Более того, даже о турках начнут говорить с большим уважением, чем о России... Они будут лебезить перед европейскими державами, будут клеветать на Россию, сплетничать о ней и интриговать против нее... О, я не говорю об отдельных людях: будут и такие, которые поймут что значила, значит и будет значить для них Россия всегда. Они поймут все величие, всю святость дела России. Но эти люди, особенно в начале, будут в таком меньшинстве, что они будут подвергаться насмешкам, ненависти и даже политическим гонениям»²¹.

Васил Друмев (митрополит Климент Тырновский) был одним из тех русофилов, который подвергался политическим гонениям за свои убеждения. Он был заточен Стефаном Стамболовым в Гложенский монастырь уже через 15 лет после Освобождения Болгарии (в 1893–1894 гг.). Освобожден он был только после смерти Стефана Стамболова. Весной 1878 г., встречая в Русе русских воинов-освободителей, он

²¹ Достоевский Ф.М. Указ. соч. С. 211–212.

говорил: «После долгих страданий и страха вы пришли во имя евангельской любви, которая водворит у нас мир, спокойствие и счастье. Мы знаем, что храброе российское воинство перенесло много трудов и лишений, *пролило много драгоценной крови* для нашего освобождения. Император Александр II благоволил посетить нашу несчастную Болгарию, дабы облегчить нашу злую участь, сделать нас свободными и счастливыми»²². Друмев понимал значение жертвы, принесенной на алтарь болгарской свободы русским народом.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. была святой, альтруистской войной, одной из немногих справедливых войн в истории человечества. Честь и хвала болгарскому народу, который не позволил снести памятник царю-освободителю Александру II ни во времена фашизма, ни во времена тоталитаризма. В то время как в советской России почти все памятники русским императорам снесли.

После освобождения Болгарии от турецкого ига, в 80-е годы XIX в., Вазов написал цикл коротких лиро-эпических поэм «Эпопея забытых» (1881–1884), посвященных деятелям эпохи национального возрождения (Паисию Хилендарскому, Георгию Раковскому, братьям Миладиновым, Василу Левскому и др.). В этот же период им написаны поэмы «Громада» (1880), «Трайко и Риза» (1881), «Загорка» (1883), «В царстве русалок» (1884) и др. Центральная тема поэмы «Загорка» — сопротивление турецкому игу. Позднее Вазов использовал сюжет данного произведения для пьесы «Руска», названной по имени героини поэмы. Живя в Пловдиве (1880–1886), писатель принимал активное участие в культурной жизни Южной Болгарии. Он был председателем литературного общества, главным редактором научно-литературного журнала «Наука» (1881–1884). Вместе с Константином

²² Климент Бранички и Търновски (Васил Друмев). Документа и материали. София, 2005. С. 69–70.

Величковым издавал литературный журнал «Зора» и газету «Народный глас». В журнале «Наука» он поместил воспоминания об Апрельском восстании — «Недавнее» (1881), которые знаменуют собой рождение Вазова-прозаика (в предшествующее десятилетие он выступал только как поэт). В 80-е гг. он публикует поэтические сборники «Гусли» (1881), «Поля и леса» (1884), «Италия» (1884), «Сливница» (1886). Лирика его отличается тематическим и жанровым многообразием. Поэтические картины болгарской природы чередуются в этих книгах с острой сатирой на современное общество. Стихотворения, отражающие впечатления от путешествий, сочетаются с произведениями, посвященными событиям сербо-болгарской войны 1885 г. В 90-е г. выходит сборник «Песни скитальца» (1899), в 1900 г. — «Под нашим небом». В этих книгах многие стихотворения посвящены трудной судьбе болгарского крестьянства. Проза Вазова 80-х гг. поначалу опирается на воспоминания автора, воссоздающего жизнь последних лет рабства. В первой повести «Митрофан и Дормидольский» (1881) писатель использует впечатления о жизни в Берковице. В 1885 г. выходит повесть «Наша родня», в которой с юмором изображена жизнь болгарской провинции накануне Овободительной войны. Уже в 80-е гг. им созданы произведения, вошедшие в золотой фонд болгарской классики: повесть «Отверженные» (1883–1884), посвященная жизни болгарских эмигрантов в Румынии, обессмертившая патриотизм борцов за свободу, и роман «Под игом» (1889–1990), написанный в Одессе. Многие из эпизодов романа явились результатом личных воспоминаний и наблюдений Вазова. Роман «Под игом» издавался при жизни писателя пять раз в Болгарии, был переведен на многие языки мира и стал заметным явлением не только болгарской, но и мировой литературы. Вазов не использует в романе исторические документы, в нем нет образов исторических лиц (в отличие от «Эпопеи Забытых»). И все же, этот роман, изобразивший превращение мирных болгар

в бунтовщиков, сражающихся за свободу отчизны, представляет собой широкое эпическое полотно, запечатлевшее жизнь болгарского народа в последние годы рабства. Действие происходит в родном городе автора. Патриархальный дом чорбаджи Марко — дом отца писателя Минчо Вазова. Прототипами других образов также послужили земляки писателя. Описывая жизнь провинциального городка, писатель, как в зеркале, отразил облик всей Болгарии в один из самых значимых моментов ее истории (1875–1876). Главная сюжетная линия романа — подготовка восстания революционером Бойчо Огняновым (Иваном Краличем), которому помогают доктор Соколов, студент Кандев, мельник Стоян, сапожник Беспортев, крестьянин Боримечка и др. В романе более сорока действующих лиц. Каждый персонаж имеет определенную функцию в создании коллективного образа болгарского народа. Впервые в болгарской литературе Вазов изобразил народ как сознательную движущую силу освободительного движения. Реалистическое описание кровавых сражений, любовных сцен, живописных пейзажей, праздничных обрядов, театральных представлений, рельефное изображение общественных, семейных нравов различных социальных кругов общества (крестьян, ремесленников, интеллигенции, буржуазии, духовенства), создание типических национальных характеров, правдивость изображения быта и бытия — все это сделало роман Вазова настоящей эпопеей. Роман свидетельствует о мастерстве писателя, умеющем передать дыхание истории, дух революционной эпохи. Произведение сочетает реалистическое повествование с занимательной приключенческой интригой. Вазов освоил как традиции болгарских прозаиков (Каравелова, Друмева, Блыскова), так и опыт русских и западных писателей. Не чуждо роману публицистическое начало (особенно в главах «Опьянение народа» и «Пробуждение»). Автор дает свою оценку восстания, видя и его трагические стороны: «Апрельское восстание было недоноском, зачатым в упоении самой

пламенной любви и задушенным своей матерью в ужасе от его рождения. Оно умерло, не успев пожить. Это восстание не имеет даже истории. Оно было кратковременным. Страшное пробуждение. А сколько мучеников! Сколько жертв! Сколько смертей и падений! Да, был и героизм! Но какой героизм!.. Если бы это движение и его трагические последствия не вызвали освободительной войны, над ним нависло бы неумолимое осуждение; здравый смысл назвал бы его безумием, народы — позором, история — преступлением. Ибо история, эта старая куртизанка, тоже поклоняется успеху. Одна лишь поэзия могла бы простить и увенчать лаврами его героев из уважения к тому энтузиазму, который увлек мирных анатолийских портных на среднегорские высоты, — высоты, отныне священные, — с черешневыми пушками... Поэтическое безумие! Ибо молодые народы, как и молодые люди, — поэты!»

В 90-е гг. внимание писателя обращено к современности. В 1891–1893 гг. он издает «Повести и рассказы» в трех томах, затем книги рассказов и очерков «Царапины и пятна» в двух томах (1895), «Виденное и слышанное» (1901) и др. Эта проза, изображавшая с сочувствием жизнь «маленьких людей», тружеников положила начало жанру реалистического рассказа в болгарской литературе. Автор саркастически обличает нравы нуворишей, проходимцев, напролом устремившихся к достижению корыстных целей («Эпоха рождает героев», «Гость — краснобай на казенном пиру», «Кардашев на охоте» и др.). Роман «Новая земля» (1896) воссоздает жизнь современной Болгарии. Автор показывает борьбу политических партий, сатирически изображает болгарскую действительность конца XIX — начала XX вв.

Велика роль Вазова в создании национального театра. Он написал исторические драмы: «К пропасти» (1908), «Борислав» (1909), «Ивайло» (1911) на сюжеты из жизни средневековой Болгарии, а также комедии: «Кандидаты славы» (1901), «Искатели тёплых местечек» (1903). Кроме того, им были драматизированы повесть «Отверженные» (драма «Изгнанники», 1894), романы «Под игом»

и «Казаларская царица», поставленные на сцене под теми же названиями.

Вазов откликался в своём творчестве на все важнейшие события, происходившие в его стране. Естественно, что Первая мировая война, в которой приняла участие Болгария, нашла отражение в его поэзии. Стихотворения об этой войне вошли в поэтические сборники: «Песни о Македонии» (1916), «Новые отзвуки» (1917), «Не погибнет!» (1919). Вазов создал поэтическую летопись, отразившую страдания болгар в период Первой мировой войны.

Осенью 1915 г. между Болгарией и Германией был подписан договор о дружбе, по которому Германия гарантировала территориальную целостность Болгарии, а Болгария обязывалась вступить в войну на стороне Австро-Венгрии и Германии. Было заключено также тайное соглашение, по которому за выступление против Сербии Германия обещала Болгарии часть Македонии и часть Поморавии. В том случае, если Румыния и Греция примкнут к Антанте, Германия соглашалась поддержать требования Болгарии о присоединении к ней Добруджи и греческой Македонии. В целях оформления союза Австро-Венгрии, Германии, Болгарии и Турции был подписан Болгаро-Турецкий договор, по которому Турция уступала часть своей территории Болгарии.

Союз Болгарии с Германией и Турцией тревожил гражданское сознание Вазова. Когда началась Первая мировая война, Вазов подписался под обращением ряда представителей болгарской интеллигенции в защиту нейтралитета страны. Но правительство не прислушалось к голосу разума. В октябре 1915 г. Болгария вступила в Первую мировую войну и воевала три года, вплоть до осени 1918 г.

Поэт внимательно следил за военными сводками с полей сражений Первой мировой войны и чутко реагировал на сообщения с фронта. Первые месяцы войны были победоносными для болгарской армии, которая вела наступление в Македонии, нанося поражения

сербам. Писатель был вдохновлен идеей освобождения македонских болгар, возможностью осуществить национальное объединение. Поэт признавался своему другу, литературоведу Ивану Шишманову: «У меня не рыба кровь... Я нахожусь вообще в периоде интенсивного творчества. Надо писать. Не могу иначе... Так я понимаю задачу поэта»²³. Все личное для поэта уходит на второй план, его мысли, чувства — «Там!» — в Македонии, на полях сражений. Вазов восторгается мужеством, храбростью болгарских солдат, одерживающих одну победу за другой! Он воспекает их подвиги в справедливой, с точки зрения поэта (да и большинства болгар) войне. В сборнике «Песни о Македонии» нередко официальные фронтовые сводки или другие сообщения из газет служат эпиграфом к стихотворениям Вазова. Так, стихотворению «Там!», написанному 18 октября 1915 г., предшествуют сведения: «Все плакали от радости. Восторг был неопишым. (Официальное сообщение)». В той же книге стихотворению «Христос воскрес!» (21 ноября 1915 г.) предпослан эпиграф: «Крестьяне, не привыкшие кричать „ура“, со слезами на глазах поздравляли наших солдат, говоря: “Христос воскрес!” (Сообщение из Македонии)».

Поэта радует вольное звучание родной болгарской речи в Македонии («Наш язык», январь 1916 г.). Этому стихотворению, опубликованному в сборнике «Песни о Македонии», предшествует эпиграф: «Во вновь завоеванных землях солдаты, чиновники и офицеры стараются говорить с населением по-сербски, в то время как само население очень хорошо понимает болгарский язык. (Из статьи в газете)». Сразу за этим эпиграфом помещен и второй: «О неразумный и юродивый! Почто стыдишься ты! ... Ты, Болгарин, не прельщайся, знай свой род и язык!» Паисий». (Паисий Хилендарский — автор «Истории славяноболгарской» (1762), родился в Македонии).

²³ Шишманов И. Иван Вазов. Спомени и документи. София, 1930. С. 98–99.

Стихотворение «29 ноября 1915 г.», которое также опубликовано в книге «Песни о Македонии», предваряет эпиграф: «29 ноября освобождена вся Македония и на ее территории уже нет ни одного неприятеля. Это день ее освобождения. (Бюллетень штаба действующей армии)». Этот славный, благодатный день, уверен поэт, навсегда останется в истории Болгарии, и вечно будет звучать в святом для болгар крае родная речь.

Когда пришла весть об освобождении Охрида (ноябрь 1915 г.), Вазов написал стихотворение «Охридское озеро», опубликованное в сборнике «Песни о Македонии». Лирический герой этого произведения мечтает о крыльях, дабы полететь к родному озеру, услышать в плеске его волн святые легенды о болгарской старине, ощутить дух болгарского царя Самуила, управлявшего этими землями в X–XI вв., укреплявшего и расширявшего болгарскую державу, нанесявшего тяжкие поражения войскам византийского императора Василия II. Это произведение посвящено как славному прошлому Болгарии, так и победам болгарских войск в период Первой мировой войны. По мнению поэта, подвиги великих предков должны вдохновлять современных героев. В стихотворении «Радость теней» (февраль 1916 г., сборник «Песни о Македонии») лирический герой взывает к духу царя Самуила и к духу Паисия Хилендарского, который как бы воскресает к новой жизни. Он готов дополнить свою историю:

И вновь я слышу песен звуки,
Видно, простил нас Господь Бог,
Опять возьму перо я в руки,
Чтоб дописать «Историю» я смог.

Тени братьев Миладиновых также радуются освобождению Македонии. Дмитрий и Константин Миладиновы, уроженцы Македонии, в 1861 г. составили и издали сборник «Болгарские народные песни», которые положили начало изучению болгарского фольклора. Борьба братьев Миладиновых против

турецкого владычества и засилья греческого духовенства завершилась их заключением в тюрьму, где они, как предполагают, были отравлены. Восхищенный подвигом братьев, Вазов еще в 1883 г. посвятил им стихотворение в поэтическом цикле «Эпопея забытых»:

А бедные братья в предсмертном страданье
Лежали уже при последнем дыханье.
И, божьему свету промолвив «прости»
Уже холодея, без жизни почти,
Шептали чуть слышно они угасая:
«Тебя мы, Болгария, любим, родная!»²⁴.

Пер. А. Гатова

В стихотворении «Радость теней» (сборник «Песни о Македонии») Миладиновы как бы возвращаются к жизни в освобожденной Македонии:

И вновь мы живы, Мать, ты слышишь?
С тобою вместе мы поем.

В социалистической Югославии сборник «Болгарские народные песни» братьев Миладиновых переиздавался под сокращенным заглавием «Народные песни». Слово «Болгарские» резало слух ученым и издателям Югославии, ибо оно прямо указывало на то, кем считали себя братья Миладиновы и на каком языке пели песни жители Македонии. Произведения писателей болгарского национального возрождения, родившихся в Македонии, предельно ясно отражали их болгарское самосознание. Они называли Македонию «Нижней Болгарией», считая ее географической областью своего отечества. И сочинения свои они создавали на болгарском языке. Райко Жинзифов писал в «Новоболгарском сборнике» (1863): «Мы болгарским языком считаем тот язык, на котором говорит вся Македония, Фракия и Болгария... потому что нет македонцев, нет фракийцев, как отдельных народов,

²⁴ Вазов И. Сочинения в шести тт. Т. 1. С. 265.

а есть только славяне-болгаре, которые живут в указанных местах, названия которых, возможно, могут употребляться в землеописаниях, но не могут — в названиях народностей. Короче говоря, есть один целостный народ болгарский и один язык болгарский, который, как и все другие языки, делится на наречия»²⁵.

Иван Вазов разделял взгляды своих предшественников — писателей эпохи национального возрождения. Да он и сам был возрожденцем, он начал публиковаться в 1870 г. И его национальное самосознание ничем не отличалось от самоидентификации братьев Миладиновых, Р. Жинзифова и других писателей той поры. Прадед Вазова был беженцем из Македонии. Для Вазова Македония — неотъемлемая часть Болгарии, «часть ее тела, часть ее духа», как говорил он. Здесь, в Македонии, в Охриде, трудился болгарский просветитель Климент Охридский (840–916) — один из основоположников древнеболгарской литературы, ученик и сподвижник Кирилла и Мефодия.

Не только тени великих предков помогают «болгарским витязям», но и сама природа Македонии — горы, леса, озера, реки. Подобное олицетворение природы характерно и для юнацкого эпоса. В стихотворениях «Крали Марко», «Крали Марко проснулся», «Македонские витязи», «Радость македонских долин», «Три наших озера», «Охридское озеро» (опубликованных в сборнике «Песни о Македонии») поэт широко использует народные предания, фольклорные мотивы, систему изобразительных средств, характерных для народных песен. Обращение к образам фольклорных богатырей-юнаков, гайдуков отвечало духу героикоромантической поэтики в ряде стихотворений военной поры. Творчески восприняв фольклор, Вазов создал самобытные произведения, выражающие идеи своего времени. Переосмыслив фольклорные образы, он выразил свое отношение к миру.

²⁵ Жинзифов Р. Публицистика. Т. 1. София, 1964. С. 235.

Военная лирика Вазова воздействовала на широкие массы читателей, особенно на тех, кто непосредственно принимал участие в боях. Поэт получал множество благодарственных писем с фронта. Так, некий солдат Д. Н. К. писал Вазову в 1916 г.: «Милый народный поэт, я долго думал, как обратиться к Вам в письме, и решил употребить именно такое обращение... Я люблю ваши стихи, в которых Вы воспеваете воскресшую силу простого болгарского крестьянина, сражающегося на поле брани, дабы заложить основы единой Болгарии». Солдат сообщил, что поводом для написания письма послужило стихотворение Вазова «Два сна» (сборник «Песни о Македонии»). Солдат подчеркивал, что письмо им послано из «Свободной Македонии, Единой Болгарии, из города Битоля» (1916 г.). По случаю годовщины «войны за объединение болгар» (именно так воспринимал Вазов бои в Македонии) поэт в 1916 г. написал стихотворение «Тревожный и бурный год» (сборник «Новые отзвуки»). Для него болгарские воины — рыцари благородных великих идеалов, достойные цветов и песен, воспевающих красоту их духа. И поэт находит слова, чтобы восславить доблесть соотечественников, которые несут миру «не иго, разрушение, а правду, обновление».

После успехов болгарской армии в Македонии и Сербии, началась тяжелая, изнурительная окопная война на Солоникском фронте. Материальные и людские ресурсы Болгарии истощались. В творчестве поэта наблюдаются перемены. В 1916–1917 гг. Вазов пишет стихотворения, в которых больше освещает трагедию войны, чем героические подвиги: «Мировая война», «Эпилог» (сборник «Песни о Македонии»), «Всемирная война» (сборник «Новые отзвуки»). Усталость от войны, жажда мира — доминирующий мотив стихотворений того времени. Мировая бойня, потоки крови, страдания народа потрясают поэта. Вазова все более мучает мысль о тех, кто погиб на полях сражений, защищая интересы Родины. Как бы ни радовали Вазова воинские подвиги солдат, он искренне желал,

чтобы скорее наступил мир, и народы снова начали жить по-человечески. Неоднократно цензура запрещала произведения поэта, показывающие кровавый облик войны, призывающие к миру и взаимопониманию («Вздохи» «Кошмар», «Когда?»). В 1916 г. Вазов пишет яркое стихотворение «Мировая война», эпиграфом к которому послужили слова чешского поэта Ярослава Врхлицкого: «Плачь, поэт!» Писатель скорбит о страданиях народов, о потоках крови, вызванных мировой бойней:

Уже Молоха недра
Телами — данью щедрой
Полным-полны.
В безмерной жажде славы
Он ждет еще кровавых
Даров войны.

Уже померкло небо...
Безумью на потребу
Все вновь и вновь
Потоком будет литься.
Багря времен страницы,
Людская кровь.

И ярость правит веком,
А богочеловека
Не слышно, нет.
Весь мир наш кровью залит.
Мыслитель и страдалец,
Плачь, поэт!²⁶

Пер. Г. Санникова

Вазов становится выразителем чаяний народа, жаждущего мира:

Покая люди жаждут,
О мире шепчет каждый,
Но кто из нас

²⁶ Вазов И. Сочинения в шести тт. Т. 1. С. 629–630.

Воскликнет, смел и волен,
Громовое: Довольно!
О, грозный час!²⁷

Пер. Г. Санникова

В стихотворении «Эпилог» (1916), последнем в сборнике «Песни о Македонии», поэт хотя и скорбит о бесчисленных жертвах, но оправдывает Отчизну, которая не начинала первой страшную схватку:

Ты жаждала мира — в ответ тебе меч,
Ты правды желала — в ответ тебе смех...

В военных произведениях Вазова звучит скорбь, вызванная ухудшением отношений между Болгарией и Россией. Ведь именно русские освободили Болгарию от 500-летнего османского ига, и поэт в свое время воспел их подвиги. А теперь Болгария и Россия стали врагами: на северном фронте им пришлось сражаться друг с другом. Вазов касается этой темы в ряде стихотворений, напечатанных в сборнике «Новые отзвуки»: «Русским солдатам», «Любовь», «Тайна», «Расцвет славянской идеи», «Скорбь Александра II». В последнем стихотворении поэт обвиняет Николая II, пославшего русских солдат воевать с болгарами в Добрудже. Он уверен, что Александр II счел бы такое сражение постыдным, бесславным и не одобрил поступок внука.

Сарказмом и болью проникнуто стихотворение «Расцвет славянской идеи» (опубликовано в журнале «Мир» 7 ноября 1916 г.). Поэт скорбит о том, что Россия — вековой страж славянских заветов, обагрила руки в болгарской крови, защищая интересы владх. Поэт вопрошает Бога, подарившего России бескрайние богатства, моря, степи, храбрый народ, гениев: «Отчего же ты не дал в своей бесконечной щедрости ума тем, кто сегодня правит Россией?»

²⁷ Вазов И. Сочинения в шести тт. Т. 1. С. 629.

Последние месяцы 1917 г. и весь 1918 г. Вазов почти не пишет о войне. Он устал от нее, испытывает депрессию, чувствуя, что приближается национальная катастрофа, что рушатся все сокровенные надежды. Летом 1917 г. поэт пишет только интимные, лирические стихи. «Странно, — сообщает он Ивану Шишманову, — как объяснить это: я не мог бы сейчас написать ни одного стихотворения о войне. А как было раньше! Прошло уже мое вдохновение. Теперь меня волнуют нежные мотивы»²⁸. Вазов почти проклинает свои военные песни, они ему «противны». Поэт заявляет, что сломал свою лиру, ибо военные произведения звучат, словно смех на могиле. Разрушительным силам войны приведшим Болгарию к катастрофе, Вазов противопоставляет созидательную силу труда.

В 1919 г. выходит в свет поэтический сборник «Не погибнет!» (Первоначально он был назван поэтом «Нет, Болгария не исчезнет!»). В нем опубликовано стихотворение «Башня», которое явилось откликом на подписание Нейиского мирного договора между державами-победительницами и Болгарией (27 ноября 1919 г.) Этот договор вызвал у болгарского народа чувство глубокого унижения и нанес ему огромный материальный и моральный ущерб. Болгария потеряла значительную часть своей территории. Вазов уверен, что Нейиский мир глубоко несправедлив:

Мир этот, мира недостойный.
Строенье шаткое на почве зыбкой,
Возникшее с преступною ошибкой,
Таит в себе возможность новой бойни.

Пер. Г. Санникова

В поэтических сборниках о войне Вазов опубликовал не только произведения о сражениях и подвигах соотечественников, но и исповеди, в которых подводил итоги своего творческого пути («Дуб», «Мой путь», «Мои песни»). Это объяснимо — ведь поэту шел седьмой десяток. В стихотворении «Мои песни» читаем:

²⁸ Шишманов И. Указ. соч. С. 99.

Имен немало с легкою их славой
Безжалостные годы в прах сотрут,
Их заглушат забвеньем плесень, травы, —
Мои ж стихи и песни не умрут.
В них отражен болгарский дух народный,
А он бессмертен также, как народ,
И будет жить в веках наш край свободный, —
И песнь моя в народе не умрет.

Пер. М. Зенкевича

Сбылось это пророчество поэта. Многогранное творчество Вазова имеет огромное значение для развития болгарской литературы. С одной стороны, писатель был продолжателем традиций культуры национального возрождения, с другой — создателем новых жанров, прокладывающим новые пути в литературе. Вазов творил во всех трех родах литературы (эпосе, лирике, драме), создавая шедевры. Он обогатил национальную литературу первым болгарским романом, расширил тематическое и жанровое многообразие поэзии, утвердил жанр реалистического рассказа, обогатил литературный язык. Творчество Ивана Вазова принадлежит не только болгарской, но и мировой литературе. Его произведения переведены в 52 странах мира. Права литературовед Милена Цанева, утверждающая: «Иван Вазов — последний возроденец и, одновременно, первый профессиональный писатель в нашей культуре — создал художественный национально-исторический космос, который является не только литературой высочайшего класса, но и хранителем исторической памяти народа и объединяющих общество духовных ценностей, неразрывно связанных с формированием нашей национальной идентичности. И это превращает творчество Вазова в послание из прошлого в будущее, от дедов к потомкам, послание болгарина ко всему миру»²⁹.

²⁹ Цанева М. Вазов — това не е само литература // Патриархът. Етюди върху творчеството на Иван Вазов. София, 2001. С. 8.

Т.И. Чепелевская

**ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ МОДЕЛИ
НАРОДНЫХ ХРИСТИАНСКИХ ЛЕГЕНД
В СЛОВЕНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX–XX ВВ.
(Я.ТРДИНА, С.МАЙЦЕН)**

В центре нашего внимания — одна из самых значимых трансформаций в культуре — переход библейских и евангельских сюжетов, а также житий святых в народные христианские легенды, когда высокие истины перелагаются для простеца (А.Гуревич), т. е. простой, необразованной аудитории и затем попадание этих сюжетов в литературу и их последующее развитие.

Народная христианская легенда — это прозаическое, назидательное и познавательное произведение, имеющее религиозный сюжет, установку на достоверность повествуемого и обладающее высокими художественными достоинствами¹. Ее особенности складывались и развивались на протяжении длительного времени, в процессе взаимодействия и взаимовлияния фольклорной и агиографической традиций.

Одним из наиболее наглядных проявлений влияния народной традиции на агиографию являются различные агиографические сборники (составленные по календарному принципу Чети-Минеи в восточной традиции и легендарии — в западной). Такие собрания по своему объему, а также по цене (как в рукописной, так и позже в печатной форме) оказывались недоступны широкому кругу читателей. Часто этому кругу были непонятны и содержащиеся в житиях и словах, посвященных религиозным праздникам, богословские рассуждения (зачастую отвлеченные и риторические), а также непонятный массовому читателю язык. Однако отдельным житиям, особенно созданным

¹ Джанумова А.С. Христианские легенды и агиография // О славе небесной и вечной радости. Народные христианские легенды. М., 2008. С. 4–5.

в традиции «низовой» агиографии, были несвойственны эти признаки, и они пользовались, как правило, большой популярностью.

Существует, как считают исследователи, по меньшей мере, два житийных сборника, представляющих восточную и западную традиции, которые постепенно смогли развиваться в собственно «народные книги» во многом благодаря ослаблению и исчезновению строгого житийного канона и использованию фольклорных мотивов. Это минейный Торжественник, один из древнерусских календарных сборников уставных чтений конца XIV — XVII вв., включавший в себя гомилии (т. е. беседы, проповеди, посвященные толкованию отдельных мест Священного Писания) и жития святых, и очень популярный в Западной Европе сборник «Золотая легенда», составленный Иаковом Воррагинским в 1275 г. Этот легендарий, став на протяжении средних веков одной из любимых «народных книг», послужил прототипом многих житийных сборников на национальных языках (они отличались от латинского памятника большим числом агиографических статей и сюжетных повествований, отсутствием предисловий (рассуждений, основанных на неверной этимологии имен святых) и богословских вставок в текстах, широким использованием фольклорных сюжетов и мотивов.

Можно предположить, что именно «Золотая легенда» была основой для словенских проповедников, стремящихся донести до крестьян Священное Писание, например, для Янеза Светокрижского, проповеди которого в XVII — начале XVIII вв. пользовались большой популярностью у паствы.

Многие агиографические сюжеты, услышанные в проповеди, постепенно через устное слово, пересказ становились основой для народной легенды. Их переработка в процессе фольклоризации и под воздействием фольклорной поэтики приносили весьма интересные результаты. Так возникал устный народный рассказ о священном.

Одним из первых словенских писателей, кто обратил внимание на это явление — трансформацию высоких священных истин в простую, доступную форму народного пересказа, был Янез Трдина (1867–1905), основатель фольклорного направления в словенской литературе. Выйдя очень рано на пенсию, он долгие годы занимался собирательством: записывая пословицы и поговорки, а также народные (в том числе и юмористические и даже сатирические) истории с религиозными сюжетами². Они вошли в его сборник «Религиозные легенды: старые и новые», включающий практически не обработанные тексты историй. В них он старается полностью воспроизводить услышанное от своих рассказчиков. В этой роли наиболее часто выступали: батрачка Ера из Смихеской общины, знакомый кузнец, хозяйка гостиницы у Шент Янежа.

В собранных писателем текстах преобладают сюжеты из Ветхого и Нового заветов. Некоторые из историй воссоздают мотив о хождении Иисуса по земле вместе с апостолами, при этом часто упоминаются словенские географические названия (например, Крайна) или словенские фольклорно-мифологические персонажи (Курент). Другие повествования содержат переложения мотива Бог-гость, в которых акцентируется мысль о том, что воскресший Иисус оказывается

² Он собрал обширный этнологический и фольклорный материал — всего 27 тетрадей, которые получили общее название «Истории и комментарии» («Progodbe in opombe»). В одном из тетрадей писатель признается: «Все подобные материалы не для общего употребления, их нужно читать *cum grano salis*. В них добрая половина или же все — пустые разговоры и выдумки. Я записывал все, что и сколько видел, слышал и узнавал. Цель этих записей — представить картину истинного характера словенского народа а в Нижней Крайне, а этому прекрасно служат не только правдивые истории и слова, но и басни, различные толкования и небывлицы, которые распространяет народ о разных событиях своей жизни» — см.: *Trdina J. Zbrano delo: v XII zv., ur. J. Logar. Lj., 1946–1959. Zv. VI. S. 336.*

неузнанным.

Впоследствии во многом на основе собранного материала Трдина создает новый цикл произведений под общим названием «Сказки и повести о горянцах» (они печатались в журнале «Люблянски звон» («Люблянский колокол») в период с 1881 г. по 1888 г.), где собранные им народные христианские легенды вводятся в художественное повествование. Происходит не только определенная трансформация сюжета, но и превращение устного предания с религиозным сюжетом в литературное произведение.

Прежде всего, это касается двух глав цикла, посвященных св. Феликсу («Св. Феликс» и «Св. Феликс II»), культ которого в одной из словенских провинций, Нижней Крайне, получил широкое распространение. В первом из произведений Я. Трдина подвергает литературной обработке историю, услышанную от хозяина корчмы Трстака, посвященную культу местного святого, его зарождению (в период борьбы с турками в XV–XVI вв.) и последующему развитию в начале XIX в., в период Наполеоновских войн.

Общехристианский святой, по преданию погибший мученической смертью и похороненный в Риме (память которого католическая церковь отмечает 11 сентября), превращается для словенцев и их соседей хорватов в защитника от врага, в своего святого, останки которого не случайно перенесены из Италии в Похорье (его родные места, как гласит легенда) и покоятся в алтаре главного собора г. Ново-Место. В устном пересказе о погребении святого и чудесах, совершаемых в этом сакральном месте (на его безымянной могиле выросла прекрасная белая лилия, на лепестках которой были начертаны слова, что здесь покоится св. Феликс, после чего Папа разрешил перенести мощи мученика за веру на его родину) во многом ощущается влияние других легенд, в частности, легенды о чуде на могиле епископа Витала.

Вторую историю о чудесах, связанных с этим святым, Трдина выстраивает как монолог сказительницы

Янезовки, хозяйки корчмы в Шент Янже, но этот монолог дополняется авторскими комментариями и вставными сюжетами, призванными подтвердить документальную необоснованность данного культа. Писатель не просто воссоздает устный рассказ, а создает произведение, в котором народная легенда дополняется реалистическими картинками из жизни края. Например, подробно описывая праздник на день св. Феликса, когда в город Ново-Место собираются не только местные жители, но и словенцы из Белой Крайны и хорваты с пограничных земель, Трдина передает ритм повседневной жизни местных крестьян. Сравнивая словенцев и хорватов через оппозицию свой / чужой, автор предлагает почувствовать их родство и различие, сравнивая язык и одежду, акцентирует внимание на местных особенностях и формах их проявления. Сбором материалов, связанных с развитием этого культа и закреплении его в жизни словенцев, Я. Трдина занимался многие годы. Так, в дневниковой записи за 10 сентября 1871 г. он отмечает: «Ветрено. Наверное, купания в этом году уже не будет, небо все в облаках. Сегодня день св. Феликса, пришло множество хорватов на празднование этого дня. Они остались перед мостом, лишь на службу идут в город (т.е. Ново-Место — Т. Чепелевская). Вместо белых головных уборов на многих женщинах праздничные цветные, купленные в магазине платки, редко видны огромных размеров народные головные уборы... Жители окрестных сел прославляют Феликса не так сильно (подобно тому, как жители Брежья отмечают свой храмовый праздник, посвященный Деве Марии Помощнице, что пришедшим издалека чужакам кажется столь удивительным), по сравнению с хорватами (=белые крайнцы и истинные штокавские хорваты), которые утверждают, что этот святой не только помогает в чем-то одном, а оказывает помощь во многих делах: против засухи, града и т.д.; лечит все болезни, помогает во всех бедах и т.д., вот почему ему дают обеты совершить паломничество в Ново-Место. Тот, кто не может

прийти сам, нанимает другого человека в качестве своего заместителя, чтобы передать деньги на это празднование»³.

Таким образом, Я. Трдине удастся не просто познакомить читателей своих весьма популярных в то время рассказов и повестей с местными святыми Белой Крайны, но и создать объемную художественную картину жизни, дать сравнительную характеристику разных народов, но главное — представить читателю картину мира жителей одного из словенских регионов.

Другую модель трансформации устного слова народной легенды с религиозным сюжетом в литературное произведение дает творчество писателя XX в. Станко Майцена (1888–1970).

Словенская исследовательница Мария Боршник относит его к поколению «восьмидесятников», среди которых много известных писателей и деятелей науки и культуры (Изидор Цанкар, А. Градник, Лили Нови, В. Левстик, Ф. Кидрич, И. Графенауэо и др.). Оставаясь в тени поколения Словенской модерна, они сознательно противопоставили мягкости и игривости импрессионистической манеры ее сторонников и нарочитую реалистичность и даже тяжеловесность чернотелой техники⁴.

Несмотря на его обширное драматургическое наследие (драмы «Касия», 1919; «Апокалипсис», 1923; «Две матери», 1945 и др.), именно рассказы принесли С. Майцену заслуженную славу. Они печатались в годы Второй мировой войны в журнале «Дом ин свет» («Dom in svet» — «Родина и мир»), а в 1944 г. вышли в книге «Мастер Мехо», которая сразу получила словенскую литературную награду. Книга была составлена из двух разделов. Содержанием первого стали «Картины из Священного писания Нового завета» или «Картины из жизни Иисуса Христа»; вторую часть составили рассказы с сюжетами из времени Первой

³ Trdina J. Op. cit. S. 365.

⁴ Boršnik M. Študije in fragmenti. Maribor, 1962. S. 250.

мировой войны, основанные на личных впечатлениях и воспоминаниях автора (он сражался на Карпатском фронте).

Майцен в некоторых из рассказов использует тему христианских легенд, связанную с неузнанием воскресшего Спасителя, которая является общей для русского и европейского ареалов. Так, в легенде «Иисус и слепой» писатель соединяет этот сюжет с сюжетом легенды «Чудо о слепом», но героев перемещает в хорошо узнаваемое словенское пространство и военное время.

Иисус Христос, бредущий по земле, но не с апостолами, а со слепым, удивляется его внутреннему зрению: тот наслаждается лучами солнца, которое словно ведет его по дороге, помогает почувствовать протяженность пути. Попутчик Спасителя словно видит доставшийся его сыну в наследство дом и хозяйство, а затем домик младшей дочери, где все должно говорить о хозяйской рачительности. Идущий рядом Христос видит другое: дом-развалину, запустение и обнищание в хозяйстве сына и превратившийся в место для любовных утех дом его дочери.

Иисус с трудом приходит в себя от увиденного и даже хочет оставить слепого, уйти своей дорогой, но внезапно узнает, что тот спешит в дом, где сегодня вечером гостеприимные хозяева ожидают прихода Иисуса Христа, а значит бедолага может попросить у него совершить чудо исцеления. Слепой подходит к дому и стучит посохом в ворота, а за ним тихо стоит погруженный в себя Иисус, который медленно разводит руками вокруг себя, словно сам стал слепым. Так, известный мотив позволил писателю, не включая прямого назидания, через оппозицию внутреннее / внешнее приблизить к современности древний сюжет. Бессилие Иисуса, возникшее в результате его глубокого понимания сути происходящего, «показана исключительно тонко и просто», утверждает М. Боршник⁵.

⁵ Boršnik M. Op. cit. S. 449.

Внешнее проявление этого бессилия помогает читателю ощутить трудно выразимое желание Спасителя заставить увидеть и осознать то зло, которое несет с собой разрушение нравственных основ жизни и рождает чувство потерянности человека на земле.

Подобные стилевые приемы, близкие к технике экспрессионизма, Майцен использует и в других легендах книги⁶. Для С. Майцена было близко характерное для этого направления тяготение к абстрактности в описании человеческих переживаний, обнаженности чувств, эмоциональности, даже гротеску; обращение к религиозным и философским мотивам, которые разрабатывали представители католической, одной из ветвей словенского экспрессионизма.

В другой истории, вошедшей в книгу С. Майцена, «Идиллия в доме у виноградаря», Иисус по пути на Птуйскую гору во время сильного ливня скрывается в маленьком домике, где его встречают оставшиеся одни трое детей. Свет в их глазах, сочувствие к путнику успокаивает его, но домой возвращаются родители, которые, не обращая внимания на гостя, начинают с жаром ругаться из-за вырученных на ярмарке денег. Нежданный гость уходит, но вместе с ним из дома уходит свет: «Когда битва была закончена, не было света больше нигде, ни от керосиновой лампы, ни от трех пар глаз»⁷.

И здесь, опираясь на мотив легенды «Чудо о слепом» (Евангелие от Иоанна), где Христос через чудо прозрения утверждает, что «Доколе Я в мире, Я свет

⁶ Диапазон словенского экспрессионизма, который получил развитие в 1920-е годы и определялся как оппозиция импрессионизму, натурализму, декадансу и т. д., «простирался от философско-католической лирики до поэзии открытого социального протеста и конструктивистских упражнений» — См. об этом: *Сонькин В.В.* Словенская литература // История литератур западных и южных славян: в 3-х т. Т. 3. Литература конца XIX — первой половины XX века (1890-е годы — 1945 год). С. 643–655.

⁷ *Majcen S. Izbrano delo.* Knj. II. S. 132, 134.

миру», что Он есть свет всему миру, словенский писатель рассказывает нам скупую по художественным средствам изображения историю о мире, который сам отказывается от света, предпочитая ему деньги, уничтожение всего живого.

Легенды С. Майцена — это своего рода тонкие аллегории, трансформирующие древний сюжет народных легенд в историю о мире военного времени. Автор подводит читателя к осознанию абсурдности ситуации. Она заключается в том, что Сын Божий из-за человеческой злобы, глупости и самолюбия лишается своих чудодейственных сил, и это демонстрирует новый взгляд на идею Христа как света вселенной. «У Майцена это, — пишет М. Боршник, — и не Бог, так как ему не хватает божественной силы исправить все, но и не простой человек, поскольку в нем заключена очищающая сила доброты, но в этом ослепленном ненавистью и жадностью мире она вряд ли может победить»⁸.

Обратившись к творчеству двух словенских писателей разных периодов, мы попытались показать одну из самых значимых в культуре трансформаций: переход высоких священных истин в устный народный рассказ о сакральном и последующий его переход в художественный нарратив. Иными словами, развитие сюжета идет по линии превращения: сакральный, священный сюжет опускается в низовой ряд культуры, а затем трансформируется в новое произведение высокого уровня культуры.

Я. Трдина, сам собиравший материала для своей переработки, создает с опорой на житийный канон литературное произведение, в котором ставит новую задачу: он вовлекает своего читателя в процесс познания мира вокруг себя. С. Майцен идет дальше и стремится вовлечь своего читателя в процесс преображения этого мира. Так реализуются разные модели трансформации народных религиозных легенд в словенской литературе.

⁸ *Boršnik M. Študije in fragmenti... S. 453.*

Е.П. Серапионова

СЛАВЯНСКИЙ ВОПРОС В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ. (1898–1908 ГГ.)

Сергей Васильевич Никольский всю свою долгую и плодотворную жизнь посвятил славистике. Крупнейший специалист по чешской литературе, Сергей Васильевич, — огромный энтузиаст, занимающийся *своим* делом и *от души*. Преклоняюсь перед его эрудицией, энергией, люблю за доброжелательность и увлеченность. С радостью приняла приглашение участвовать в сборнике в его честь.

В зарубежной историографии подчас можно встретить утверждение о том, будто славянская идея всегда и везде была составной частью «захватнической» и даже «империалистической» идеологии национализма и панславизма¹. Но так ли было на самом деле?

В конце XIX в. в России началась активизация славянского движения, которое в начале XX столетия приобрело новые черты и получило название неославизма². В отличие от прежних славянских идей, основывавшихся на единстве веры, главенстве православия в славянском мире, теперь неославизм провозгласил своим кредо лозунг Французской революции «Свобода, равенство, братство», предполагавший уважение к различным традициям, обычаям и вероисповеданию славянских народов.

В 1898 г. в Праге прошли празднества по случаю 100-летнего юбилея Ф. Палацкого. В них приняли участие и представители из России. В этот же день из Будапешта в Российский МИД поступило донесение князя Львова о шумном взрыве негодования по случаю «панславистских» манифестаций в Праге в честь

¹ См.: Дьяков В.А. Славянский вопрос в общественной жизни до-революционной России. М., 1993. С. 188–189.

² Подробнее об этом см.: Ненашева З.С. Идеино-политическая борьба в Чехии и Словакии в начале XX в. М., 1984.

Палацкого. В нем сообщалось: «Венгерцы видят в пражских торжествах сильный подъем славянского духа, грозящий особенно Австрии, а затем и их отечеству; и подают совет своим государственным людям принять заблаговременно меры к предупреждению подобного явления среди славян Транслейтании»³.

Можно сказать, что пражское мероприятие способствовало оживлению славянской работы в России. Уже в конце 1898 г. начальник Закаспийской области, член Санкт-Петербургского благотворительного общества генерал-лейтенант А.А. Боголюбов, составил записку на имя министра иностранных дел графа М.Н. Муравьева о необходимости активизации деятельности Общества и учреждения в России «Всеславянской Матицы». Некоторые члены благотворительного общества во главе с генералом Боголюбовым хотели придать его деятельности более широкое, не лишённое политической окраски направление, другие — отказывались от подобных планов. Недовольные поставили целью сместить председателя графа Игнатьева и членов Совета общества со своих постов, для чего ими была создана Ревизионная комиссия. В ее докладе говорилось, что Общество должно стать «духовным вождем и нравственной опорой всему угнетенному и раздробленному политически и духовно славянству»⁴. Петербургское славянское общество поддерживало нескольких славянских стипендиатов, издавало славяно-русские словари и брошюры для ознакомления славян с Россией и русского общества с жизнью славянских народов и их историей, устраивало празднества дней славянских апостолов св. Кирилла и Мефодия.

Планы придать деятельности Общества политический характер напугали чиновников российского МИДа. В записке министра иностранных дел на имя

³ Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРИ). Ф. 151 Политархив. Оп. 482. 1898–1900. Д. 5139. Л. 5.

⁴ Там же. Л. 9.

премьер-министра И.Л. Горемыкина сообщалось о том, что в апреле 1899 г. новым председателем Общества стал отставной полковник Г.В. Комаров. Там же указывалось, что его выступления во время празднования юбилея Палацкого в Праге были «крайне бестактны»⁵. Деятельность Общества было решено приостановить. Последовали протесты против этого решения. И.Я. Вацлик, бывший секретарь черногорских князей Даниила и Николая, направил записку М.Н. Муравьеву, в которой высказывался против закрытия Общества, предлагая изменить его устав, активизировать деятельность и ввести в его состав представителя правительства. Он указывал на необходимость распространить деятельность Общества на славянские земли с тем, чтобы противостоять антиросийской, антиславянской и антиправославной пропаганде⁶.

Разногласия внутри Общества продолжались. В июне 1899 г. его председателем был избран А.В. Васильев, товарищами (заместителями) председателя стали В.С. Кривенко и В.И. Шемякин, секретарем Общества — И.А. Баженов, а помощником секретаря — В.П. Сватковский. Всего в Обществе насчитывалось 42 действительных члена⁷. Однако и после новых выборов во главе организации встали сторонники политического направления, и тогда в официальных кругах посчитали лучшим приостановить деятельность Общества⁸. Окончательное решение принял император. 8 июля Горемыкин сообщил Муравьеву, что Николай II повелел отменить все результаты выборов, восстановить Игнатьева и других в должностях до истечения 3-х летнего срока, на который они были избраны. После этого был выработан проект нового устава.

⁵ Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРИ). Ф. 151 Политархив. Оп. 482. 1898–1900. Д. 5139. Л. 23.

⁶ Там же Л. 21 об.

⁷ Там же Л. 33–34.

⁸ Там же. Л. 41–44.

Целью Общества объявлялось содействие развитию славянской взаимности и духовному единению славян с Россией. Деятельность Общества предполагала помощь церквям, школам, народно-просветительным учреждениям и литературным предприятиям в славянских землях, содействие воспитанию и образованию молодых славян обоего пола в России, нравственной и материальной поддержке славян, желающих и способных трудиться для достижения целей Общества. Кроме того, Общество планировало оказание помощи как приезжающим в Россию славянам в их временных затруднениях, так и славянам на их родине во время особых народных бедствий (голода, наводнений, разорения края и т.п.), а также тем нуждающимся русским людям, которые послужили славянскому делу. Деятельность Общества должна была выражаться в поддержании и развитии научных и литературных сношений с учеными и литературными обществами и с отдельными лицами в славянских землях. Согласно проекту устава, Общество брало на себя обязательства издавать научные и литературные сочинения, руководства и пособия, а также особый календарь, устраивать собрания, беседы, публичные чтения⁹. Совет Общества состоял из председателя, двух его товарищей и двенадцати членов. Члены Общества делились на почетных, действительных и сотрудников. Управление делами Общества осуществляли 3 комиссии: распорядительная, благотворительная и издательская. Два раза в год проводились общие собрания — торжественные и обычные. Средства Общества состояли из основного, запасного и специального капиталов и поступлений от процентов с капитала, ежегодных членских взносов, пожертвований, церковных сборов и доходов от продажи изданий. Общество находилось в ведении Министерства внутренних дел, предоставляло ему ежегодные отчеты о своей деятельности и имело право

⁹ Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРИ). Ф. 151 Политархив. Оп. 482. 1898–1900. Д. 5139. Л. 47.

открывать отделы в других городах¹⁰.

Начиная с 1898 г. стали проводиться регулярные съезды славянских журналистов¹¹. На IV съезде славянских журналистов, проходившем в 1902 г. в Любляне, был учрежден Союз славянских журналистов¹². На VI съезде журналистов в Угерском Градиште представителем русской печати в союзе был избран д-р философии Д.Н. Вергун¹³. Правда, до 1907–1908 гг. русские почти не принимали участия в съездах славянских журналистов¹⁴. В 1907 г. Союз славянских журналистов объединял 8 журналистских обществ (4 чешских, 2 польских, 1 словенское и 1 галицко-русское) с 284 членами. Он ставил своей ближайшей целью выработку устава и привлечение к участию в работе балканских, венгерских, русских и американских славян¹⁵. На проводившихся съездах журналистов постепенно

¹⁰ Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРИ). Ф. 151 Политархив. Оп. 482. 1898–1900. Д. 5139. Л. 51.

¹¹ Подробнее см.: *Фирсов Е.Ф.* Съезды славянских журналистов (1898–1912) // *Славянское движение XIX–XX веков: съезды, конгрессы, совещания, манифесты, обращения.* М., 1998. С.147–170.

¹² Там же. С. 152.

¹³ Вергун Дмитрий Николаевич (1871–1951) — д-р философии, публицист, ученый-славист, археолог и архивист, член Общества славянской взаимности в Петрограде (1914). С 1918 г. приват-доцент Московского, а позднее проф. Иркутского университетов, сотрудник газеты «Новое время», редактор газеты «Великая Россия». В 1918 г. переехал в Киев, где занимал должность председателя Карпато-русского национального комитета. Проф. истории русской культуры в Высшем коммерческом училище в Праге. Д.Н. Вергун преподавал историю Прикарпатской Руси в Русском народном ун-те, был редактором журналов «Русский Сокол» и «Русский сокольский вестник» (Прага). С 1945 г. проф. ун-та в Хьюстоне (США). В эмиграции являлся председателем Карпато-русского верховного комитета в Нью-Йорке.

¹⁴ Новое время. 1908. 9 (22) марта.

¹⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 541. Оп. 1. Д. 18. Л. 18.

сглаживались противоречия между представителями славянских народов, возрастала осведомленность органов печати. Но Центральное славянское телеграфное агентство основано не было, так как австрийское правительство отказало чешским представителям в концессии¹⁶. Активизировало свою деятельность в славянских землях Санкт-Петербургское телеграфное агентство¹⁷. Связано это было с преобразованием Торгово-Телеграфного агентства, действовавшего с 1 января 1903 г. при Министерстве финансов¹⁸, в большое Санкт-Петербургское телеграфное агентство (1 сентября 1904 г.). Его директором назначили сотрудника МИДа А.А. Нератова. Было установлено тесное сотрудничество Агентства с посольствами и Министерством иностранных дел России. Корреспондентам предоставлялась относительная свобода действий, и перед Агентством ставилась задача беспристрастного освещения событий¹⁹. Российским корреспондентом в Вене с 1902 по 1907 гг. был П. Фихтенгольц. После него, с февраля 1908 г. этот пост занял В.П. Сватковский.

С 1900 г. в Вене два раза в месяц выходил журнал «Славянский век». Редактором-издателем его стал Д.Н. Вергун. Перед изданием ставились следующие цели: дать русскому и славянскому читателю полное, ясное и правдивое представление о культурной жизни всего славянства; ознакомить южных и западных славян с русской речью настолько, чтобы русский язык со временем мог стать общеславянским языком для сношений славян между собой; способствовать торговым сношениям западных славянских земель с Россией.

¹⁶ Новое время. 1908. 8 (21) марта.

¹⁷ *Ненашева З.С.* Под лозунгом равенства. Расцвет и увядание неославизма // Родина. 2001. № 1/2 . С.131.

¹⁸ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1358. Санкт-Петербургское телеграфное агентство. Оп. 1. Д. 918. Л. 2.

¹⁹ Там же. Ф. 1358. Оп.1. Д. 928. Л. 20–21.

Издание имело антинемецкую окраску. Так, его подписчикам бесплатно выдавалась карта немецких захватов в славянских землях (*Drang nach Osten*), с указанием немецких колоний в России, Галиции, Венгрии, на Балканах и в Малой Азии, а также немецких церквей, школ, газет, кредитных обществ, германских консульств²⁰. Журнал был иллюстрированный. В нем сотрудничали известные ученые, академики и профессора, преподаватели высших учебных заведений, общественные деятели: В. Горлов, К.Я. Грот, А.Ф. Гусев, Н.Н. Дурново, Г.А. Ильинский, И.В. Каменский, А.А. Киреев, В.Н. Кораблев, Е.Ф. Корф, В.И. Ламанский, А.И. Маркевич, В.В. Розанов, Н.В. Ястребов и многие другие.

На страницах российской и зарубежной славянской печати велась дискуссия об общеславянском языке²¹. Активное участие в ней принимали И.П. Корнилов, В. Горлов, И. Голечек, В.П. Сватковский и др. Этот же вопрос обсуждался в Славянском благотворительном обществе в Петербурге докторами Соколовским и Вергуном, академиками Соболевским и Пыпиным, профессорами Будиловичем и Кулаковским, а также членами Общества Кораблевым, Васильевым, Гурко²².

Постепенно славянские ученые и представители разных профессий начинают приглашать на свои периодические съезды коллег из славянских земель. Российские археологические съезды особо привлекали ученых-славян. На киевском съезде 1899 г., в котором участвовали представители почти всех славянских народов, возникла мысль об общем съезде славяноведов. Идея эта в действительности была осуществлена в Санкт-Петербурге в 1903 г.²³ По инициативе профессора Флоринского российской Академией наук был созван предварительный съезд филологов-славистов.

²⁰ ГА РФ. Ф. 541. Оп. 1. Д. 4. Л. 16.

²¹ Новое время. 1900. 16 (28) февраля.

²² ГА РФ. Ф. 541. Оп. 1. Д. 9. Л. 45.

²³ Новое время. 1908. 9 (22) марта.

На нем, в частности, было принято решение начать издание славянской энциклопедии под редакцией академика В. Ягича.

В начале века реанимировали и идею проведения славянской выставки, вероятно, в память о московской Этнографической выставке 1867 г.²⁴ В 1902 г. был выдвинут проект устройства в Санкт-Петербурге Всеславянской художественно-промышленной выставки. Первоначально мероприятие планировалось на 1904 г. Было выработано положение о проведении выставки. В преамбуле говорилось, что выставка устраивается с высочайшего государя императора соизволения, под августейшим покровительством его императорского высочества великого князя Александра Михайловича, Славянским благотворительным обществом в Петербурге при участии Общества содействия русской промышленности и торговли. Выставка задумывалась с целью способствовать установлению непосредственных сношений и торгово-промышленного обмена русских ^с «родственными им обитателями других земель»²⁵. Она должна была дать наглядное представление о современном быте, племенных особенностях и хозяйственном положении всех славянских народов, их промыслах, художественных произведениях и искусстве. Пожертвованные и приобретенные на выставке предметы предполагалось сделать основой постоянного Всеславянского музея в России. Все славянские народы приглашались к участию. Был образован комитет по устройству выставки. Почетным председателем комитета был избран товарищ Министра финансов, тайный советник Владимир Иванович Ковалевский. Выставка планировалась на три–четыре месяца. Места для показа экспонатов было решено предоставлять бесплатно, а на провоз вещей по российским железным

²⁴ По случаю 140-летия выставки в ноябре 2007 г. в Этнографическом музее Санкт-Петербурга был устроен показ некоторых экспонатов и международная научная конференция в честь юбилея.

²⁵ ГА РФ. Ф. 541. Оп. 1. Д. 19. Л. 2.

дорогам предоставить льготы. Возможна была продажа выставочных экземпляров. В приложении особо оговаривалось, что желательно получить те экспонаты, которые могли бы служить предметом торговли. К ним относились: а) разного рода ткани (шерстяные, льняные, бархатные, ковровые, ленты, сукно и др.); б) вышивки, кружева и золотошвейные изделия; в) мелкие изделия из дерева, а также мебель; г) изделия из металлов, включая оружие и предметы ювелирного искусства; д) изделия из кожи; е) керамические изделия (фарфор, глина, стекло, хрусталь); ж) музыкальные инструменты; з) игрушки; и) картины, художественные произведения; к) разные мелкие вещи.

Кроме того, организаторы выставки приветствовали предоставление образцов полезных ископаемых, поделочного леса, сырых и полусырых продуктов, включая шерсть, волос, кожу, масло, табак и вино. В качестве желательных экспонатов назывались этнографические и историко-археологические коллекции различных славянских народностей, собрания литературных сведений и материалов, которые целиком или частично должны были быть переведены на русский язык²⁶. Идея выставки не была воплощена в жизнь из-за начавшейся русско-японской войны. Перенос сроков на 1905 г. также не привел к ее реализации ввиду революционных событий в России: ее проведение было отложено.

Возникшее в конце 60-х годов XIX в. в Чехии спортивно-патриотическое движение «Сокол» постепенно распространялось в других славянских землях, в том числе и в России. Впервые во всесокольском съезде в Праге русские «соколята» приняли участие в 1907 г. Это были ученики ялтинской гимназии. Они получили первый приз²⁷. Сокольское движение также способствовало сближению славян.

Славянское движение в России и за рубежом

²⁶ ГА РФ. Ф. 541. Оп. 1. Д. 19. Л. 2.

²⁷ Новое время. 1908. 9 (22) марта.

постепенно стало развиваться в направлении сотрудничества по линии культурных и экономических связей. Вызвано это было, прежде всего, позицией официальной России, взявшей в тот период курс на сближение с Австро-Венгрией. Еще в 1896 г. во время посещения Вены императором и министром иностранных дел князем А.Б. Лобановым-Ростовским, стороны пришли к договоренности о поддержании постоянных контактов и сохранении статус-кво на Балканах²⁸. В апреле 1897 г. во время визита Франца-Иосифа в Петербург министры иностранных дел М.Н. Муравьев и А. Голуховский достигли принципиального соглашения, одобренного монархами. Оно предполагало полное невмешательство обеих держав в балканские дела²⁹. В 1903 г. произошло свидание Николая II с Францем-Иосифом в Штирии, в охотничьем замке в Мюрцштеге. Там было заключено так называемое «Мюрцштегское соглашение», на основе которого предполагались реформы македонской жандармерии³⁰. В 1906 г. между Россией и Австро-Венгрией было заключено новое торговое соглашение. Об этом сообщалось в письме от 15 января министра торговли и промышленности В.И. Тимирязева в Совет министров. В прилагавшейся записке говорилось о конвенции с новыми таможенными тарифами. Из Австро-Венгрии в основном вывозили сельскохозяйственные орудия, а экспортировали туда мясо и скот³¹. Хотя противоречия между двумя империями продолжали существовать, австро-русские соглашения действовали около 10 лет (1897–1907). Но внешнеполитический курс Австрии на сближение с Россией изменился после ухода в 1906 г. с поста министра иностранных дел графа Голуховского³².

²⁸ История внешней политики России. Конец XIX — начало XX века. М., 1997. С. 110.

²⁹ Там же. С. 111.

³⁰ Свет. 1911. 19 ноября.

³¹ РГИА.Ф. 1276. Оп. 2. Д. 470. Л. 29; Ф. 23. Оп. 18. Д. 356. Л. 165.

³² ГА РФ. Ф. 541. Оп. 1. Д. 27. Л. 13.

Российский МИД, не желая обострения отношений с Веной, не поддерживал политических амбиций деятелей славянского движения. В сообщениях министра иностранных дел Владимира Николаевича Ламсдорфа от 10 июня 1903 г. на имя министра внутренних дел В.К. Плеве и председателя Славянского благотворительного общества в Петербурге говорилось о просьбе австро-венгерского посла барона Эренталя не посылать в качестве представителя печати или какого-либо учреждения редактора-издателя газеты «Свет» г-на Комарова на предстоящие в Праге торжества по случаю закладки памятника Яну Гусу. По словам Эренталя, присутствие Комарова расценивалось Веной как нежелательное ввиду его вызывающего образа действий во время торжеств в честь Палацкого и на съезде славянских журналистов. Посол даже заявил, что в случае, если Комаров, приехав в Прагу, стал бы держаться прежнего образа действий, австро-венгерское правительство было бы вынуждено выслать его из пределов Габсбургской монархии³³. В кратком ответе В.К. Плеве В.Н. Ламсдорфу говорилось, что Комаров не предполагает ехать в Прагу³⁴.

В российском обществе также существовал, можно сказать, осторожно-отрицательный взгляд на панславизм как идею политического единения славян под эгидой России. В апреле 1902 г. в газете «Новое время» появилась статья известного публициста М.О. Меньшикова о панславизме. В ней популярный автор отмечал, что «лет 20 назад много говорили о панславизме; почему-то в Европе считали его грозною возможностью, а у нас думали, что это наша национальная мечта... Теперь...панславизм просто-таки неинтересен никому, ни нам, ни западным славянам»³⁵. Далее автор вопрошал: «Что в сущности для нас было бы приобрести эти бедные провинции

³³ АВПРИ. Ф. 151. 1899-1900. Оп. 482. Д. 5139. Л. 58.

³⁴ Там же. Л. 61.

³⁵ Там же.

с населением, говорящим на каких-то странных языках, менее понятных для нас, чем французский или немецкий языки?» Не только нежелание портить отношения с Габсбургами, но и весьма прагматичный подход людей, определявших внешнюю политику России, к идее политического объединения славян (который был характерен для них и в последующий период) отразился в статье Меншикова. Он писал: «При осуществлении панславизма трудно решить, что вложили бы западные братья на свой пай. Жизнеспособны ли они хоть в каком-либо отношении? Не пришлось ли бы великой России взять их себе на плечи, без того натруженные? В территории мы не нуждаемся; население же наше в 15 лет дает прирост, равный всему западному славянству. Вот почему Россия равнодушна к панславизму». Далее Меншиков продолжал: «Но и западные славяне, не имевшие с нами ни общей истории, ни общей культуры, довольно-таки безразличны к этой идее. Часть славянства даже враждебна ей». В заключении статьи автор указывал, что «все они (славяне. — Е.С.) уже заранее чувствуют себя обиженными Россией, понимая, что роль солнца в общей системе может принадлежать не им. Славяне корыстны, мы сентиментальны, — сочетание получается совсем не серьезное...».

Чешский политик, лидер партии младочехов К. Крамарж с самого начала своей политической карьеры очень интересовался славянским вопросом. Знакомство с Россией, русскими славистами и любовь к русской женщине многократно обострили этот интерес. Не случайно поэтому, что именно Крамарж вскоре встал во главе так называемого неославистского движения. Хотя понятие «неославизма» было создано не им. Впервые этот термин появился в самом начале XX столетия на страницах венского журнала «Славянский век»³⁶.

³⁶ Новое время. 1910. 6 декабря.

Неославизм представлял собой общеславянское движение, в основе которого лежала идея единства славян как силы, призванной способствовать расцвету славянства в качестве этнополитической и этнокультурной общности. Его возникновение связано с социальными и политическими изменениями в Центральной и Юго-Восточной Европе, приведшими к демократизации общественной жизни в регионе³⁷. У истоков неославизма стояли видные ученые и публицисты из славянских стран и земель. Сотрудничество славян предполагалось, прежде всего, в экономике и культуре. Для зарубежных неославистов была характерна ориентация на Россию, чувствовалась и некая антигерманская направленность движения, хотя в реальной политике это никак не проявилось³⁸.

Крамарж, позднее оценивая неославизм в работе «В защиту славянской политики», резко выступал против мнения Э. Бенеша о том, что это был просто компромисс между старым панславизмом и австрославизмом. Себя он считал противником австрославизма. Крамарж полагал, что ничего принципиально нового в неославизме не было, это была старая чешская славянская программа, которую пытались реализовать в новых условиях.

В политическом плане неославизм предполагал не только сближение Австрии и России, но и использование новой обстановки, после создания в Российской империи Государственной Думы, для внутренней организации славянства. Его целью было примирение «извечных врагов — русских и поляков», создание из славян реальной силы, которая бы имела большое значение в политическом развитии Австрии и России, и стала бы защитой от пангерманизма³⁹.

³⁷ *Ненашева З.С.* Указ. соч. С. 131.

³⁸ Там же. С. 133.

³⁹ *Kramář K.* Na obranu slovanské politiky. Praha, 1926. S. 15–16.

Крамарж, считая себя «отцом неославизма»⁴⁰, резко выступал против того, чтобы ставить на одну доску панславизм и пангерманизм. Между ними, по его словам, было принципиальное различие. Если панславизм предполагал освобождение угнетенных и несвободных народов, их объединение, то пангерманизм — объединение свободных немцев для угнетения не немцев. Он также подчеркивал мысль, что труды Н.Я. Данилевского, Р.А. Фадеева, К.Н. Леонтьева не диктовались сверху, не были тождественны официальным доктринам, а отражали лишь их собственную, личную точку зрения. «Славянство для нас, — писал Крамарж, — никогда не имело агрессивных целей, даже в политической программе. Это защита от германизма и мадьяризации, гарантия европейского мира»⁴¹. Эти положения Крамаржа достаточно близки мыслям министра иностранных дел (1910–1916) С.Д. Сазонова⁴², который писал, что идея славизма, как культурно-национального самоопределения славянских народов, была превратно воспринята на Западе, окрестившем ее словом «панславизм». Реального значения это понятие, с его точки зрения, никогда не имело, так как не обозначало никакого политически объединительного движения и «было придумано с целью устрашения западно-европейского общественного

⁴⁰ Новое время. 1910. 6 декабря.

⁴¹ *Kramář K. Na obranu slovanské politiky....* S. 7–11.

⁴² Сазонов Сергей Дмитриевич (1860–1927) — дипломат. С 1883 г. на службе в МИДе. С 1888 по 1909 г. служил в заграничных посольствах и миссиях: секретарем посольства, советником и поверенным в Великобритании, чрезвычайным и полномочным послом в Ватикане, посланником в США. В 1909–1910 гг. товарищ министра, а в 1910–1916 гг. министр иностранных дел России. В 1917 г. полномочный посол Временного правительства в Великобритании. После Октябрьского переворота 1917 г. был министром иностранных дел у А.В. Колчака, членом Особого совещания у А.И. Деникина. С 1920 г. в эмиграции.

мнения призраком славянской опасности»⁴³. И в этом отношении, как он считал, «панславизм» удачно выполнил свое назначение»⁴⁴. Пугало панславизма широко использовалось в германской печати, чтобы создать в европейском общественном мнении противовес пангерманской агитации.

Д.Н. Вергун считал, что поражение России на Дальнем Востоке (в русско-японской войне. — *Е.С.*) привело к значительному ослаблению славянского движения. В этих условиях «на сцену выступил “неославизм”, являющий собой движение отнюдь не политическое»⁴⁵. Оно стояло на принципе неизменности существующих государственных границ и стремилось к взаимному сближению славян на экономической и «литературно-художественной почве». Неославизм понимался и как синтез славянофильского и западнического направлений вместе с признанием австро-венгерскими и балканскими славянами первенствующей и руководящей роли России в славянском сотрудничестве⁴⁶. В основе его лежала одна совершенно бесспорная идея племенного единства, территориальной смежности и вытекавшей отсюда солидарности интересов⁴⁷.

Профессор Военно-Юридической академии генерал В.М. Володимиров в статье «Неославизм и австрославянство» полагал, что австрославизм — это стремление реализовать славянскую идею в пределах Австро-Венгрии, перестроить ее государственный организм на началах федерации, достичь политического согласия с другими народностями. Австрославизм для Володимирова являлся славянофильством, вернее неославизмом, в пределах Австро-Венгрии. Он заявлял: «Ни мы, ни славяне не готовы к разрушению

⁴³ Сазонов С.Д. Воспоминания. М., 1991. С. 334.

⁴⁴ Там же. С. 335.

⁴⁵ АВПРИ. Ф. 151. 1910–1911. Оп. 482. Д. 3418. Л. 45.

⁴⁶ См.: Новое время. 1908. 13 (26) октября.

⁴⁷ Новое время. 1909. 28 апреля (12 мая).

Австрии, политическому освобождению и самоопределению славян»⁴⁸. Он объяснял это так: «Как ни велики успехи, достигнутые отдельными славянскими народностями в Австрии, эти народности все еще находятся в периоде сложения или образования будущей силы. Им предстоит еще слиться в большие государственные единицы, закрепить это слияние внутри себя и завершить объединением всех групп вместе. Но этот объединительный процесс займет весьма продолжительное время. Он может идти быстрее, если приобретет в нас сочувствие, опору и поддержку. Но мы сами очутились в том же периоде сложения сил, как и они (Едва ли в силах оказать поддержку прямо сейчас)». Именно поэтому, как он думал, славянский вопрос русскими и зарубежными неославистами и был поставлен на «единственно для него возможную в современных условиях» почву культурного, а не политического сотрудничества. Задачей ближайших дней Володимиров считал «всестороннее культурное сближение и объединение на почве науки, литературы, искусства и экономических отношений, всестороннее взаимное друг с другом ознакомление путем постоянных и непрерывных сношений; всестороннюю культурную взаимную поддержку, помощь и содействие; непрерывный ряд личных знакомств и групповых общений, лекции, беседы, конференции и съезды, как средство выяснения основ нашего духовного единения». Все это «под руководством общего, центрального органа» должно было, по его мысли, подготовить почву для «дружного стремления всех и к единению политическому и выработке его форм». Следовательно, культурно-экономическая программа неославизма частью его приверженцев трактовалась лишь как подготовительный этап для политического единства.

В другой статье, посвященной тем же сюжетам, Володимиров писал: «В настоящее время на нас сосредоточены все надежды славянского мира; но, раз-

⁴⁸ ГА РФ. Ф. 541. Оп. 1. Д. 28. Л. 11.

меется, если мы безумием или роковыми ошибками нашей внешней и внутренней политики не оправдаем этих надежд, — симпатии славян к России заменим, по собственному неразумию, равнодушием, отвращением и даже ненавистью к нам, что вполне возможно, то славянству, конечно, придется искать других путей для обеспечения своей будущности, — вне России и без России»⁴⁹. Чтобы не допустить подобного, России необходимо было, по его мнению, стать просвещенным, культурным государством, ничем не уступающим другим европейским странам. «В своем государственном и общественном устройстве мы должны опереться на все виды свобод... предусмотрительно обеспечить и свое и славянское будущее крепкими союзами ... развивать... наши непрерывные сношения со всеми славянскими народами в свободных формах равенства и братства...», — отмечал он. Эта точка зрения бурно обсуждалась на собрании Славянского благотворительного общества в Петербурге, закончившемся после двух часов ночи.

Володимиров называл четыре фактора, способствовавших возникновению неославизма: угроза со стороны усиливавшейся Германии, временное ослабление России, ее новое государственное устройство и быстрый культурный рост австрийских славян. По его мнению, политический союз всех славянских государств как равноправных членов был необходим против немецко-австрийского засилья, против лозунга «Drang nach Osten». Но для того, чтобы эта борьба была успешной, надо, прежде всего, решить наболевший польский вопрос, который чинил России повсюду препоны и являлся «одним из существенных факторов и при возникновении австрославизма»⁵⁰. Открытое недружелюбие австрославистов, мечтавших о «европейской Славии», к России, которая, по их мнению, должна была стать «Славией азиатской», по отделении

⁴⁹ ГА РФ. Ф. 541. Оп. 1. Д. 28. Л. 13.

⁵⁰ Там же.

Малороссии и Польши, Володимиров объяснял исключительно большей культурностью австрославян. При этом он надеялся, что, когда Россия в культурном отношении сравнится с ними, это недружелюбие исчезнет само собой.

Ю.Н. Милютин австрославизм понимал как стремление Австрии подчинить себе тех славян, которые еще не подчинены ей. Это мнение разделяло большинство участвовавших в дискуссии: А.А. Башмаков, Н.Н. Львов, В.М. Красовский, П.А. Кулаковский, В.А. Маклаков, а также П.А. Ровинский и Д.Н. Вергун. По словам Красовского, австрославизм представлял собой полную антитезу всей славянской идеи. Интересно, что дискуссия о сущности неославизма велась спустя почти год после того, как прошел первый славянский съезд в Праге.

Крамарж приветствовал новый поворот в русском общественном мнении, он собирался достичь славянского единения и общности на основах равноправия и при этом подчеркивал: «Современное славянство не хочет менять карты Европы; оно не жаждет политических добыч; оно не направлено против какого бы то ни было государства; оно, напротив, желает лишь объединения славянства; хочет примирить тех, которые до сих пор были жестокими противниками; желает внушить всем славянам, без исключения, сознание родственной связи и необходимости культурного единства; оно желает дать всем свободу развития собственной народности и самосознания; укрепить веру в славянскую будущность и этим нравственным подъемом создать несокрушимую преграду для всякого, кто захотел бы посягнуть на существование какого бы то ни было славянского народа»⁵¹.

Идея проведения славянского съезда возникла в России в 1907 г. в связи с инициативой магистра гражданского права А.А. Борзенко из Одессы. Он обратился к премьер-министру с обещанием предоставить 100 тыс.

⁵¹ Archiv národního muzea (ANM). F. 2. K. Kramář. Kart. 102.

рублей для проведения подобного мероприятия. Ответ П.А. Столыпина от 30 июня 1907 г. звучал достаточно осторожно: «Принося душевную признательность за готовность вашу пожертвовать капитал для устройства с процентов от него съездов славян в России, имею честь уведомить вас, что жертва ваша может быть принята министерством внутренних дел во всякое время, причем капитал, названный вашим именем, будет храниться в Государственном банке на предмет устройства в удобное к тому время славянским обществом или каким-либо частным учреждением общеславянских съездов в России с культурно-благотворительной целью⁵²». Однако позднее Борзенко, вероятно, опасаясь произвольного толкования «удобного» времени и места проведения съезда, капитал свой не внес. В начале ноября письмо о необходимости проведения славянского съезда в России было направлено Борзенко и в адрес Клуба общественных деятелей (КОД). Предложение было рассмотрено и принято. Совет клуба постановил известить Борзенко о готовности взять на себя организацию общеславянских съездов при условии, что они будут ставить исключительно культурно-просветительные задачи, не носить никакой политической окраски и будут свободны от какого-либо прямого или косвенного участия правительства⁵³.

6 марта 1908 г. Д.Н. Вергун выступил с проектом съезда в КОДе, объединявшем октябристов, мирно-обновленцев и торгово-промышленную партию. На мероприятии присутствовали многие члены Государственной Думы и Государственного Совета. Доклад вызвал оживленные прения с участием В.М. Володиминова, бывшего министра торговли М.М. Федорова, члена Государственного Совета М.М. Ковалевского, Ю.Н. Милютин и А.А. Башмакова.

⁵² Новое время. 1908. 8 (21) марта. См. также: АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3417. Л. 41.

⁵³ Там же. Л.43, 44.

Проведение съезда было поддержано в основном партиями центра. Левые считали его отвлекающим маневром, уводящим от решения внутренних российских вопросов, правые высказывались о нем, как о желании правительства путем общения со славянскими деятелями укрепить представительский строй⁵⁴. Вергун отметил, что у австрийских славян мысль о проведении съезда была воспринята с одобрением. Но они выдвинули определенные принципы: неофициальность, беспартийность, исключение политики и присутствие представителей всех славянских народностей (включая поляков). Участвовавший в прениях по докладу Володимиров предлагал устроить «Всеславянскую лигу» с целью культурного общения славян. Он считал, что Славянское благотворительное общество потеряло нравственное право созывать съезды, так как формула, на которой оно основывало свою деятельность — православие, самодержавие, народность — отжила свое время. Он предлагал новые лозунги «свобода, равенство, братство и единение». Володимиров высказал мысль о безотлагательности съезда. М.М. Федоров выступил с предложением основать «неославянское общество», которое бы занялось устройством съезда. Залог успеха, по его мнению, состоял в улаживании русско-польских отношений. М.М. Ковалевский настаивал на организации кружка сочувствующих славянскому съезду депутатов Государственной Думы и Государственного Совета. Однако предостерегал от того, чтобы придавать этому культурному начинанию политический характер. Профессор И.П. Филевич высказался за урегулирование русско-польских отношений и подчинение их общеславянским интересам. Некто Степаненко, командированный из Харькова Украинской Громадой, заявил о необходимости участия украинских (галицийских) депутатов венского парламента. По поводу последнего заявления Вергун дал разъяснения, что К. Крамарж приглашал украинцев

⁵⁴ ГА РФ. Ф. 541. Оп. 1. Д. 28. Л. 13.

принять участие в совещании о славянском съезде, на что они в своем печатном органе «Дило» ответили, что не хотят иметь ничего общего ни с какими славянскими начинаниями⁵⁵.

Обсуждение вопроса о съезде вылилось на страницы печати. И. Филевич писал, что «сомнения в подготовленности почвы для общеславянского съезда едва ли могут иметь место»⁵⁶. В обсуждение вопроса о проведении съезда включились и зарубежные славяне. Хорватский депутат венского парламента А.А. Тресич-Павичич упрекал мецената Борзенко за обращение к председателю Совета министров, считая неуместным требовать от официальной России, чтобы она встала во главе движения. Он считал это делом славянской общественности. Правда, обращал внимание на то, что в России существует только благотворительное и вспомогательное славянское общество, но нет культурно-просветительного. Не существовало и всеславянского культурного общества. «Где же тут говорить о политике? — восклицал он, — До этого нам еще далеко»⁵⁷. Он также считал своевременным проведение съезда, так как поражение России в русско-японской войне поколебало у многих веру в силу и мощь славянства. Тресич-Павичич предлагал ограничить программу предстоящего съезда взаимным знакомством и вопросами культурного сотрудничества славян, которых и так накопилось столько, что съезд можно было бы сделать постоянным. «Что касается политики, то ее необходимо исключить из заседаний съезда»⁵⁸, — категорически заявлял он.

В конце марта Санкт-Петербургская Городская Дума решила послать своего гласного в Прагу с подношением подарков за гостеприимство, оказанное чехами ее делегатам, отправленным на сокольский

⁵⁵ ГА РФ. Ф. 541. Оп. 1. Д. 20. Л. 40.

⁵⁶ Новое время. 1908. 9 (22) марта.

⁵⁷ Новое время. 1908. 13 (28) марта.

⁵⁸ Там же.

слет в 1907 г. Клуб общественных деятелей (КОД), пользуясь случаем, поручил думскому гласному и своему члену В.М. Володимирову вступить в переговоры со славянскими деятелями в Австрии на предмет места и времени проведения славянского съезда⁵⁹. Сначала было решено провести небольшой организационный съезд, на котором рассмотреть план большого съезда⁶⁰.

Одновременно с письмом к Столыпину Борзенко направил аналогичные письма и депутатам австрийского парламента Крамаржу, Маркову и Грибару. Марков, депутат из восточной Галиции, думая, что необходимо ответить Борзенко, созвал собрание славянских депутатов рейхрата. Крамарж как председатель клуба славянских депутатов выступил с докладом, в котором впервые сформулировал программу нового славянского движения, предусматривавшую разрыв со старым «славянством», базировавшемся на принципах самодержавия, православия и народности и строительство новых отношений между славянами. Программа была единодушно поддержана всеми славянскими депутатами⁶¹.

На очередном заседании славянских депутатов 10 апреля 1908 г. было сделано специальное заявление о том, что «стремления славян вращаются на почве существующих ныне государственных организмов»⁶². В славянский комитет, призванный вести переговоры по созыву съезда, вошли три депутата австрийского парламента: председатель чешского клуба К. Крамарж, вице-председатель южно-славянского клуба И. Грибар и секретарь галицко-русского клуба Н.П. Глебовицкий. В мае эти деятели посетили Петербург.

Распорядительная комиссия КОД, в составе Ю.Н. Милютин, Е.М. Дементьева, А.А. Столыпина,

⁵⁹ Новое время. 1908. 31 марта (13 апреля).

⁶⁰ Новое время. 1907. 17 (30) декабря.

⁶¹ *Kramář K. Pět přednášek o zahraniční politice. Praha, 1922. S.27.*

⁶² Новое время. 1908. 2 (15) апреля.

Л.К. Дымши, В.М. Володимирова и Д.Н. Вергуна, составила специальную программу пребывания в российской столице славянских депутатов⁶³. Был образован новый Комитет славянской взаимности, поставивший своей задачей более основательное ознакомление широких слоев общества с положением западных и южных славян «при полном уважении прав каждого славянского народа»⁶⁴. В российской прессе подчеркивалось, что «пребыванию этих депутатов в нашей столице не следует придавать неправильного значения»⁶⁵. И далее сообщалось, что они едут в Петербург с единственной целью ознакомиться с новыми славянскими веяниями в русском обществе и никаких скрытых целей, особенно политических, не преследуют. Их задачей было договориться о приезде летом в Прагу на юбилейную выставку в честь 60-летия первого славянского съезда 15 русских деятелей для встречи с представителями чехов, поляков и южных славян и обсуждения вопроса о будущих славянских съездах в России. Эти разъяснения и оговорки, как со стороны австрийских славян, так и русских, были не случайны. Приезд в Петербург славянских депутатов вызвал негативную реакцию не только в немецкой печати Австрии, но и немецкой периодике, издающейся в Петербурге. В связи с этим А.А. Столыпин вынужден был давать разъяснения: «Ни в действиях нашего общества, ни в поведении славянских деятелей не было ничего враждебного по отношению к Германии и к ее культуре... Я не хотел бы, чтобы немцы могли в самом росте и укреплении славянства усматривать непременно и обязательно ущерб для себя. Стремление к развитию, стремление к благоденствию только узкими умами должно рассматриваться, как обязательная

⁶³ Новое время. 1908. 10 (23) мая.

⁶⁴ Новое время. 1908. 12 (25) мая.

⁶⁵ Новое время. 1908. 10 (23) мая.

конкуренция, как непременная борьба за существование»⁶⁶.

В день приезда славянских гостей И. Филевич опубликовал статью под названием «Славянские заметки»⁶⁷. По его мнению, и старое, и новое славянофильство — только отдельные стадии одной и той же идеи общеславянского национального единения. Еще одна трактовка неославизма свидетельствовала о том, что его цели и программные установки не были четко сформулированы, находились в процессе обсуждения и понимались совершенно по-разному.

Каждый день пребывания славянских гостей широко освещался в газетах. 13 мая они прибыли в Петербург, и были тепло встречены. От Клуба общественных деятелей гостей на вокзале приветствовал его председатель и член Государственного совета М.В. Красовский со старшинами совета клуба Е.М. Дементьевым и А.А. Ячевским и членами клуба В.М. Володимировым и Д.Н. Вергуном. От городской думы явился Ю.Н. Милютин с несколькими гласными. На вокзале было много чехов и южных славян, живших в Петербурге⁶⁸.

Славянские деятели осмотрели столицу и окрестности, присутствовали на богослужениях и концертах, посещали выставки, а главное, беседовали с представителями разных русских общественных течений. Они встречались с людьми, интересующимися славянским вопросом, из разных партий и групп Государственной Думы и Государственного Совета, с представителями земства, науки и печати, а также славянских колоний в Петербурге. Крамарж вспоминал, что общались они в основном с конституционными кругами, умеренно правыми, центром, октябристами и кадетами, среди

⁶⁶ Новое время. 1908. 14 (27) мая.

⁶⁷ Новое время. 1908. 13 (26) мая.

⁶⁸ Новое время. 1908. 13 (26) мая.

которых были Маклаков, Н.Н. Львов, Милюков и Родичев⁶⁹.

В программу пребывания славянских депутатов были включены визиты к председателю Государственной Думы Н.А. Хомякову, австро-венгерскому послу, председателю Государственного Совета М.Г. Акимову, городскому голове. На вечере в городской думе выступал премьер-министр П.А. Столыпин.

В ходе деловых заседаний в КОДе И.Ф. Грибар внес предложение о создании славянского банка и о посылке русских крестьян в наиболее культурные славянские земли для ознакомления с современными приемами земледелия. Князь Н.Н. Трубецкой выступил с планом устройства в 1910 г. всеславянской выставки в Москве. В дискуссии активное участие принял Крамарж. Выставку, по его мнению, нужно было устроить в самых широких размерах и преследовать «не фольклористские цели, но задачи широкого торгового обмена и привлечь самые крупные славянские и русские торгово-промышленные предприятия»⁷⁰. Крамарж полагал, что Славянский банк необходим как противодействие Deutsche Bank на Балканах и как поддержка местной промышленности и торговли в славянских странах. Посылку русских крестьян в западнославянские земли Крамарж называл делом первостепенной важности, так как подъем земледелия в России был необходим. Кроме того, чешский депутат выразил живейшую заинтересованность в открытии в Праге российского консульства, так как его отсутствие крайне затрудняло торговые отношения Чешских земель, дававших около 70% всего австрийского экспорта, с Россией. В обсуждении этих вопросов принимали участие М.М. Федоров, М.В. Красовский, А.И. Шингарев, Е.Е. Добецкий, Д.Н. Вергун, П.Н. Милюков, В.П. Сватковский, Г.И. Свенцицкий.

⁶⁹ *Kramář K. Pět přednášek o zahraniční politice. S.27–28.*

⁷⁰ Новое время. 1908. 17 (30) мая.

На совещании в редакции газеты «Слово» Крамарж предложил учредить славянское телеграфное агентство и осведомительное бюро. На четвертом последнем заседании в КОДе ставились вопросы о распространении русской книги за границей, о создании бюро славянской печати, участии русских журналистов в съездах славянских журналистов Австрии, развитии сокольского движения в России, созыве съездов славянских певческих обществ, обмене молодежными делегациями для взаимного ознакомления, дальнейшем расширении системы изучения русского языка. Для распространения русского языка в славянских землях Крамарж предлагал воспользоваться предстоящей реформой средней школы в Австрии и стремиться ввести изучение вместо греческого какого-либо славянского языка, особенно русского. Вместе с тем в российских школах, по мнению чешского политика, также необходимо большее внимание уделять изучению славянской истории и географии, «вытеснить немецкие названия славянских местностей и городов»⁷¹.

Участники заседания договорились также провести в Праге подготовительный славянский съезд. Его созыв был намечен на 29 июня 1908 г. Всеславянскую московскую выставку было решено не откладывать далее 1911 г. В заключительной речи Крамарж уведомил о своих планах на обратном пути задержаться на день в Варшаве, чтобы информировать польских коллег о принятых в Петербурге решениях.

Общая оценка совещаний в Петербурге, судя по российской прессе, также была весьма высока. В газетах отмечалось что «дни славянского единения... — суть дни огромного прибавления нашего веса на международных политических и культурных весах»⁷². Там же говорилось, что подобные встречи имеют большую объединяющую силу, смягчают разногласия между отдельными славянскими национальностями, в частности,

⁷¹ Новое время. 1908. 18 (31) мая.

⁷² Новое время. 1908. 17 (30) мая.

русскими и поляками. Высказывалась мысль о том, насколько незаменимо личное общение представителей разных народов для более глубокого знакомства и понимания. Цель подобных встреч — славянское единство — рассматривалась как несколько идеалистическая, но положительная и благородная мечта и надежда, «которой не может не сочувствовать ни один добрый и разумный человек»⁷³.

Среди всех этих прекрасных слов и положительных характеристик в адрес состоявшейся встречи раздавались и более трезвые и критические нотки. Так, М.О. Меньшиков в статье «Славянский союз» писал, что единства в славянстве еще нет. Более всего угнетает славянство внутренний раздор, «похожий на распрю родных братьев, не умеющих поделить наследства»⁷⁴. Он продолжал: «Спорят (из-за Македонии) болгары с сербами, хорваты католики — с православными, словаки с чехами, украинофилы — с русскими. Но всего скандальнее в славянстве и всего пагубнее — это жестокий польско-русский спор. Он стоил для крупнейших представителей славянства кровопролитных битв, разорения, взрыва ненависти и неисчислимых несчастий... Не будь устрашающего и отталкивающего от России нашего захвата Польши, славянский вопрос был бы давно решен». Меньшиков считал, что «захватив Польшу, и хуже того, разорвав ее на части в союзе с злейшими врагами славянства немцами, Россия надолго, если не навсегда, заставила отшатнуться от нее западно-славянских братьев». В отношении польского вопроса он стоял за автономию Польши, если нереальна ее полная независимость, и вообще за «возможно полное удаление инородцев на их собственные территории». Размышляя о единстве славян, он указывал: «Близкие по крови и по языку, нынешние славяне чувствуют себя не одною нацией, а совершенно отдельными племенами. Проникая друг

⁷³ Новое время. 1908. 17 (30) мая.

⁷⁴ Новое время. 1908. 11 (24) мая.

в друга, они вносят не единение, а раздельность... Допустимо, что в одно столетие полной независимости славяне перезнакомятся, примирятся, полюбят друг друга, приучатся к взаимному уважению и воспитают в себе сверх патриотическое, именно славянское чувство, но теперь его пока нет. Даже если бы вдруг оно явилось, понятия *славянин* и *русский* едва ли бы всегда совпали». Автор полагал необходимым уважать свою и всякую другую национальность, не допускать никакого засилья между славянами — ни военного, ни мирного, не предъявлять претензий на культурное первенство. «Будем крепко держаться своих вкусов, не навязывая их другим», — предлагал он. Меньшиков предостерегал против преувеличений, чтобы не «переборщить» и не вышла бы фальшь. В заключение публицист подчеркивал, что у славян была общая древность, которая еще сохранилась в языках и народном быте, но это уже давно забытое прошлое, и лишь «упорная и отважная» работа может привести к сближению.

В связи с этим он ставил и задачи славянского движения. Ближайшей из них Меньшиков считал организацию народного труда, повышение его производительности на основе новейших знаний. Чехи, по его мнению, первыми это поняли и потому являются «застрельщиками культурного славянского союза». Сравнивая чехов с немцами, автор указывал, что чехи доказали не меньшие способности славянского племени к культурной работе. Он отмечал: «Чешский метод — тот же самый, что у немцев: приобретение и бережливость»⁷⁵. Бороться за необходимые условия культурной работы и пользоваться ее результатами — вот в чем состояла суть программы мирного славянского движения. Но это еще не было решением славянского вопроса — «отдаваясь мирной и культурной работе, необходимо помнить, что это лишь половина задачи: приобретение. Для второй половины, охраны

⁷⁵ Новое время. 1908. 11 (24) мая.

приобретенного, нужен меч». В этом смысле его понимание неославизма, культурно-экономического сотрудничества славян, как первого этапа решения славянской проблемы, было близко к идеям Володимирова.

Но для этого надо было решить польский вопрос, примирить русских и поляков, иначе австрийские поляки назло России и дальше шли бы вместе с немцами против славянского большинства. Именно такова была славянская комбинация последних лет. Польско-русское примирение было одной из целей визита славянских делегатов в Петербург и планируемого славянского съезда. Меньшиков спрашивал, можно ли сочувствовать такой программе, и отвечал — да. Но при этом писал, что лично он в ее успех не верит.

Вопреки многим уверениям, Меньшиков считал, что приезд славян имел политические задачи; «он представлен был политиками, для которых говорить все начистоту было бы верхом наивности»⁷⁶. Он не был согласен с Милюковым, что неославянство совсем отлично от старого славянства, и с Крамаржем, который заявил, что их приезд стал возможен лишь в конституционной России. Последнему он напомнил, что «не менее почтенное представительство славян приезжало в Москву 40 лет тому назад»⁷⁷.

Прошедшие в С.-Петербурге совещания дали импульс к дальнейшему развитию межславянских

⁷⁶ Новое время. 1908. 11 (24) мая.

⁷⁷ Речь шла о приезде славянских делегатов на Всероссийскую этнографическую выставку в апреле 1867 г. Всего тогда в Россию прибыло около 80 человек, из них чешская делегация была самая представительная (27 участников) и включала ведущих чешских политиков, деятелей науки, культуры, таких как Ф. Палацкий, Р.Ф. Ригер, Ю. Грегр, К.Я. Эрбен, А. Патера, Й. Коларж, Г. Манес и др. Подробнее см.: *Досталь М.Ю.* Славянский съезд 1867 г. в С.-Петербурге и Москве. // *Славянское движение XIX–XX веков: съезды, конгрессы, совещания, манифесты, обращения.* М., 1998. С. 95–120.

связей. В конце мая 1908 г. в Праге открылся IV съезд славянских врачей и естествоиспытателей, в котором участвовали представители из России во главе с профессором Санкт-Петербургской военно-медицинской академии Д.О. Отто⁷⁸. В июне там же открылся конгресс славянских студентов, в котором также приняли участие русские делегаты⁷⁹.

В столице России возобновил заседания комитет по устройству всеславянской выставки, начавший свою работу еще в 1903 г.⁸⁰ В КОДе состоялось первое общее собрание учрежденного 39 известными деятелями во главе с Н.А. Хомяковым⁸¹, бароном П.Л. Корфом⁸² и Ю.Н. Милютиным Комитета славянской взаимности. Его цели заключались в объединении людей без различия политических взглядов, признающих необходимость славянского сближения на основе уважения и равенства, и распространении славянской идеи, содействии взаимному знакомству и тесным сношениям между славянами. Комитет насчитывал 183 члена. В его правление были избраны: Н.А. Хомяков, Н.Н. Львов, В.А. Маклаков, М.В. Красовский, Н.П. Кондаков, Ю.Н. Милютин, С.Н. Шидловский,

⁷⁸ Новое время. 1908. 29 мая (11 июня).

⁷⁹ Новое время. 1908. 13 (26) июня.

⁸⁰ Новое время. 1908. 8 (21) июня.

⁸¹ Хомяков Николай Алексеевич (1850–1925) — сын писателя, публициста, поэта-славянофила А.С. Хомякова, юрист по образованию, смоленский губернский предводитель дворянства, участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В 1896–1902 гг. директор департамента земледелия Министерства земледелия и государственных имуществ. Член Государственного Совета в 1906, депутат Государственной Думы 2-го — 4-го созывов. Октябрист. Действительный статский советник.

⁸² Корф Павел Леопольдович (1837–1913) — земский деятель, директор Общества освещения газом Петербурга, гласный Петербургского губернского земского собрания, товарищ председателя ЦК Союза 17 октября. Член Государственного Совета, действительный статский советник.

В.М. Петрово-Соловово, граф В.Э. Олизар, К.Я. Грот⁸³.

Славянская печать активно включилась в обсуждение программы съезда. Однако у части славянского лагеря в России чувствовался определенный скепсис в отношении деловой основы предложенного чехами сотрудничества. Газета «Новое время» опубликовала фельетон под названием «Рудинское славянофильство», подписанный псевдонимом Кассий. Автор его писал: «Беда в том, что сами-то мы народ совсем не деловой, а в огромном большинстве случаев чиновный, и уже по одному этому едва ли способны объединяться с кем-либо в практических делах... Наше славянофильство всегда было самым отвлеченно идеалистическим, и переводить его на практическую почву значит идти против самой его природы»⁸⁴. Финансовое, торговое, промышленное единение так же, как и объединение журналистов, по мнению автора, вряд ли могло бы стать «славянским» ввиду неславянского состава большинства правлений российских банков, редакций печатных изданий, коммерческих фирм. «Раньше, чем быть участниками общеславянской промышленности и торговли, необходимо завести в России русскую промышленность и торговлю...», — отмечал он. Если зарубежные славяне давно уже стали на путь «практической национальной самостоятельности», то российские люди находятся «в эмпиреях», и во всех попытках общеславянского единения на деловой почве могут принимать участие разве только «горячим платоническим сочувствием». Едко подметивший непрактичность российских поборников славянского движения, автор заключал: «Вот всеславянские певческие съезды и многоглаголивые собрания для обсуждения великого мирового призвания славянской расы, это — наше дело. Мы с удовольствием поедем в злату Прагу пропеть с друзьями “Шуми Марица” и с большим ораторским подъемом скажем на

⁸³ Новое время. 1908. 13 (26) июня.

⁸⁴ Новое время. 1908. 14 (28) июня.

прощание пламенную речь».

Между тем в петербургском КОДе готовили делегацию в Прагу. Ее членами должны были стать М.В. Красовский, В.М. Петрово-Соловово⁸⁵, М.А. Искрицкий, В.М. Маклаков, Н.Н. Львов, граф В.А. Бобринский, А.С. Гижицкий, В.М. Володимиров, И.П. Филевич, М.М. Федоров, В.П. Сватковский. От Славянского благотворительного общества в делегацию направлялся его секретарь В.Н. Кораблев, кандидатом от КОДа был намечен Е.М. Дементьев, от печати — Г.В. Комаров. Некоторые финансовые учреждения посылали в Прагу своих собственных делегатов. От клуба экономистов делегатом был назначен Н.Н. Волков, от Волжско-Камского коммерческого банка — Ф.Я. Гей, от торгово-промышленного съезда было два альтернативных кандидата — Н.С. Авдаков или сахарозаводчик граф А. Бобринский. Русские делегаты договорились об общей платформе: не обсуждать в Праге русско-польские отношения и твердо стоять на принципе культурно-национального единства всех ветвей русского народа.

29 июня 1908 г. в воскресенье начался съезд славянских депутатов в Праге. А. Столыпин, отдыхавший в то время в Франтишковых Лазнях, получил приглашение посетить Прагу в дни главных торжеств, а затем подробно описал в репортажах для российской прессы работу съезда⁸⁶.

Открыл славянский съезд, на котором присутствовали 70 делегатов славянских народов, Крамарж. Объединившаяся делегация Российской империи и Галицкой Руси состояла из 27 представителей. Председателем ее стал Красовский, его товарищами Маклаков и Дудыкевич (галицко-русский депутат львовского

⁸⁵ Петрово-Соловово Василий Михайлович, депутат Тамбовской губернии, октябрист, в III-й Думе видный руководитель партии центра, известный земский деятель, неожиданно скончался 23 июня (6 июля) 1908 г.

⁸⁶ Новое время. 1908. 30 июня (13 июля).

сейма), секретарями — Глебовицкий, Вергун, Комаров.

Крамарж был избран председателем съезда. Вице-председателями и секретарями стали представители каждой национальности. Доклады чехов Черны и Прейса были посвящены развитию туризма и организации славянской выставки в Москве. Несколько дней шли оживленные дебаты о банке, выставке, славянском телеграфном агентстве и союзе славянских журналистов, сокольстве, устройстве славянской книжной биржи. Затем был избран исполнительный комитет для осуществления постановлений съезда.

Маклаков, Львов, Искрицкий, Гижицкий и граф Бобринский в сокольских нарядах участвовали в гимнастических упражнениях, вызвав восторг публики⁸⁷.

Славянские делегаты посетили Ольшанское кладбище, где были отслужены панихиды у памятника павшим в сражениях при Дрездене и Кульме в 1813 г. русским офицерам, а затем у могил Я. Коллара и Ф. Палацкого⁸⁸. На могилы были возложены венки.

В предпоследний день русские делегаты посетили православную церковь, где был отслужен молебен. Настоятель Рыжков благодарил за начало дела славянского единения. Некоторые из присутствовавших русских делегатов вместе с галицкими униатами и болгарями стали на клирос и составили хор⁸⁹.

Затем некоторые русские делегаты присутствовали на большом митинге рабочих, устроенном В. Клофачем в народном доме на Виноградах. А. Столыпин писал, что Клофач «действительно выдающийся народный трибун», что такой рабочей толпы он не видел в России и не мечтал о таком «социализме»⁹⁰.

По результатам съезда была единодушно принята

⁸⁷ Новое время. 1908. 4 (17) июля.

⁸⁸ Новое время. 1908. 6 (19) июля.

⁸⁹ Новое время. 1908. 12 (25) июля.

⁹⁰ Там же.

резолуция, предложенная русской делегацией. Звучала она так: «Подготовительный съезд славянских делегатов признает жизненность и плодотворность идеи общеславянского единения и находит, что необходимое для этого прекращение несогласий между славянскими народами может быть достигнуто только всеобщим признанием и применением начал равноправности и свободного развития каждого народа, его национальных и культурных особенностей»⁹¹.

Участник съезда И.П. Филевич делился своими впечатлениями о его общей атмосфере, участниках и результатах. В серии статей «Славянские дни в Праге» он писал: «Для предварительного славянского съезда нельзя было выбрать места более подходящего, чем золотая Прага... в Праге действительно чувствуется славянская атмосфера»⁹². Он описывал приподнятость настроения и теплую встречу, устроенную пражанами гостям: «...На всем пространстве с вокзала до гостиницы улицы запружены народом, машут шляпами, платками, воздух оглашается громким, бодрым чешским “Na zdar!” (Приветствие. — Е.С.). По лицам, по этим приветам вы чувствуете, что в золотой Праге бьется золотое славянское сердце». В славянском съезде приняли участие славяне отовсюду кроме познаньских поляков, лужичан, венгерских словаков и украинцев. Если первые три группы не приехали в силу объективных обстоятельств, то об украинцах Филевич замечал: «Они сами не пожелали приехать, очевидно чувствуя, что нарушив общерусское единение, они таким образом не могут содействовать общеславянскому». В телеграмме украинского народного комитета, подписанной двумя парламентскими депутатами-радикалами К. Левицким и Л. Багинским, а также проф. М. Грушевским, отсутствие украинцев на съезде объяснялось участием в его работе Глебовицкого и его сторонников, обойденным в программе вопросом об

⁹¹ Новое время. 1908. 11 (24) мая.

⁹² Там же.

отношении украинцев к полякам и русским, а также тем, что в Прагу не приглашены белорусы. И, наконец, по причине того, что украинцы не признают славянской племенной солидарности, направленной против германизма⁹³.

Однако, несмотря на отсутствие представителей некоторых групп славян, корреспонденции из Праги в основном были весьма восторженными. Филевич писал, что «успех славянского съезда превзошел все ожидания», съезд стал «фактом крупного исторического значения», «русско-чешские связи закреплены неразрывно»⁹⁴. Пять дней шли общие («делегационные») и специальные совещания. Участники съезда могли выступать на своих родных языках, но в основном использовался чешский, русский и польский, резолюции переводились. Общее собрание утвердило дальнейший план культурной и экономической работы. В исполнительный комитет вошли два представителя от России, один — от Галиции, трое поляков, по одному представителю от других славянских народов, а кроме того, К. Крамарж «в качестве так сказать сверхславянина»⁹⁵.

Неославизм, провозглашенный еще в Петербурге, на Пражском съезде вылился в широкую программу реальных задач и практических работ. И. Филевич как участник съезда писал, что там были выдвинуты определенные задачи: организация книжного, газетного и торгового дела, банков, сокольства, туризма⁹⁶. Предполагалось их осуществление общими силами. Межславянское общение должно было охватить и широкие народные массы. Планировалось организовать посещение славянских земель крестьянами для ознакомления с земледелием, огородничеством, садоводством, виноградарством и прочими сельскохозяйственными

⁹³ Новое время. 1908. 11 (24) мая.

⁹⁴ Новое время. 1908. 10 (23) июля.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Новое время. 1909. 28 апреля.

культурами, а в заключение генеральный смотр на общеславянской выставке в Москве всего, что удалось сделать за это время. Значение съезда Филевич видел в том, что в Праге была разработана совершенно ясная и определенная программа неославизма⁹⁷.

Однако нерешенных проблем осталось еще много. А. Столыпин, подводя итоги съезда, отмечал: «Вопрос русско-польских отношений одинаково тормозит славянское дело в Праге, Софии и в Белграде, он одинаково живуч в Македонии и в Берлине, он является не только самодовлеющей и еще не устраненной помехой нашей внутренней политики, но долго еще будет служить сильным и не устаревшим оружием политики внешней, оружием, которым будут пользоваться чужие, не славянские руки»⁹⁸. Он подчеркивал, что идея славянского единения лишь начала прокладывать путь в сознании польского общества. Пока лишь одиночки поняли необходимость славянского единения, и требуется долгое время для его практического воплощения.

Большое впечатление на участников съезда оказало и знакомство с жизнью чешского народа. Особенно поразили русских делегатов демократизм чешского общества, организованность и трудолюбие чехов, их гостеприимство⁹⁹. Почти через год И. Филевич писал: «Я живо помню, как удивлены и поражены были многие из русских делегатов прошлогодного пражского съезда всем тем, что они увидели в Праге и особенно в чешской деревне. (После съезда русские представители совершили поездку по Чехии. — Е.С.). Перед ними открылся совершенно новый мир, нисколько не соответствовавший установившимся у нас обычным представлениям о наших славянских братьях. Ориентироваться в этих новых впечатлениях было

⁹⁷ Новое время. 1909. 28 апреля.

⁹⁸ Новое время. 1908. 19 июля (1 августа).

⁹⁹ См. опубликованные в газетах впечатления А. Столыпина, В. Бобринского и др.: Новое время. 1908. 14 (27) июля, 29 июля (11 августа), 12 (25) августа, 20 августа (2 сентября).

нелегко, и совершенно естественно, что в первую минуту русский человек ощущал в Праге некоторую растерянность, что к чувству радости от успехов чехов примешивалось горькое сознание нашей русской отсталости»¹⁰⁰.

В августе того же года заместителю министра иностранных дел А.П. Извольского Н.В. Чарыкову пришлось давать разъяснения на запрос премьер-министра о деятельности генерала Володиминова за границей. В запросе П.А. Столыпин, ссылаясь на сведения, полученные Петербургским телеграфным агентством, сообщал, что Володиминов участвовал в совещаниях со славянскими деятелями в Загребе, Праге и Вене, намеревался пригласить в Москву на всеславянский съезд словаков и южных славян, со славянской агитацией посетить Краков и Львов. Целью Володиминова, якобы, была организация всеславянской лиги с участием всех славян Австро-Венгрии и Балкан. П.А. Столыпин просил сообщить детали и дать объяснения относительно поездки Володиминова¹⁰¹. В ответе Чарыкова говорилось, что деятельность Володиминова связана с приездом в Санкт-Петербург чешского политического деятеля Крамаржа и господ Глебовицкого и Грибаря. Она является продолжением их начинаний в области более тесного сближения славянских народов на почве культурных и экономических интересов. Чарыков специально подчеркивал: «...Вверенное моему управлению министерство со своей стороны не может рассматривать деятельность генерала Володиминова иначе как проявление совершенно частной инициативы...»¹⁰².

Российский МИД отслеживал развитие нового славянского движения. В сентябре 1908 г. чиновник для особых поручений Е.П. Демидов докладывал Н.В. Чарыкову из Вены о том, как он выполняет задание

¹⁰⁰ Новое время. 1909. 29 апреля (12 мая).

¹⁰¹ АВПРИ. Ф.151. Оп. 482. Д. 3417. Л. 219.

¹⁰² Там же. Л. 221.

следить за всеми проявлениями неославизма. В центре его внимания были пражский славянский съезд и съезд славянских журналистов в Любляне (август 1908 г.), в котором принимали участие и русские журналисты. Демидов сообщал в Петербург, что во время пражского съезда его председатель д-р Крамарж «прекрасно» охарактеризовал новое движение и «очертил его границы»¹⁰³. В противоположность непрактичному, «вызывающему» панславизму 70-х годов XIX столетия, неославизм, по словам Демидова, ставил своей задачей более тесное, «никому не угрожающее, культурное и экономическое сближение разрозненных славянских племен», всякие же политические тенденции были исключены из программы неославизма.

Журналистский съезд занимался разработкой устава всеславянского союза журналистов, проектами славянской библиографии и общего печатного органа. По мнению мидовского чиновника, осуществление этих проектов зависело от сознания необходимости и взаимной пользы культурного единения славян, «сознания, находившегося еще в зачаточном состоянии»¹⁰⁴. И хотя оба съезда никак не затрагивали политических вопросов, прения отличались полной корректностью, однако, обострение чешско-немецких отношений и антинемецкие демонстрации в Любляне были приписаны духу панславизма, якобы, инспирированного съездами.

Делая заключение о неославизме, Демидов подчеркивал: «...Чуткость австрийского общественного мнения в этом деликатном вопросе, предостерегает нас от всякого преждевременного покровительства этому делу»¹⁰⁵. Он предупреждал: «...Всякая пропаганда общеславянской идеи в монархии — хотя бы чисто культурная или экономическая — может вовлечь нас в весьма нежелательные политические осложнения

¹⁰³ АВПРИ. Ф.151. Оп. 482. Д. 3417. Л. 71.

¹⁰⁴ Там же. Л. 72.

¹⁰⁵ Там же. Л. 74 об.

не только с Австрией, но и с ее могучей союзницей, Германией, и без того уже недружелюбно настроенной благодаря германофобскому тону нашей отечественной печати»¹⁰⁶.

Вскоре международная обстановка действительно резко изменилась. 24 сентября 1908 г. Вена официально объявила об аннексии Боснии и Герцеговины. Там по решению Берлинского конгресса 1878 г. присутствовали австрийская администрация и войска, но номинально эти провинции находились под юрисдикцией султана. Воспользовавшись младотурецкой революцией, Австро-Венгрия решилась на аннексию Боснии и Герцеговины как демонстрацию силы по отношению к Сербии, также претендовавшей на эти земли. 2–3 сентября в замке Бухлау произошла встреча министров иностранных дел России и Австро-Венгрии А.П. Извольского и А. Эренталя. При этом была достигнута устная договоренность о том, что Россия одобрит аннексию взамен на австрийскую поддержку открытия Черноморских проливов. Однако сроки объявления об аннексии и о пересмотре режима проливов оговорены не были. Извольский надеялся, что эти вопросы будут решены на международной конференции, однако Великобритания не поддержала позицию Извольского¹⁰⁷. После неожиданного объявления Веней аннексии и последовавших резких протестов Турции, Сербии и Черногории Россия решила воздержаться от ее признания. Разразился так называемый Боснийский кризис.

Отношение КОДа к аннексии выразил в конце октября председатель его совета М.В. Красовский. Он возражал против обвинений в адрес поборников славянского движения в подстрекательстве сербов и черногорцев к столкновению с Австро-Венгрией и вовлечении России в опасный конфликт. На заседании в КОДе он заявил: «Наши стремления и задачи вполне

¹⁰⁶ АВПРИ. Ф.151. Оп. 482. Д. 3417. Л.74 об.–75.

¹⁰⁷ История России XIX — начала XX века. М., 2000. С. 575–576.

миролюбивы и чужды шовинизма. Мы желаем культурного объединения славянских народностей, устранения вековых распрей, возможно тесного духовного и экономического общения между ними, но мы отнюдь не стремимся к образованию политического союза или лиги всех славянских народностей...»¹⁰⁸. Он полагал, что российское правительство должно точно и определенно указать Сербии и Черногории на необходимость соблюдать величайшую осторожность и полную сдержанность, «чтобы не навлечь на себя опасность утратить в непосильной борьбе те блага независимости и свободы, которые приобретены были 30 лет назад ценою громадных усилий и тяжких жертв со стороны России». Кроме того, предлагалось заявить Австро-Венгрии, что согласие России на аннексию будет зависеть от позиции всех держав, подписавших Берлинский трактат. Для выяснения этой позиции предполагалось созвать международную конференцию, полномочную решить этот вопрос.

Боснийский кризис привел к укреплению союза между Австро-Венгрией и Германией, оказавшей ей поддержку. Лидер неославистов Крамарж понял тщетность своих усилий на сближение Австрии с Россией. Однако он продолжал реализовывать программу, намеченную пражским съездом¹⁰⁹.

В России также предпринимались действия в духе пражского съезда. При комитете славянской взаимности под председательством М.В. Красовского был создан кружок русских и польских делегатов, участников пражского съезда, в который вошли 34 общественных деятеля. Члены кружка, депутаты Государственной Думы и Государственного Совета, образовали отдельную парламентскую фракцию. В ее состав вошли 14 человек, с русской стороны: М.В. Красовский, граф В.А. Бобринский, А.С. Гижицкий, И.С. Ключев, П.Г. Допельмайер, М.А. Искрицкий, Н.Н. Львов,

¹⁰⁸ ГА РФ. Ф. 541. Оп. 1. Д. 18. Л. 43.

¹⁰⁹ АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3417. Л. 102 об.

В.А. Маклаков; с польской граф И.Э. Олизар, граф Г.Р. Потоцкий, Р.В. Дмовский, Г.И. Свенцицкий, И.С. Монтвилл и И.В. Снержинский. Кружок ставил своей целью сближение русского и польского общества с западно- и южнославянской интеллигенцией.

Предполагалось устройство всеславянского бала, который должен был представлять собой «живую этнографию славянских народов». Дамы и господа обязаны были явиться на бал в национальных славянских костюмах, причем как исторических, так и современных. На балу должны были исполняться все славянские национальные танцы, не только известные в России, как польская мазурка, но и еще неизвестные, такие как «чешская беседа, моравский трояк, словацкий чардаш, хорватско-сербское коло, болгарское хоро и галицко-русская коломыйка»¹¹⁰. Предполагалось придерживаться на балу древнеславянского церемониала. Но даже такая, казалось бы, невинная забава трактовалась в немецкой печати как «пробудившийся панславизм»¹¹¹.

Неославизм в целом и Крамарж как один из самых видных его лидеров подвергались критике со всех сторон. На заседании венского парламента польский социал-демократ Дашинский критиковал политику Эренталя, объявившего об аннексии Боснии и Герцеговины. Одновременно он обвинил Крамаржа, что тот пригласил летом в Прагу А.А. Столыпина, якобы, для контроля над славянским съездом. По мнению польского депутата, неославизм был создан для служения русскому правительству и являлся возрождением старого панславизма¹¹².

В ответ Крамарж заявил, что его, совместный с Грибарем и Глебовицким, визит к П.А. Столыпину в Петербурге был жестом вежливости, а А.А. Столыпин вовсе не исполняет роль контрольного органа русского правительства, будучи независимым писателем и журналистом. Крамарж подчеркнул, что неославизм

¹¹⁰ ГА РФ. Ф. 541. Оп. 1. Д. 18. Л. 44.

¹¹¹ Там же. Л. 49.

¹¹² Там же. Л. 53.

не служит никакому государству, хотя его и подозревают в службе всевозможным правительствам, включая английское. Он упомянул о том, что некоторые немецкие газеты распространяли абсурдные слухи, что именно оно снабдило славянских депутатов средствами для поездки в Россию. Защищая «славизм», Крамарж отметил, что для Австрии, справедливой к славянам, он не страшен. Австрославизм, по его мнению, был нежелателен, так как мог привести к конфликту с остальным славянским миром. Неославизм он определил как движение, не имеющее ничего общего с правительствами, но стремящееся влиять на направление политики. Он высказал мысль о том, что если бы неославизму удалось направить русскую политику в духе принципов братства и свободы, то он оказал бы громадную услугу не только славянскому миру, но и всему человечеству¹¹³.

Итак, центральным событием неославистского движения стал славянский съезд в Праге (1908). В дальнейшем международная ситуация изменилась, а славянское движение пошло на спад, хотя впереди было еще одно совещание в Петербурге (1909), съезд в Софии (1910), ряд других мероприятий.

Российский МИД бдительно следил за развитием этого общественного движения, но, судя по документам, вовсе не руководил им и не инициировал его. Осторожная позиция российского внешнеполитического ведомства была связана с его нежеланием обострять международные отношения. Кроме того, официальная Россия вовсе не преследовала целей присоединения славянских земель, весьма скептически рассматривая эту перспективу, не видя в такого рода комбинации существенных преимуществ для страны.

¹¹³ Новое время. 1908. 6 (19) декабря.

*Э.Г. Задорожнюк***Т.Г. МАСАРИК О Ф.М. ДОСТОЕВСКОМ:
РЕЦЕПЦИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ**

В знаменитых «Беседах с Масариком» К. Чапек приводил следующие суждения Томаша Гаррига Масарика о русской литературе: «Из русских мне близки Пушкин, Гоголь, Гончаров; Толстой в моем представлении — великий художник, хотя я с ним спорил, не соглашаясь с его воззрениями; Достоевский произвел на меня негативное впечатление. Я намеревался опровергнуть ту русскую и славянскую анархичность, которую он так и не преодолел, несмотря на свое православие. В этой своей двоякости он стал отцом русского иезуитства»¹.

Два последних имени стали для Масарика тем, кого литературоведы именуют «вечными спутниками» — к их творчеству и их идеям он обращался в течение всей своей жизни, о чем свидетельствуют не только занимающиеся наследием первого президента Чехословакии², но и мемуаристы. Роль русской литературы в его познании России и Европы, а шире — мира и места человека в нем являлась в течение длительного времени предметом обсуждения на многих заседаниях московского «Общества братьев Чапек» при посольстве Чешской Республики в РФ, что неудивительно, поскольку его члены считают важнейшей своей задачей отслеживание взаимных влияний чешской и русской культуры на широком поле культуры общеевропейской³.

¹ Čapek K. *Hovory s T.G. Masarykem*. D. 1. Praha, 1935. S. 90–91; см. также: Карел Чапек. Беседы с Т.Г. Масариком // Вопросы истории. 1997. № 11. С. 115.

² См.: *Hromádka J.L. Dostojevskij a Masaryk*. Praha, 1931.

³ Председатель «Общества братьев Чапек» С.В. Никольский постоянно держал в поле зрения работу над переводом произведения Т.Г. Масарика «Россия и Европа» на русский язык (в 2000–2004 гг. в русском переводе при участии автора статьи вышли три

Масарик постоянно интересовался как русской мыслью, так и одним из высших ее достижений — художественной литературой⁴. Тем не менее о творчестве Ф.М. Достоевского (1821–1881) он узнал относительно поздно — в 1882 г. в Вене в ходе своего знакомства с чехом по национальному происхождению Эрнестом Леопольдовичем Радловым, родившимся в 1854 г. в Петербурге, а умершем в 1928 г. в Ленинграде⁵.

тома книги «Россия и Европа»: Т. 1. Проблемы русской философии истории и религии. СПб., 2000. 447 с.; Т.2. К русской философии истории и религии. Социологические очерки. СПб., 2004. 719 с.; Т.3. Эссе о духовных течениях в России. СПб., 2003. 575 с.), проявляя к ней интерес и приглашая членов авторского коллектива на заседания «Общества» с просьбой поделиться результатами этой работы. После выхода в свет трехтомника он инициировал его презентацию в Посольстве ЧР в Москве. В ходе дискуссий Сергей Васильевич обращал внимание не только на то, что Масарик в беседах с К. Чапеком постоянно обращался к русской литературе, но и на то, что ее рецепция Масариком проходила постоянно, а интерпретации отличались крайней противоречивостью.

⁴ Подробнее см.: Задорожнюк Э.Г. «Один против всех...» (О Т.Г. Масарике) // Высшее образование в России. 1997. № 2; она же. Т.Г. Масарик и Россия: этапы восприятия и специфика оценок // Меценат и мир. Рязань, 2006. № 33; она же. Т.Г. Масарик и Россия // Россия в глазах славянского мира. М., 2007.

⁵ По свидетельству А. Гашпариковой-Гораковой, Масарик говорил: «Не помню уже, имелись ли у Радлова прямые связи с Достоевским или же только с его семьей. До этого я мало читал русских. Когда меня заинтересовал Достоевский, я стал читать и другие русские произведения. Я знал русскую литературу хорошо, вплоть до Горького; на более новую у меня по жизни просто не оставалось времени. Вы спрашиваете, знали ли в Мартине Достоевского, когда я там с ними о нем говорил. Мало. Ваянский знал Тургенева. И то я подозревал, что он его читает на немецком». (Gašparíková-Horáková A. U Masarykovcov. Spomienky osobnej archivárky T.G. Masaryka. Bratislava, 1995. S. 113; см. также: Horáková- Gašparíková A. Z lánského deníku. 1929–1937. Praha,

Именно Радлов, лично знавший, по ряду свидетельств, если не самого Федора Михайловича, то членов его семьи, обратил внимание Масарика на произведения великого писателя спустя год после его смерти и выхода первого издания книги будущего чехословацкого президента «Самоубийство» (на немецком языке)⁶.

Впрочем, в этом труде имя Достоевского, глубоко исследовавшего данную проблему во всех аспектах (можно сказать, что тема самоубийства или попыток к нему пронизывает все его творчество; есть и некоторые его квазитеории, высказываемые, например, героем романа «Бесы» Кирилловым), даже не упоминается. Но уже в третьей книге трехтомного сочинения Т.Г. Масарика «Россия и Европа» этой теме посвящалась одна из крупнейших глав, в которой феноменологически описаны все случаи самоубийств в произведениях Достоевского, анализируется их философия. В частности, выделяется такая его разновидность как атеистическое самоубийство — «продуманное, самоубийство сверхчеловека, и его главным поводом бывает гордыня: человек воображает себя Богом»⁷.

Вместе с тем Радлов обратил внимание Масарика и на следующее обстоятельство, которое сформулировал 20 лет спустя после знакомства с ним: русская философская мысль обладает самобытностью и ориентирована не столько на познание абстрактных истин, сколько на искание правды и смысла жизни⁸. Он же призывал воспринимать духовную историю России сквозь призму литературы, что и отразилось во многих

1997.)

⁶ *Masaryk T.G. Der Selbstmord als soziale Massenerscheinung der Gegenwart* (Самоубийство как массовое социальное явление современности). Vídeň, 1881; на чешском языке книга «*Sebevražda hromadným jevem společenským moderní osvěty*» издана в Праге в 1904 г.

⁷ *Масарик Т.Г. Россия и Европа*. СПб., 2003. Т. 3. С. 118.

⁸ *Радлов Э.Л. Очерк истории русской философии*. СПб., 1912.

работах Масарика, начиная с его статей и заканчивая фундаментальным трудом «Россия и Европа».

Следует отметить, что до этого Масарик выпустил ряд философских работ, посвященных титанам философской мысли Запада: древнему греку Платону (Plato jako vlastenec. Praha, 1877), французцу Б. Паскалю (Blaise Pascal, jeho život a filosofie. Praha, 1883), англичанину Д. Юму (Počet pravděpodobnosti a Humova skepse. Praha, 1883). И лишь в 1889 г. вышел его труд по русской философии (Slovanské studie I. Slavjanofilství Ivana Vasiljeviče Kirejevského. Hustořeč, 1889). После этого интерес Масарика к России не прерывался вплоть до его последних дней, причем впервые из числа зарубежных исследователей он обратился к русскому писателю Ф.М. Достоевскому как социальному мыслителю, а не автору «готических романов» или открывателю «низин бессознательного» до З. Фрейда.

Это заметно в первых двух томах произведения «Россия и Европа». Третий том, в котором материал о Достоевском составляет одну треть всего объема, впервые вышел в свет на английском языке⁹ при содействии дочери Масарика Алисы 30 лет спустя после его смерти, однако в то время его издали не в полном виде и со многими неточностями. Посвященные же Достоевскому отрывки публиковались и на чешском языке в 1932 г. в исправленной, уточненной и одобренной Масариком редакции. Характерно, что после добровольной отставки с поста президента Чехословакии в 1935 г. он начал активно интересоваться своим трудом почти 20-летней давности, особенно Достоевским и проблемой титанизма.

Перевод на чешский язык этого произведения состоялся по инициативе известного чешского слависта И. Горака (1884–1975). В 1931 г. Масарик еще до своей тяжелой болезни, беседуя с ним о Достоевском и обсуждая планы перевода на чешский язык рукописи

⁹ Masaryk T.G. The Spirit of Russia. Vol. III. L.–N.Y., 1967.

книги «Россия и Европа», сказал: «Не знаю, найдется ли у меня время посмотреть ее снова». Но тут же заметил, что это все же нужно сделать, поскольку появилась не только новая литература по теме, но изменилась и сама ситуация. В целом Масарик считал, что чехам ближе Толстой как аристотелик, чем Достоевский — платоник. При этом, по его замечанию, и тот, и другой приводили людей, причем не только в России, но и в Европе, от позитивизма — к Богу¹⁰.

Труды Достоевского — один из основных источников познания России, постоянно утверждал Масарик, и поэтому, как уже отмечалось, он заботился о том, чтобы третий том его труда, особенно главы о Достоевском, вышел на чешском языке. Соответствующая работа началась в 1932 г., закончена в 1934 г., знакомиться с ее частями уже тяжело больному Масарику приходилось в декабре 1936 г., а ее фрагменты были опубликованы в 1938 г.¹¹

Однако лишь в 1995 г. в Праге был выпущен в полном объеме третий том, вобравший те переработки и уточнения Масарика, которые он сделал в 1920-е — 1930-е гг. В этом томе титаническая борьба чешского мыслителя с Достоевским и за Достоевского достигла кульминационной точки. Томас Манн как-то написал: «Достоевский — но в меру». Для Масарика мера неприемлема: он борется с Достоевским как Иаков с ангелом (Бытие, 32, 24–28), ибо считает, что как раз этот писатель-пророк разгадал тайну уже прошедшей русской революции, а также революции грядущей. Как справедливо указывал Ю. Доланский, полемика с Достоевским сводилась к резкой смене плюсов и минусов в оценке его творчества. «Но он, — подчеркивал Доланский, — постоянно вращался только в кругу идей Достоевского и намеченных вопросов, поскольку

¹⁰ Gašparíková-Horáková A. Op.cit. S. 97.

¹¹ Масарик Т.Г. Указ. соч. С. 468.

поставленные им проблемы составляли и основной стержень мышления самого Масарика»¹².

Это в достаточной мере отражено в 19 главах (в английском издании приведены всего 10 глав) третьего тома книги «Россия и Европа» (три из которых будут рассмотрены ниже) — и все же не дает полного представления обо всем объеме отношений этих крупнейших мыслителей славянства. Причина в том, что борьба между ними — если вспомнить приводимую выше библейскую метафору — проходила во многом «в темноте». Отсюда перепады оценок, отказы от общепринятых мнений, отсюда мучительное стремление Масарика разгадать загадку Достоевского — и постоянная неудовлетворенность от отсутствия четкой разгадки.

Следы такого подхода обнаруживаются в течении всей жизни Масарика, даже после его болезни, из-за которой он добровольно оставил в 1935 г. пост президента Чехословакии — за год перед этим приняв усилия по налаживанию ее полноценных дипломатических отношений с СССР. Эти следы нашли отражение в работах мемуарного характера — так называемых «Ланских дневниках» личного архивариса первого чехословацкого президента А. Гашпариковой-Гораковой и его личного секретаря А. Шенка¹³.

Если обратиться к 12-й главе «Гуманизм и национальность. Национальность и религия» третьего тома произведения «Россия и Европа», то, согласно Масарику, Достоевский полагал, что существуют четко выраженные национальные характеры, которые можно постичь во всех их жизненных и духовных проявлениях. Поэтому и религия становится национальной: католицизм — французским, протестантизм — немецким, а православие — русским и славянским.

¹² Dolanský J. Masaryk a Rusko předrevoluční. Praha, 1959. S. 297.

¹³ Подробнее см.: Задорожнюк Э.Г. Штрихи к портрету Т.Г. Масарика // Новая и новейшая история. 2012. № 5.

«Достоевский, — пишет Масарик, — как может увидеть каждый, отождествляет народность и народ (народность как национальное стремление — народ как социальное целое) с государством, а также с церковью и религией, хотя он нам говорит, что моральная идея и этически, и исторически первична. Россия для Достоевского, как и для верующего мужика, "Святая Русь"; русский народ — "богоносец", народ богоносный. У России есть свой русский Бог и свой русский Христос. Русский человек не может не верить в своего Бога, ибо тем самым он перестает быть русским. У русского человека есть совершенно особая церковь, у него есть совершенно особое государство: слова русский — христианин — православный — гражданин "самодержавного" государства для Достоевского — синонимы. Тем самым религия и народность у Достоевского составляют мистическое единство...»¹⁴.

Поэтому, продолжает Масарик в следующей главе «Шовинизм. Пренебрежение жизнью», вряд ли стоит верить проповедям Достоевского о всечеловеке — он, по сути, предстает как шовинист. «Если, — пишет Масарик, — Россия и только Россия свята, если Россия и только Россия обладает верой, которая является единственным ключом к спасению, то из этого следует, что россиянин должен считать свою российскость — или, как чаще говорит Достоевский, русскость — уникальной, исключительной и совершенно особенной»¹⁵. Любой шовинист упрощает задачу культурного синтеза, особенно когда география замещает культуру, а мощь и численное большинство становится определяющим фактором, продолжает Масарик. Но при этом возникают и ошибки, которых нельзя не заметить, особенно если искать всечеловека среди русских пьяниц, а не среди немецких алкоголиков. Для Масарика неприемлем шовинизм любого рода, потому что ни один народ не является избранным.

¹⁴ Масарик Т.Г. Указ. соч. С. 136.

¹⁵ Там же. С. 137.

«Заслуга великих предшественников Достоевского, — утверждает Масарик, — в том, что ими была создана “обличительная” литература; слепой патриотизм вреден, как прекрасно сказал Чаадаев; недаром Достоевский в наказание хотел заключить его в монастырь. Он не понял, что шовинизм делает невозможным любой прогресс, в том числе и нравственный. Каждый честный человек поступает лучше, намереваясь спасти свой народ, а не все человечество, и даже не свой народ, а себя самого — для блага своего народа, человечества и человечности [...] Русский мессианизм не принес России добрых плодов. Шовинизм Достоевского проистекает из слабости»¹⁶.

Особенно это видно, когда Достоевский выражает свои суждения о Европе как антитезе России, области атеизма и смерти. Правда, замечает Масарик, именно в Европе он выносил свои наиболее глубокие идеи и чувства, лучше видя из нее Россию. «На основе всего этого, — по словам Масарика, — начинает казаться, будто Достоевский, собственно, ненавидел русскую Европу или, лучше сказать, русскую полуЕвропу — европейскую полуобразованность и половинчатость русских. Все это он обличал сильными словами, называя обезьянничаньем, лакейством, лакейской либреей...»¹⁷.

Как отмечалось выше, Гашпарикова в своем «Ланском дневнике» приводит свидетельства того, что Масарик вспоминал о Достоевском в 1931 г., довольно сложном для Чехословакии времени, когда страна выходила из кризиса, поразившего весь Запад, а ее руководство стало ориентироваться на упрочение отношений с Россией.

В беседе с И. Гораком президент особо отмечал, что как раз после знакомства с Радловым он инспирировал работу по переводу романа «Преступление и наказание» на чешский язык; до того момента

¹⁶ Масарик Т.Г. Указ. соч. С. 139.

¹⁷ Там же. С. 146.

Масарик о нем не знал. «При этом, — пишет А. Гашпарикова, — Горак был рад признанию, что Масарик пришел к знакомству с Достоевским славянским путем, а не через западные переводы [...] Масарик решил проанализировать Достоевского, его надрывную душу и через него объяснить Россию»¹⁸.

Согласно Масарику, центральной для Достоевского является проблема веры: он искал Бога и не нашел его. Достоевский чаще не верит, но делает вид, что будто бы верит — особенно когда пишет, что Россия — это покровительствуемая Богом страна. «Ты, Элишка, спрашиваешь меня, — продолжал Масарик, — почему я столько занимался Достоевским? Он интересовал меня, как и Россия в целом. Испорченный русский имеет при всей своей испорченности положительные качества, наивность, определенную покорность, добросердечность. Я люблю его, поэтому и открываю его ошибки [...] Почему именно Достоевский? — можно с полным основанием поставить вопрос. Художник — как стилист — не может быть образцом [...] Вы спрашиваете, почему я включил “Карамазовых” в список своих десяти книг. Потому, что там кроются все проблемы современного человека, думающий человек должен их знать. Достоевский видит проблемы, но не в состоянии дать их решение»¹⁹.

22 июля 1935 г. Гашпарикова фиксирует в своем дневнике: «Возможно, Масарик уже отошел в мыслях от уже увидевших свет частей книги “Россия и Европа”, но только не от своих пронизательных рассуждений в третьей, самой интересной ее части, а именно: как в литературной борьбе решалась проблема титанизма великой Руси...»²⁰.

Горак подготовил большую часть перевода на чешский язык третьего тома книги «Россия и Европа»,

¹⁸ Gašparíková-Horáková A. Op. cit. S.97.

¹⁹ Ibid. S. 98.

²⁰ Ibid. S. 249.

поэтому в беседах с Масариком он постоянно затрагивал вопросы о его структуре. При этом он подчеркивал, что Масарик сражается с Достоевским, как фехтовальщик: при виде незащищенного места сразу же бросается в атаку. Масарик на это заметил: «Меня интересовал Достоевский. На это имелась своя причина — личная причина. Поначалу я восхищался им не критически — затем шел дальше, видел ошибки и неверные взгляды — и стал критиковать. Люди не видят, что человек критикует себя. Вот ведь в чем дело»²¹.

Одно из последних обращений к творчеству Достоевского 87-летнего Масарика имело место в декабре 1936 г. в связи с предполагаемым изданием уже переведенного на чешский язык третьего тома произведения «Россия и Европа». В мемуарных источниках А. Гашпариковой и А. Шенка данный момент не зафиксирован, однако, по косвенным свидетельствам, Масарик не форсировал выход книги. Как представляется, он не мог не учитывать сложнейшую конфигурацию отношений Чехословакии как с Европой, которую в ходе усиления нацизма в Германии и фашизма в Италии вряд ли можно было идентифицировать с носителем начал высокой цивилизации, так и с Россией, которая, представляя собой в конце Первой мировой войны фактор, способствующий появлению независимой Чехословакии, перед Второй мировой войной явилась носителем надежд на ее спасение.

Принятие и отвержение русской духовной истории воспринималось сквозь призму литературы, анализу которой во многом посвящен фундаментальный труд «Россия и Европа». Особо противоречивыми и в конечном счете не определившимися явились его рецепция и интерпретации идей Достоевского, на что указывает не только творчество Масарика, но и в определенной мере его жизненный путь.

Согласно Масарику, монах и нигилист — ключевые фигуры, репрезентовавшие Россию, именно они

²¹ Gašparíková-Horáková A. Op. cit. S. 252.

были наиболее рельефно описаны Достоевским. Характерно, что как раз эти фигуры так или иначе появлялись и на жизненном горизонте Т.Г. Масарика. Так, в 1934 г. состоялась встреча первого чехословацкого президента с первым послом СССР в Чехословакии С.С. Александровским — помимо всего прочего, представителем большевистской идеологии. Вот как описывает обстоятельства этой встречи личный секретарь президента: Масарик принял первого посла СССР, еще не оправившись от очень тяжелой болезни, ему врачи не разрешили вставать и была достигнута договоренность, что он примет С.С. Александровского, находясь в постели. Однако для 84-летнего политика, всегда державшего в поле зрения и Россию, и СССР, это казалось недопустимым. «...Масарик, — записал Шенк, — отказался оставаться в постели, оделся и за полчаса до аудиенции спустился на лифте в рабочий кабинет. С одной стороны его поддерживал камердинер, а с другой — сиделка. В кабинете он не без усилия сел в кресло и стал ждать. Аудиенция продолжалась в целом около двадцати минут... Когда его ввел Штримпл, Масарик уже стоял, подал Александровскому руку и произнес несколько слов. Всю дальнейшую беседу вел министр Бенеш»²².

Одной из медицинских сестер, готовивших Масарика к встрече с Александровским, являлась русская эмигрантка Ксения Родзянко, бывшая активистка Красного креста в России²³. По многим свидетельствам, она являлась монахиней в миру. Александровский же предстал, если помнить интерпретации Масариком творчества Достоевского, носителем начала

²² *Smetanová J.* TGM: «Proč se neřekne pravda?». Ze vzpomínek dr. Antonína Schenka. Praha, 1996. S. 188.

²³ К. Родзянко — скорее однофамилица, чем родственница известного политика М. Родзянко, как ошибочно утверждает Шенк. Еще со времени русско-японской войны — сестра милосердия; она знала несколько языков и не только оказывала медицинскую помощь Масарику, но читала ему газеты и корреспонденцию.

нигилизма²⁴. Весьма символично, что практически в одно и то же время две эти полярные фигуры — выходцы из России — находились рядом с Масариком в столь критическое для него время. Можно сказать, что сама жизнь заготовила подобного рода сюжет, который сложно было бы предвидеть даже в самом запутанном романе великого русского писателя Достоевского... Остается добавить, что Родзянко провожала в последний путь первого чехословацкого президента (на похоронах присутствовали П. Милюков и другие русские эмигранты).

В целом тема «Масарик и Достоевский» еще ждет своего исследования, а его результаты помогут многое понять в строе идей человека, который являлся крупнейшим европейским политиком и одновременно ярким социальным мыслителем. Таковыми Масарик считал не только Достоевского, но и Толстого, сравнительный анализ творчества и социальных идей которых — также интересная тема для исследования.

Ограничимся в этом плане общими соображениями: Толстой для чешского мыслителя — громадный моральный авторитет и одновременно равный собеседник, как свидетельствуют записи об их встречах и мемуары.

Действительно, русская классическая литература предстала к концу XIX в. важнейшим резервуаром философских и социальных идей и привлекала внимание людей мыслящих. Но Масарик сконцентрировал внимание не только на высоких духовных достижениях России, но и на феномене русского нигилизма, интерес к которому проявлялся у него в самых

²⁴ Ситуация предстает еще более запутанной, если учесть следующую характеристику носителя данного начала: «Большевик — это русский монах, разозленный и спутанный фейербаховским материализмом и атеизмом», — так писал Масарик в своей известной работе «Славяне после войны» (Прага, 1923. С. 12), выводя данную свою оценку из интерпретаций творчества Достоевского.

различных формах и суждения о котором обладали глубокой пронизательностью²⁵.

Позже одной из главных целей приезда Масарика в Россию стали личные контакты с Толстым. Масарик встречался с Толстым то как старший с младшим (по социальному и моральному опыту), то — как младший со старшим. Это касается позиции Масарика — носителя неких цивилизационных ценностей (например, того же убеждения, что чистота — это религия, о чем он сказал в беседе с яснополянским мудрецом).

При этом характер их дружбы и литературного взаимодействия отличался особой душевностью. Редко кто из собеседников Толстого, особенно из западного мира, удостаивался такого нравственно-деликатного отношения, как Масарик.

Вспоминая проведенные с Масариком в январе и феврале 1932 г. два вечера, Шенк пишет: «... мы читали “Евгения Онегина” и стали дискутировать о его переводчиках. На втором из этих вечеров — это было как раз воскресенье — началось чтение, которое настолько приковало внимание Масарика, что тот не хотел его откладывать даже на день [...] Три вечера в том же году мы провели над страницами “Войны и мира”. Т[омаш] Г[арриг] М[асарик], самый старший из нас, ждал этого чтения с величайшей радостью»²⁶.

²⁵ В конце 1880-х годов в журнале «Čas» появилась статья, написанная при участии Масарика, в которой на русском языке приводились слова Л.Н. Толстого из его «Севастопольских рассказов»: «Герой же моей повести, которого я люблю всеми силами души, которого старался воспроизвести во всей красоте его и который всегда был, есть и будет прекрасен — *правда*». (Масарик Т.Г. Россия и Европа... С. 477.). Возьмем на себя смелость утверждать, что данное положение, наряду с гуситской традицией, оказало влияние на формирование лозунга Масарика: «Правда победит — *Pravda vítězí*».

²⁶ Smetanová J. Op. cit. S. 47.

И все же не реже, но «про себя» Масарик перечитывал Достоевского, «загадка» которого так и не была разгадана до конца. Однако, как представляется, данное неразгадывание ценнее многих чрезмерно благостных или столь же чрезмерно критических интерпретаций творчества великого отечественного писателя и социального мыслителя.

В целом рецепция Масариком Достоевского определяется противоречивой оценкой русского писателя как выразителя духа крайнего нигилизма и одновременно как апологета теократизма (так чешский мыслитель именовал союз монархии и церкви в России), создателя таких образов (точнее: идеальных типов — носителей доводимых до крайности идей, в соответствии с определением социолога М. Вебера), как монах и нигилист. При этом особо значим впервые прозвучавший и мощно обоснованный призыв Т.Г. Масарика рассматривать Достоевского именно как социального мыслителя во всей противоречивости его мировоззрения.

Томаш Кубичек (Чехия)

ЙОЗЕФ ШВЕЙК В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО РОМАНА

Ключевым для гашековского «Швейка» является слово «парадокс». И именно «парадокс» хотелось бы противопоставить традиционно связываемому со Швейком слову «абсурд». Какая между ними разница? Фундаментальная — ибо эти слова выстраивают две различные эстетики, два различных художественных мира. В мире абсурда человеческое поведение не имеет смысла и не продуцирует его. Это мир Кафки, с которым Швейка часто сопоставляют. При всем их несхождении оба эти мира обнаруживают между собой близость. Это традиционная параллель, от которой, однако, хотелось бы отойти. В мире кафковского «Процесса» человек, а именно Йозеф К., активно участвует в механизме власти и принимает его правила либо даже пытается способствовать их созданию в полном убеждении, что механизм власти имеет смысл, только он из своей перспективы его не понимает. Это активное сотрудничество деструктивно по отношению к человеку. Йозеф К. сотрудничает со своими палачами, и только иррациональное озарение, связанное с первичным инстинктом самосохранения, толкает его в самом начале романа на противоположный поступок: «Логика хотя и непоколебимая, но перед человеком, который хочет жить, она не устоит», — говорит Кафка. Однако уже слишком поздно: «Где судья, которого он ни разу не видел? Где высокий суд, куда он так и не попал? К. поднял руки и развел ладони. Но уже на его горло легли руки первого господина, а второй вонзил ему нож глубоко в сердце и повернул его дважды»¹.

Мир парадокса — это мир, который вопреки абсурду имеет смысл, который вопреки абсурду этот смысл сохраняет. Последствия в случае Швейка

¹ *Kafka F. Proces. Praha, 1964. S. 226.*

очевидны. Деструкция поворачивается в обратном направлении. Именно механизм власти, наталкиваясь на конкретного человека, рушится. Йозеф Швейк — не победитель, в поединке с историей выиграть невозможно, но он и не побеждённый. Если бы я хотел прибегнуть к метафоре, я воспользовался бы словами, которыми Гашек закончил повесть «Бравый солдат Швейк в плену», по времени предшествующую «Похождениям бравого солдата Швейка»: «И пошел бравый солдат Швейк в плен, повернувшись спиной к империи и чёрно-жёлтому двуглавному орлу, который начал терять свои перья...»² Машина истории, для которой человек — это только механический винтик без собственной воли, которая своими колесами перемалывает человеческую личность, даёт сбой и начинает скрипеть. Она становится бездушной.

Я предлагаю читать Швейка как хитроумную игру парадоксов. И трактовать парадокс как стратегию композиционную и тематическую, формальную и идейную. Но так как одно от другого очень трудно отличить и отделить, лучше будем говорить о структуре. О едином целом художественного мира.

Первый парадокс возникает уже в связи с текстами-предшественниками «Похождений бравого солдата Швейка». В литературной критике уже обращалось внимание на заметную трансформацию Швейка от повести 1917 года «Бравый солдат Швейк в плену» к позднему тексту «Похождений». Если в первом произведении справедливо усматривают памфлет, в котором этому подчинена и его смысловая структура, то второе — гораздо менее ясное. Если первое, написанное в жанре сатиры, более буквально, и рассказчик здесь часто не останавливается перед тем, чтобы недвусмысленно комментировать поступки своих персонажей, то во втором «договаривание» перемещается в плоскость интерпретации текста читателем. Однако этот выход из пространства сатирического памфлета

² Hašek J. Dobrý voják Švejk v zajetí. Praha, 1973. S. 73.

одновременно подразумевал и во многих случаях всё ещё подразумевает нежелание спуститься на уровень ниже первого, поверхностного смыслового плана повествования. Это констатирует и сам Гашек в послесловии к первой части романа, и его слова должны были бы послужить предостережением читателю: «Не знаю, удастся ли мне этой книгой достичь того, к чему я стремился. Однажды я слышал, как один ругал другого: “Ты глуп, как Швейк”. Это свидетельствует о противоположном»³. В этой фразе я слышу опасение (и, как кажется, небезосновательное), что читатель не захочет следовать за Гашеком, не захочет спуститься вслед за ним под поверхность фабулы. Гашек боится, что его не поймут. И за этим страхом кроется ощущение современного романиста. Того, кто согласен с относящимся к той же эпохе изречением Броча, в котором он сформулировал общий характер и главное условие современного романа: «Роман, не познающий мир, безнравствен». Современный роман в этом афоризме предстаёт специфическим инструментом познания. Познания, за которое, однако, несёт свою долю ответственности также читатель. Теодор Адорно говорит, что современный роман переступил через эстетическую границу. Ту, которая прежде надёжно ограждала читателя от романного мира. Современный роман превращает читателя в того, кто несёт свою долю ответственности за именование смысла. Тем самым смысл оказывается не вне читателя, а является составной частью отношений между текстом и его реципиентом. Смысл современного романа является одновременно составной частью борьбы за смысл. И в этом гашековские «Похождения бравого солдата Швейка» созвучны эстетике современного романа.

Традиционно Швейк характеризуется как антигерой, и он сам словно напрашивается на такой подход. Впрочем, антигероем его делает уже заложенный в нём архетип пикаро, плута. При этом Швейк

³ *Hašek J. Osudy dobrého vojáka Švejka. Praha, 1983. S. 253.*

парадоксальным образом предстаёт весьма активным персонажем, он участвует в действии, требуя реакции других персонажей, являет собой русло событий, которому придаёт новое направление. Простое сравнение с архетипом плута здесь не срабатывает. Гашек разрушает базовые отношения между слугой и господином. В традиционных плутовских романах они меняются ролями: слуга оказывается фактически господином, а господин на самом деле служит. Однако Швейк, хотя он много раз становится слугой, на самом деле не служит, но и не берёт на себя роль господина. Уже этот парадокс показывает, что традиционное прочтение Швейка через схему литературных архетипов обречено на провал, и эта модель художественного мира требует от читателя, чтобы он читал роман внимательнее и без предвзятого мнения. В этой связи достаточно красноречивым оказывается и то, что Гашек переосмысляет отношения между центром и периферией. Швейк — не просто центральный персонаж романа, это и центр целого мира. Мира, который он постоянно комментирует и интерпретирует. На все случаи жизни у него припасена история. Здесь Гашек выступает основоположником иронической игры с притчей. Только притчи Швейка парадоксальным образом ничего не объясняют; наоборот, после них смысл оказывается еще более неясным, великое событие становится банальным и мельчает в речи.

Ещё одно послание нам заключают в себе тексты-предшественники «Похождений бравого солдата Швейка». Я здесь имею в виду те из них, которые возникали в связи с его политически ангажированными выступлениями в период его деятельности в России. Например, 12 ноября 1916 г. Гашек обратился с речью к пленным чехам близ железнодорожной станции Сарна. В ней не в первый и не в последний раз у Гашека возникает типичный образ австро-венгерской монархии без малейшего добродушия, без единой примирительной ноты. Австро-Венгрия — это государство, которое должно быть сокрушено. Причина очевидна:

«Во главе (австро-венгерского) государства всегда стояли низкие эгоисты. [...] Это были пророки насилия, вооруженные не словом, а мечом. Наша задача — выбить меч из их рук. Для этого не нужно долгих слов. Сегодня каждый знает, что делать»⁴.

И Гашек знал, что делать, выступая за русское государство и русскую революцию, взывая с высоких нравственных позиций к чешским солдатам в России и убеждая их встать в ряды чехословацких частей, которые должны были быть созданы при Красной армии. В своем призыве он доходит до крайнего пафоса, до грубого упрощения, он аргументирует моралью и истиной, которая одна-единственная и о которой не спорят. Исчезла ли эта нравственная позиция из пространства художественного мира «Швейка»? Вовсе нет — и послесловие к первой части романа ясно это доказывает. Гашек здесь откровенно говорит о лживой морали современного общества, о людях, которых коробит от сильных выражений, поэтому они пугаются настоящей жизни; такие слабые люди для него — трусы, которые только вредят культуре, характеру и народу. Все это Гашек пишет в своей излюбленной манере, с сарказмом и иронией, но при этом ясно показывает, что такие слова в его лексиконе есть и что они важны для него в том числе и в связи с Йозефом Швейком. Повторим эти слова ещё раз: настоящая жизнь, слабость, трусость, культура, характер, народ.

Отказавшись от традиционного сравнения с Кафкой, хотел бы теперь предложить другую параллель, которая помогает мне понять положение Гашека в мире современного романа. Мне представляется, что как по форме, так и по содержанию ближе всего к Гашеку стоит Джеймс Джойс, хотя на первый взгляд кажется, что нет ничего более далёкого друг от друга, чем эти два автора.

Возможная их связь, однако, прослеживается уже на уровне структуры текста. Джойс избрал для

⁴ *Hašek J. Dobrý voják...* S. 347.

своего Стивена «поток сознания». Это техника, помещающая в центр художественного мира субъект. Мир превращается в калейдоскоп чувств, мыслей и ассоциаций. Порядок и причинно-следственные связи тем самым оказываются формально нарушены. Вальтер Беньямин в эссе «Повествователь» пишет об ощущаемой в то время неспособности повествовать. Лицом к лицу с опытом войны человек осознаёт, что он не в силах передать то, что он видел или пережил, в форме ясного и обобщающего повествования. Эту ситуацию, когда, по его словам, с полей сражений возвращаются онемевшие люди, Беньямин называет кризисом повествования. Современный человек утратил способность обобщить и передать свой опыт — а ведь на этой способности зиждется цивилизация! В момент кризиса повествования начинается кризис современного мира.

И именно в момент кризиса рождается Стивен Дедал. Он не обобщает, не претендует на ясное и упорядоченное повествование, но он всё ещё способен свидетельствовать. Ясность мира разрушена, исчез порядок — но для современного романиста это вызов, требующий построения новой эстетики, которая справилась бы с этой новой ситуацией и создала для неё адекватное представление. В момент такого кризиса рождается и Йозеф Швейк. При этом оба они, как Стивен, так и Йозеф, воплощают в себе размежевание с обществом, с пустых нравственных понятий которого они срывают маску, и их обоих роднит одиночество.

Гашек, в отличие от Джойса, не выбрал в качестве формального принципа выстраивания этого мира «поток сознания», но кажется, что ассоциативный поток высказываний Йозефа Швейка имеет ту же функцию. Он тоже в конечном итоге дробит действительность на фрагменты и травестирует классическую форму масштабного повествования. В обоих случаях главным выразительным средством становится речь, язык, который мы могли бы охарактеризовать словами Томаса Манна из его романа «Избранник»: «язык как

таковой, сам язык, язык-абсолют»⁵. Это язык, который покидает субъект, но результатом его свободного движения оказывается то, что он позволяет вновь охватить его в новой целостности. Но, опять-таки только на первый взгляд парадоксальным образом, эта речь представляет собой проявление остро ощущаемой потребности в субъективизации. Так и в романе Гашека прямая речь персонажей занимает исключительно много места в ущерб речи традиционного рассказчика, что тесно связано с актуальным тогда стремлением современного романа к введению субъекта в повествование.

Речь в обоих случаях связана и с формой современного представления времени в романе. Она вводит в повествование время как переживаемую в данный момент действительность. В этой форме оно противопоставлено традиционному романному времени, которое знает только прошлое. Актуальное время, которое делает неясными причинно-следственные связи и вместе с ассоциативностью подчёркивает роль случая, трансформирует действительность в подобие некоей «зоны».

Функциональным принципом выразительных средств Джойса и Гашека является отображение хаотичности мира, из которого исчезает смысл как некоторый надличностный порядок. То, что остаётся, — это повседневность, которая, однако, монументализируется и приобретает характер нового мифа.

Частью эстетики Джойса становятся этические вопросы. Когда в заключительной части «Портрета художника в юности» Стивен Дедал покидает Ирландию, он говорит: «Я не буду служить тому, во что я больше не верю, даже если это называется моим домом, родиной или церковью. Но я буду стараться выразить себя в той или иной форме жизни или искусства так полно и свободно, как могу, защищаясь лишь тем оружием, которое считаю для себя возможным:

⁵ Mann Th. Vyvolení. Praha, 1974. S. 9.

молчанием, изгнанием и хитроумием»⁶. Тем самым Стивен отвергает выхолощенную аксиологическую систему окружающего его мира, чтобы — лишь на первый взгляд парадоксально — воскликнуть в самом конце «Портрета художника»: «Приветствую тебя, жизнь! Я ухожу, чтобы в миллионный раз познать неподдельность опыта и выковать в кузнице моей души несотворенное сознание моего народа»⁷.

Мне кажется, что подобное же оружие избрал себе и Йозеф Швейк, и то, что Джойс хочет выковать в фигуре Улисса, представляет собой второй смысловой план художественного мира Швейка. Тот план, куда так неохотно и нерешительно вступают читатели.

Трансформация Швейка в чешского Стивена Дедала парадоксальным образом произошла в России. В первом, ещё грубом приближении мы можем найти её в рассказах, относящихся к периоду плена. Если до войны Швейк был персонажем скорее комическим, и его комизм переносился на общество, то на следующем этапе он становится более боевым, его задача — уже не только осмеяние. Однако окончательный облик он обрёл только в «Похождениях бравого солдата Швейка». Здесь он становится персонажем, в котором есть что-то от Одиссея и от Агасфера. Это персонаж, призванный на войну, который оставляет за плечами надежность родного дома и традиционного мира и тянется назад, при этом не имея возможности вернуться. Ведь дом — это в современном романе иллюзорное пространство. Составной частью всех проявлений персонажа Гашека теперь становится тайна. Мы никогда не поймём до конца, как соотносится то, что Швейк делает и говорит, и то, что он на самом деле думает. И смех его — не такой, который затрагивает только сам объект смеха, он обращён и против читателя. Это не лёгкий, а жестокий смех. Смех, полный парадоксов. Что связано с тем, что вещи и события,

⁶ *Joyce J. Portrét umělce v jinošských letech. Praha, 1983. S. 286.*

⁷ *Ibid. S. 293*

которые речь Швейка преподносит нам как смешные, на самом деле вовсе не смешны, скорее трагичны — и делают смех жестоким. Это смех, который нельзя назвать ни серьёзным, ни несерьёзным. В нём парадоксальным образом переплетено то и другое. Это смех развенчивающий. И позабавленный читатель в то же время цепенеет от того, на что этот смех направлен. Мы, знакомые с двойственным характером мира Гашека, уже не удивляемся. Но именно в этом парадоксе и оцепенении заключается то, на чём зиждется специфическая мораль его романа. Это форма работы над несотворённой совестью народа, которая была выкована в той же духовной кузнице, что и «Улисс» Джойса. Близость Джойса с Гашеком лишь на первый взгляд парадоксальна; на самом деле они являются частицами тождественной ситуации, на которую реагируют сходными средствами.

Мир Гашека не абсурден, он только направлен против логики, воспринимающей человека лишь как объект. В нём проявляется убеждение, что лицом к лицу с машиной истории человек может удержать свою судьбу в своих руках. Может сохранить смысл. Всё ещё может защищаться молчанием, изгнанием и хитроумием.

Перевод с чешского С.С. Скорвида

Зденек Матхаузер* (Чехия)

**«ШВЕЙК» ГАШЕКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ
ФЕНОМЕНОЛОГИИ**

В литературоведении образ Швейка как будто очерчен меловым кругом, внутрь которого, к истинной фигуре Швейка, не может проникнуть ни один интерпретатор, пытающийся погрузиться в психологию и оперирующий внутренним состоянием этого персонажа, идет ли речь о настроениях или о его якобы прочных и неизменных позициях.

Существует несколько весьма многообещающих трактовок этого персонажа, авторы которых отказываются рассматривать его при помощи психологического метода, однако они имеют в виду скорее индивидуальную психологию — перед лицом же социальной психологии зачастую изменяют своим намерениям. Ввиду этого некоторые из таких толкований начинают хромать сразу же на пороге романа «Судьбы доброго солдата Швейка во время мировой войны», на вопросе Швейка, следующем за знаменитым сообщением пани Мюллеровой: «Убили, стало быть, Фердинанда». Как известно, Швейк отвечает: «Этого которого же Фердинанда, пани Мюллерова?» (I, 9)** — и вместо Фердинанда

* Зденек Матхаузер (1920–2007) — выдающийся чешский литературовед, русист и философ, профессор Карлова университета. Его перу принадлежат такие книги, как «Искусство поэзии. Владимир Маяковский и его время», «Спираль поэзии», посвященная русскому поэтическому творчеству в период с 1945 г. до 70-х гг., «Непопулярное исследование. Из истории русского авангарда», изданная в 1969 г. и многие другие. — *Прим. ред.*

** Здесь и далее роман цитируется автором статьи по трехтомному изданию: *Hašek J. Osudy dobrého vojáka Švejka za světové války*. 14. vyd. Praha, 1951; ссылки на том и страницу, обозначаемые соответственно римской и арабской цифрами, приводятся в скобках в тексте. По-русски эти выдержки (как и само название романа) даются в нашем переводе, а не классическом переводе П.Г. Богатырева, при следовании которому цитаты не всегда со-

д'Эсте вспоминает о двух его пражских тезках.

Тут критики обычно принимают за рассуждать о том, как Швейк принижает историческое событие до уровня своего приземленного кругозора «человека с улицы». При этом они упускают из вида, — что неудивительно, ведь даже тот, кто читает роман Гашека хотя бы и в десятый раз, здесь вновь оказывается в самом его начале и не помнит последующих диалогов Швейка — что за уровень его высказываний ответствен не столько он сам с его кругозором, сколько кругозор того, на чью реплику Швейк в данный конкретный момент реагирует.

Боевой клич Швейка, едущего в инвалидной коляске, «На Белград!» — это его реакция на подстрекательскую прессу; на «богословские» речи фельдкурата Каца Швейк отвечает покаянием; в религиозную риторику он впадает еще раз, когда будет говорить с обер-фельдкуратором Лациной; банальные нравоучительные излияния обер-лейтенанта Лукаша побуждают Швейка взять назидательный тон; шпиономания вахмистра Фландерки провоцирует его на изречения, которые по меньшей мере позволяют трактовать их как шпионофобские. Не повинен ли и в реакции Швейка на сообщение о каком-то Фердинанде прежде всего кругозор пани Мюллеровой?

Реакции Швейка не являются пародией в собственном смысле слова. Пародия предполагала бы, что, во-первых, мы что-то знаем об истинной точке зрения Швейка или о неизменно присущих ему свойствах, что, однако, немедленно опровергается очередным его высказыванием (и сам текст не дает оснований для такого заключения), а во-вторых — что реакция Швейка включает в себе пародийное языковое смещение посланного ему импульса: но никакого смещения мы не находим, подхватывание импульса Швейком — это, как правило, просто продолжение его

гласовывались бы с рассуждениями З. Матхаузера. — *Прим. пер.*

постоянного дискурса и в большинстве случаев «зеркало» вопроса, подсказки или иной раз личных данных спрашивающего.

На фразу председателя врачебной комиссии в госпитале «Сказано вам, чтобы вы заткнулись: слышали?» Швейк реагирует словами «Покорно докладываю: слышал, чтобы я заткнулся» (I, 70) — и диалог по кругу продолжается. Ответ на вопрос Лукаша «Не знаете, где может быть этот проклятый Ванек?» звучит так: «Не знаю, господин обер-лейтенант, где может быть этот проклятый Ванек» (II, 166). Принимая телефонограмму, Швейк вновь повторяет произносимое диктующим телеграфистом «Подпись: оберст Шрёдер, скотина! Готово? Повтори!» практически слово в слово: «Оберст Шрёдер, ты, скотина» (II, 172). Кстати об этом армейском «комплименте»: на восклицание поручика Дуба «Должно быть, этот ваш брат — такая же скотина, как вы. Кем он был?» Швейк отвечает: «Учителем, господин лейтенант. Потом служил и сдал экзамен на офицера» (II, 71).

Конечно, здесь мы впадаем в большой соблазн приписать Швейку определенные качества: злорадство, иронию, отвращение к офицерскому чванству и т. п. Тем не менее давайте на первом и самом важном этапе нашего анализа удержимся от этого! (Как обещано, в заключении будет уделено место также распространенным читательским интерпретациям, но там речь пойдет уже не о собственно *литературном образе* Швейка). Итак, ответ Швейка поручику Дубу — тоже зеркало, но на сей раз зеркало персональных данных спрашивающего: это лейтенант, в гражданской жизни бывший учителем, и ответ зеркально отражает как его офицерство, так и гражданскую профессию. Объяснять одни и те же *зеркала* психологически — в одних случаях (по отношению к Лукашу и Дубу) хитростью, в других (в истории с телефонограммой) — примитивностью Швейка — рискованно. Дело в том, что выводы, касающиеся характера Швейка, всегда очень обманчивы: из разных «зеркальных

ситуаций» могли бы следовать совершенно противоположные оценки.

Например, когда фельдкурат Кац велит Швейку сторожить солдат, которые только что конвоировали самого Швейка, и тот выполняет приказ, мы на основании этого могли бы сделать вывод о его неуступчивости, нетоварищеском поведении и т. д. На самом же деле Швейк и здесь оказывается всего лишь зеркалом: становясь стражником, он негативно отражает новую ситуацию самих недавних стражников.

Нам пришлось бы говорить о беспардонности Швейка в тех сценах, когда он выставляет из квартиры несчастного кредитора фельдкурата Каца, выполняет похотливые желания любовницы обер-лейтенанта Лукаша, крадет у бесхитростной служанки хозяйскую собаку, мучит строевыми упражнениями своего прожорливого товарища Балоуна, отбирает имущество у бедных крестьян и т. д. В действительности же Швейк только последовательно проводит в жизнь импульсы, которые получает извне: в первых трех случаях выполняет приказы своих командиров или пожелание любвеобильной дамочки (интрижку с которой он от Лукаша не скрывает, ведь она не просила его хранить молчание), а в случаях с Балоуном и с крестьянами просто продолжает армейские порядки.

Итак (позволим себе вновь выразиться «феноменологически»), если вынести за скобки всю дедуктивно выведенную «психологию», все «качества», которые к тому же будут противоречить одно другому, что заставляет поставить их под сомнение, останется единственный несомненный факт, который в отношении данного персонажа можно безоговорочно констатировать: Швейк подхватывает поступающие к нему импульсы, причем подхватывает на их уровне, в одном с ними направлении и на их языке; он их реализует, он отвечает на них так, чтобы ответ удовлетворял тому, что заложено в вопросе, или отражал то, чем является сам спрашивающий.

Таким образом, на первом этапе анализа мы

формализовали образ Швейка: это посредник, лишенный какой-либо субстанциальности; это движимый движитель, инициатор, который сам мотивирован извне; это принцип продолжения импульса, воплощенная готовность безотказно принять то, что ему предлагается (например, Швейк без колебаний подписывает протокол, в котором признается в государственной измене, и т. д.).

Если до сих пор была речь о Швейке как о принципе, то теперь нам следует признать, что этот «принцип» все же имеет некоторое воплощение. О конкретных физических свойствах Швейка мы узнаем из текста романа довольно мало: коренастая фигура, голубые глаза, ласковая улыбка, которая — впади мы в соблазн психологизирования — могла бы допускать амбивалентное истолкование. Но не будем заглядывать Швейку в душу: нам не так уж важно знать, дернул ли стоп-кран в поезде, едущем в Ческе-Будеёвице, сам Швейк или кондуктор; оставим Швейку право на тайну.

С этим хорошо согласуются как иллюстрации Йозефа Лады к роману, так и навеянная ими фигура доброго солдата в кукольном фильме Иржи Трнки: эта кукла загадочна, как Голем! Менее удачной именно с точки зрения тайны образа кажется — хотя это тоже подражание рисункам Лады — фигура Швейка в кинодилогии «Добрый солдат Швейк» и «Покорно докладываю» (1956–1957, режиссер Карел Стеклы), при том, что эту роль исполнял сам Рудольф Грушинский: даже такой актер не удержался от того (возможно, следуя режиссерскому замыслу), чтобы не показать за личиной, созданной Ладой, второй, якобы скрытый плутовской пласт. Но именно этого *образ* Швейка не требует: в своей первоначальной, авторской версии Гашека Швейк — это чистейшая детская невинность!

Также в психику Швейка роман вторгается в минимальной степени: можно по пальцам пересчитать фразы типа *Швейк подумал*. Попытка потрогать что-то за личиной Швейка и его поступками столь же безнадежна,

как когда кошка шарит лапкой за зеркалом. Именно поэтому мы не можем согласиться с пониманием Швейка как маски, изложенное в откровенном и многообещающем рассуждении о Швейке режиссера Эльмара Клоса¹.

Дело в том, что маска предполагает спрятанное за ней «истинное лицо». Швейка же нельзя назвать двуликим; в качестве продолжения импульса он ни в коей мере не раздвоен. Концепт маски в конце концов мог бы привести нас к такому сомнительному выводу, к какому пришел после Второй мировой войны Э.Ф. Буриан: в его театральной постановке романа Швейк в конце демонстрирует публике свое новое, светлое лицо пролетария, с которого спала маска хитрого саботажника. (Если и говорить о масках, то некое их подобие носят скорее окружающие Швейка персонажи: жандармы и офицеры, выставляющие напоказ верность империи и служебное рвение).

Зато мы наблюдаем в *образе* Швейка многие интеллектуальные и физические черты, имеющие отчетливо «внечеловеческий» характер: то «неубывание» и «абсолютизирование», которое можно было бы определить как склонность к «трансцендентальному». У Швейка отличная память, он удерживает в своей голове все имена и адреса лиц, о которых ведет речь, его повествование нигде не имеет сходящейся перспективы, не ускоряется, не дробится и нигде не может быть прервано; когда Швейк рассказывает, всё вокруг умолкает и застывает, как в сказке о Спящей красавице или при исполнении арии в традиционной опере. Всё здесь выглядит как равномерно закругленный, гладкий кубистический параллелепипед, лишенный всего, что мешает, и линейной перспективы.

То же отсутствие точек схода — убывания сил — характеризует и физическое существо Швейка:

¹ (*ek*) Jen četba nebo taky podívaná? (Stručný úvod do haškovské dramaturgie) // Kłos E., Taussig P. Hašek a film aneb Film a Hašek. Praha, 1983. S. 27.

ему нипочем серия клистиров, которые ставят в госпитале для излечения симулянтов, и на маршах, когда другие падают от изнеможения, Швейк шагает без малейшего намека на усталость, да еще и напевает. Заявка на «реалистическое» представление образа Швейка тем самым оказывается весьма слабой.

В своем рассуждении мы вновь наталкиваемся на трудности, возникающие тогда, когда читатель видит в фигуре, проецируемой естественным «ноэтическим эффектом» рецепции в направлении *от текста наружу*, сверх того еще и реальный внешний коррелят образа: естественная ноэтика рецепции при этом регулируется ошибочной онтологией. Наоборот, отречение от этой наивной веры позволяет впервые разглядеть структуру произведения, которое отказалось от «реального» модуса, понять заключенное в нем послание² (всё, что было невидимым при господстве «наивной веры») и получить в результате полноценное художественное впечатление! Так вот Швейк не ждет, пока реципиент произведет эту операцию отречения; напротив, постоянно аннулируя исходящие от него слабые импульсы к реалистической вере своей склонностью к «принципиальному», не убывающему и абсолютному, этот герой сам побуждает признать его задуманным чисто интенционально. Литературная критика здесь может двигаться параллельно с феноменологическим анализом кубистических произведений изобразительного искусства, создававшихся приблизительно в то же время, что и образ Швейка³.

Колебания между нерешительной заявкой на реализм и решительным отказом от него начинается,

² Cp.: *Sepp H.R. Kandinsky, Husserl, Zen // La part de l'oeil, Dossier: Art et phénoménologie. 1991. № 7. S. 209.*

³ *Ibid. S. 205–210. Cp. также: Sepp H.R. Phänomenologische Reduktion und konkrete Kunst. Zur Affinität von Phänomenologie und moderner Malerei am Beispiel von Husserl und Kandinsky // La fenomenologia e la arti. Milano, 1991. § II.*

как это следует из двух замечаний Гашека⁴, еще с предыстории героя: идею романа Гашек записал двумя словами: «ротный дурачок», но позже он был разочарован, услышав, как «один человек обзывал другого: "Ты глуп, как Швейк"» (I, 187).

Колебания, завершающиеся отказом от реалистической веры, усиливают художественный эффект произведения. Образ Швейка, подталкивающий к отречению от «веры» (что реципиент не обязательно должен осознавать, достаточно того, что он охвачен этим процессом), заметно отличен от образов других персонажей романа: они хотя и подчиняются в конечном итоге отрицанию реального статуса, как и вообще все атрибуты произведения, но не напрашиваются на редукцию с такой готовностью, как Швейк. В них намного больше «реалистического», эмпирического, релятивистского, чем в Швейке; они способны индуцировать какой-то проблеск веры в реальное существование коррелята литературного образа, фигура же Швейка с ее отчетливо интенциональным характером выглядит среди остальных персонажей как тело из иной планетной системы.

При универсальном исследовании мира переключение модусов происходит одномоментно, в результате «тотального изменения естественной позиции»⁵, тогда как в художественном произведении столько амбивалентного, что здесь переключение может быть многоступенчатым: в нашем случае оно является одномоментным для Швейка и более затяжным у других персонажей. В итоге они, однако, могут легче вписаться в рамки привычного восприятия при экранизации. Их «релятивистское», «эмпирическое» поведение может придать им на экране более выразительный профиль, чем у Швейка, даже тогда, когда исполняющий эту роль актер отказывается от исключительности,

⁴ *Blažiček P.* Haškův Švejek. Praha, 1991. S. 16.

⁵ *Husserl E.* Krize evropských ved a transcendentální fenomenologie. Praha, 1972. S. 170n.

которую диктует ему роман, и приспосабливается к остальным персонажам: так, фельдкурт Кац в исполнении Милоша Копецкого в дилогии Карела Стеклового выразительнее Швейка. (Успех Карела Нолла в нескольких немых фильмах 1926–1927 годов мог быть обусловлен, кроме прочего, присутствием на экране письменного текста: субтитры со знаменитыми швейковскими историями соответствуют читательскому опыту, они не так мимолетны, как произносимые слова, и не отягощены мешающей восприятию физиологией речевых органов).

Возможно, стоит подумать над представлением романа Гашека в *полиэкранной* версии или в стиле «Латерны магики»: романному видению образа Швейка, который словно явился из другого космического пространства, в этом случае соответствовало бы то, что на экране, отведенном Швейку, царила бы иная художественная условность, нежели на экране, предназначенном для остальных персонажей⁶.

Над «Швейком-принципом», исключаяющим какое бы то ни было психологическое соотнесение, находится плоскость знания реципиентом контекстов, в которые включен роман: исторического, географического, литературного. Вся абсурдность высказываний и поступков Швейка, которую мы — в целях формализации данного персонажа — отказались относить за счет его мнимой психологии и намерений, возникает именно благодаря напряжению между этими контекстами и «постулативной пустотой» образа Швейка!

К названным контекстам, существующим в сознании зрелого читателя, может относиться в том числе и литературно-критический опыт: мы уже упоминали — пусть и в отрицательном смысле — о возможной трактовке Швейка как *маски*; добавим к этому понимание Швейка как *связующей нити*. Хотя здесь это может быть не так важно, но образ Швейка всё же

⁶ Mathauser Z. Švejková interpretací anabáze // Film a literatura. Filmový sborník historický. Praha, 1988. S. 173–197.

перерастает роль «пассивной нити», на которую нанизываются отдельные анекдотические истории. В силу своей «пустоты» и в силу того, что он участвует в напряжении, о котором была речь выше, Швейк эти истории скорее инициирует, чем нанизывает их друг за другом, будто на нитку. Еще одна возможная концепция — это Швейк как *нарративный принцип*. Ему неведом страх смерти, которого он не испытывает даже перед полевым судом, собирающимся отправить его на виселицу. Швейк непреходящ, эпическое течение повествования без его присутствия в нем не могло бы продолжаться. Однако и такое понимание является лишь результатом дедукции, а не непосредственного наблюдения — рационального наблюдения, какого требует феноменологический подход.

То, что строгий, внимательно вчитывающийся в произведение реципиент действительно видит и переживает, — это абсурдное несоответствие между тем, что вокруг Швейка происходит, и его «реализаторской» ролью простого «продолжения импульсов», поступающих к нему, «зеркального отражения» дискурсов, в которые он оказывается вовлечен. При интерпретации романа важно стараться не сломать острие этих блестящих эффектов несоответствия и абсурда, которые — что следует особенно подчеркнуть — имеют *апостериорный* характер (они возникают исключительно в результате конфронтации *пустого*, формализованного образа Швейка с заполненным окружающим его контекстом). Острие же это, к несчастью, ломается, когда данные эффекты проецируются *post factum* в область мнимых априорных намерений Швейка. То, что должно возникать вследствие напряжения между пустотой образа и контекстным наполнением, при интерпретации, относящей всё за счет «намерений» Швейка, дискредитируется.

Перейдем теперь к самому важному пункту, обещанному во вступлении. Речь шла о литературоведческих моментах, которые в произведении напрямую не заметны, но с той или иной степенью правомерности

их можно вывести из текста (Швейк как нить для нанизывания историй, Швейк как необходимый нарративный принцип). Существует, однако, и еще нечто такое, что напрямую незаметно в самом образе Швейка и что тем самым выходит за рамки строгой литературоведческой интерпретации, принадлежа скорее к сфере историко-культурных реминисценций на тему общественного резонанса данного персонажа. Это представления о нем читателей, десятилетиями придающих реальные черты предмету изображения, который был задуман как *внеположенный*: здесь речь идет уже не о непосредственном видении образа, но о его «доводке» в воображении. Рассуждая о рецепции произведения в широком смысле, мы не можем обойти стороной и этот аспект.

Тот факт, что такое произведение, как роман Гашека, в отличие от прежней модели литературы, представляет в *образе* героя в большей или меньшей степени «пустоту» (важное понятие герменевтической критики!), кажется, предъявляет некое новое требование и к теории. Прежняя концепция, согласно которой читатель «реализует» предлагаемую в произведении предпосылку, как правило, могла исходить из того, что уже в самой предпосылке, в образе героя, заключено какое-то «наполнение характера», которое читатели только по-разному модифицируют; это, в свою очередь, позволяло удерживать и то, и другое — предлагаемое в произведении и читательские реализации — в едином литературоведческом контексте: речь шла о взаимодействии творения автора и его реализации реципиентом. Теперь же расширяется диапазон самой рецепции: в нее — по крайней мере, в случае внимательного читателя — входит уже и восприятие *пустоты характера* в образе героя, рождающее соблазн заполнить этот вакуум. При теоретическом осмыслении этого состояния довольно резкая граница с неизбежностью будет проходить между строгой литературной критикой и более свободной историей культуры. До сих пор мы стояли на позициях строгого — феноменологически

контролируемого — анализа собственно *образа* героя. Однако мы ни в коей мере не хотим пренебрегать и историко-культурным интересом.

Впрочем, есть одна область, связанная с интересом к истории культуры, которую мы здесь оставляем в стороне: это историческая идентичность лиц, которых можно в той или иной мере считать прототипами персонажей романа. В этой связи лишь укажем на полную открытий — в том, что касается документирования судеб этих прототипов, — книгу известного российского чапеко- и гашековеда С.В. Никольского «История образа Швейка»⁷. В качестве носителя имени, которое Гашек дал герою своих произведений еще в 1911 г., автор, следуя давней традиции, называет проавстрийского политика Йозефа Швейка, однако намного более реальным прототипом считает его тезку, молодого ремесленника, с которым Гашек общался в Праге и позднее, в русском плену. Этот Швейк был вместе с представителями разведки легионеров назначен в патруль, который должен был арестовать дезертира Гашека, но якобы предупредил его и содействовал его бегству до прихода патруля. Мы не касаемся здесь этой интересной идентификации, поскольку под коррелятом образа понимаем не прототип, а читательскую проекцию образа в область реальных представлений.

Если говорить о внимании к читательским реализациям образа с точки зрения истории культуры, мы, само собой, не можем не заметить ни гигантского расстояния между ними и пустотой образа (например: Швейк, конечно же, никакой не саботажник и не фальсификатор приказов, это противоречит тому, что вне всякого сомнения составляет суть *образа* Швейка в произведении: его роли исполнителя, продолжателя внешних импульсов), ни расхождений между самими этими реализациями.

⁷ Никольский С.В. История образа Швейка. Новое о Ярославле Гашеке и его герое. М., 1997. С. 75–100.

Так, в рамках одной группы читательских рецензий Швейк трактуется как *социальный* тип; при этом в деталях такие рецензии расходятся: Швейк — любящий пиво мещанин, Швейк — представитель люмпен-пролетариата, у Э.Ф. Буриана даже сознательный пролетарий, скрывающий под маской лукавства истинное направление своих мыслей. В других случаях находим то или иное *психологическое* определение: для кого-то Швейк — беззаботный флегматик, для кого-то — хитрый приспособленец, мистификатор. Иногда речь идет о *житейской ориентации*: то он саботажник, то, наоборот, положительный жизненный тип. Наконец, идут в ход *артистические* типы: Уленшпигель, Санчо Панса либо даже артист кабаре в военной форме.

Мы начали наши рассуждения с метафоры мелового круга, сквозь который к истинному образу Швейка не позволяет проникнуть никакая психологическая или вообще содержательная интерпретация; теперь словно *на внешней стороне* мелового круга появилось множество облиций Швейка, которые настойчиво пытаются пробить его, чтобы отождествить себя с образом, созданным Гашеком.

Богатое генерирование форм — известный признак символа, который здесь возник из феноменологической концепции романа. К заслугам доброго солдата Швейка, по-видимому, следует отнести и то, что он в своем роде способствовал сближению двух великих тенденций: символистской и феноменологической.

Перевод с чешского С.С. Скорвида

*Л.Ф. Широкова***КОМИЧЕСКОЕ В ПРОЗЕ Я. ЕСЕНСКОГО**

Янко Есенский (1874–1945) — «писатель двух стихий»¹, по определению А. Матушки, — прозаик и не менее масштабный поэт, автор нескольких сборников стихов, романа, многочисленных рассказов разных лет, вошедших в три книги («Провинциальные рассказы», 1913; «Новеллы», 1921; «Из старых времен», 1935).

Комизм в его произведениях, даже в стихах, часто сочетается с иронией и сатирой. Это во многом связывает его с чешскими писателями их общего государства того же межвоенного периода, о которых так интересно и глубоко писал в своих работах С.В. Никольский. Это и Ярослав Гашек, «едва ли не самый веселый сатирик нашего века»², и Карел Чапек, который «обладал многогранным дарованием. Его перу была подвластна и поэзия, и драматургия, и проза, малые и крупные жанры. [...] В основном, однако, — подчеркивает С.В. Никольский, — Чапек известен как фантаст, сатирик и юморист»³.

С.В. Никольский отмечает, К. Чапеку был свойствен не только интерес к социальной проблематике тех лет, но и особый сатирический взгляд на действительность, сочетающий в себе и признаки иной, сконструированной им реальности. Созданный писателем фантастический мир «был одновременно и ироническим зеркалом несовершенства и пороков современных общественных отношений, — пишет исследователь. — Его творчество — царство неистощимой выдумки, философских вопросов и злободневной сатиры»⁴.

¹ *Matuška A. Profily a portréty. Bratislava, 1972. S. 123.*

² *Никольский С.В. Карел Чапек — фантаст и сатирик. М., 1973. С.1.*

³ Там же. С. 3.

⁴ Там же. С. 5.

Я. Есенский также создает сатирическую модель общества, мозаично складывающуюся из его рассказов, а затем представленную и более целостно в романе «Демократы» (1934, 1938). Основы его комизма исследователи видят как в ироническом складе его ума, способности подмечать смешное и социально уродливое, так и в личном опыте писателя, много лет служившего на административных постах разного уровня — и в словацкой глубинке, и в столице Братиславе.

Виды и формы комического в произведениях Есенского менялись на разных этапах его творчества, однако сохранялись присущие ему ирония и самоирония. Сатира, даже в романе «Демократы», не несет в себе резко обличительного пафоса, она часто строится на комизме положений, характеристик, портретов.

Роман представляет собой своего рода альбом с такими «портретами» персонажей и «видами» мест, где пришлось побывать центральному герою произведения, молодому юристу Яну Ландику. Городок Старе Место — Словакия 1930-х гг. в миниатюре, а комические и сатирические персонажи рассказов писателя дополняют эту картину типов и нравов.

Писатель пользуется довольно мягкими средствами иронии и комизма при характеристике персонажей (и ситуаций), не подвергаемых осмеянию, — это Ян Ландик, отчасти — мясник Толкош, ироничная тетушка Корнелия и др. Сатирический пафос усиливается во второй части романа, где сюжет разворачивается в столице края — Братиславе в разгар подковерной политической борьбы, выборов в парламент, скандалов и разоблачений. Линия Ландика отходит на второй план, в центре оказывается его дальний родственник карьерист Петрович, его семейство и окружение.

В романе Есенского присутствует и прием своего рода смягчения сатирической остроты, о котором говорил С.В. Никольский по отношению к драматургии Чапека, — это создание мелодраматических ситуаций. Мотивы мелодрамы прослеживаются в судьбе

сироты Ганки, которая оказывается дочерью богатого промышленника Дубца. Разоблачению бессердечного отца, бросившего некогда жену с ребенком, способствует броский элемент — кольцо с рубином, мелькающее в сюжете то в повествовании о несчастной, брошенной Дубцом жене, то оказывающееся на руке Ганки при его встречах с Ландиком.

Сама Ганка — персонаж скорее идеальный; это не обычная кухарка, она молода, красива, искусна в своем деле и выгодно отличается от местных городских «вертихвосток». Ландик по ходу сюжета несколько раз «забывает» о ней и своих чувствах, увлекаясь то братиславской барышней Желкой, то собственной карьерой, однако всякий раз возвращается к ней, как к чему-то настоящему, не фальшивому. Писатель обозначает Гану в романе яркими «метками», заостряя внимание читателя то на рубиновом перстне, то на красных туфельках, которые купил ей в подарок Ландик.

К самому Ландику применимы слова Чапека, процитированными С.В. Никольским в его книге: «...человек обычно подумает не то, что следовало бы, скажет не то, что думал, а другие поймут его не так, как он сказал»⁵. Ландик часто попадает, сам того не подозревая, в неожиданные, почти невероятные ситуации. Так, во второй части романа на него пишут пять доносов и их разбирает сам президент края в Братиславе; его хотят наказать, но продвигают по службе; пик его столичной карьеры выразился в абсурдной сцене встречи индийского короля, приветственную речь которому, вместо президента, доверили написать и произнести Ландику.

В первой же сцене романа в пародийном свете представлен «I-й учредительный съезд» партии «Равноправие», проходящий в замызганной корчме провинциального городка. Ее основатели — молодой юрист Ян Ландик и видный горожанин, мясник Толкош, предварительно пересчитавшие многочисленные партии, союзы, лиги, кружки и общества, приходящиеся на местное пятитысячное население: «Тут у нас

⁵ Никольский С.В. Карел Чапек — фантаст и сатирик. С. 159.

красный “Сокол”, синий “Орел”, интернациональное “Физкультурное объединение”, скауты христианские и еврейские маккавейцы, туристы, Матица, Просветительский союз, Земледельческое общество, Словацкая лига. Да если бы только одна лига! Есть еще и Лига мира, которая хочет остановить войну. Как же, остановит она ее! Лига Масариковская, Лига авиаторов, Красный крест, Белый крест, Живена, Общество словацких женщин, и потом — что ни столик в корчме, то отдельное общество...»⁶)

Практические шаги, заявленные «партией», состоят в демонстрации социального равноправия с молодой кухаркой Ганой. Мясник Толкош не прочь завести с ней серьезное знакомство, однако опасается за свой престиж в глазах почтенных сограждан, Ландик же на спор соглашается провести этот опасный эксперимент.

Писатель часто использует характеристику-гротеск, дает детальный портрет персонажа в духе карикатур и рисунков Йозефа Лады. Так, начальник канцелярии, где работает Ландик, пан Бригантик — это «параграф вместо головы»: «Губы у него были вытянуты трубочкой, большой мясистый нос с широким хоботком свисал над верхней губой, прикрывая сизоватые усы, так что вверх торчали только острые набриолиненные концы. При этом выражение лица было такое, будто все кругом испускало зловоние». Похожие портреты-карикатуры Есенский пишет с Дубца, Толкоша, даже с Ландика, которому он в целом симпатизирует, вкладывая в этот образ часть собственного опыта. Тем не менее, Ландик — «худой, с острыми чертами лица, с немного торчащими передними зубами, между которыми — щелка, как у пустельги-свистуна».

Иронические штрихи проникают не только в портрет, но и в характеристику Ландика, человека честного, но легкомысленного, немного самовлюбленного и с предрассудками: «Он резко взмахнул рукой и в душе порадовался своему красноречию»; «Он

⁶ Цитаты по изданию: *Jesenský J. Spisy. VII. Bratislava, 1966*. Перевод автора статьи.

придумывал афоризмы, старые как мир, ему же они казались свежими»; «Прогулки нужно было идейно подкрепить, в его голове начали роиться аксиомы»; «Он просмотрел свод своих должностных обязанностей, там не было ничего, что бы помогло выбрать подарок кухарке». Словацкий исследователь Оскар Чепан замечает в своей книге «Проза словацкого реализма» о языке Есенского: «Питательной почвой экспансии комизма в прозе Есенского является оппозиция двух различных лексических слоев, из которых второй, как правило, приземленный в социальной сфере человека, снижает первый слой, взлетающий на поэтический или романтический уровень. Казуальная связь этих двух слоев при этом бывает ослаблена или полностью нивелирована ради комического звучания этого необычного симбиоза»⁷.

Гротескно описано вступление Ландика — из карьерных соображений — в авторитетную аграрную партию: «Почем вступить в организацию? — Двадцать пять крон, — ответил политик. — Получите. — Так Ландик стал членом Республиканской аграрной партии... А значит, перестал быть отдельной человеческой единицей, а стал целой могучей и влиятельной по тем временам партией».

Комизм положений особенно ярок в описании празднеств в Братиславе с ворчливым комментарием: «В этот месяц празднества были великолепны. В Братиславе все выглядело как во время землетрясения. Дома хоть и не падали, но кренились под тяжестью знамен. Город почти каждый день озаряла иллюминация ("Ну конечно, на это у них деньги есть", — ворчали недовольные). К военному параду присоединялись соколы, орлы, скауты, студенты ("Нет, чтобы учиться!"), дети ("Не хватало только детей!")».

В речевой характеристике бюрократической среды писатель часто применяет каламбуры. Это иллюстрирует, например, пародийная сценка в Братиславе, когда словацкий язык не поспевает за бюрократическими реалиями: Ландик, обращаясь к чиновнику, называет его на чешский манер «*pán vrchní rada*», а тот

⁷ Čepan O. *Próza slovenského realizmu*. Bratislava, 2001. S. 216.

поправляет: «Radca, po slovensky radca. Vrchný». И Ландик по аналогии называет Братиславу «Верхним городом Словакии», на что получает пояснение: «Главный! Главным может быть только один город, а верхних хоть сотня. Этого даже в Матице не понимают. А у нас целый том есть по этому вопросу».

Другой пример — телефонный разговор чиновника: «Барышня, дайте мне доктора Зайца... Это из отдела организации торжеств, — он подмигнул Ландику. — Не отвечает?... Отскочил на торжества?... Это его заместитель Отскочил?... Или оба они?... Отскочил у телефона?... Слава богу...»

Комическая характеристика нередко принимает форму анекдота — таков, например, рассказ инспектора Новотного, спасшего тонувшую в реке жену своего начальника Бригантника: начальник сначала поблагодарил спасителя жены в самых выпренных выражениях («Ваша беззаветная отвага, глубокоуважаемый, ваша личная смелость, беспримерное мужество... обязывают меня признательностью на всю жизнь...»), а через полчаса вызвал его к себе в кабинет и сделал строгий выговор за нахождение в служебное время не на рабочем месте, а у реки («Параграф двадцать восьмой»).

Комическая ситуация доводится до абсурда. Так, родные Ландика обсуждают за его спиной баланс выгод и потерь от его возможной женитьбы на кухарке. Сухой и расчетливый средний брат Штевка использует «экономическую» терминологию: «Объединение брата с кухаркой — нереальное предприятие, поскольку брат вкладывает в предприятие и свой ум, и все средства своего капитала, тогда как кухарка даже и теперешние дивиденды от своей трудовой деятельности теряет. Остается одна только жизнь в чистом виде, то есть мертвый капитал, который ничего не приносит». Его жена рассуждает с позиции домохозяйки о том, что и ей тоже пригодились бы кухарка. Старший брат, торговец-бакалейщик, мыслит своими категориями: «Яник — это кофе с тремя звездочками, кухарка — кофе с одной звездочкой. Я бы не советовал смешивать сорта».

Комическое Есенский подмечает даже в «святых» и неприкосновенных ценностях — в классической

словацкой литературе. Выбирая для Ганы, представительницы простого народа, книгу в своей библиотеке, Ландик рассуждает: «Гана не поймет Ваянского. Да и в Кукучине не найдет никакой прелести» (при этом он цитирует характерные и невразумительные места). «Взял в руки Сладковича: “Юность, отчизна горящих желаний!” Красиво, но не для Ганы. Она подумает: “Какие еще горящие желания? Керосин горит, в печи горит, на сковородке может пригореть, но чтобы желания горели?”. Читая Гвездослава, он вообще махнул рукой. И для кого только эти люди пишут?»

Несколько раз Есенский устами своих персонажей иронически отзывается и о современной литературе. В сцене спора Ландика с тетушкой Корнелией «Он встал на сторону “модернистов”. Похвалил их за “новые пути” и “достижения”. Говорил о “виталистическом натурализме”, феноменологическом реализме, дадаизме, надреализме, структурном реализме, об упадке индивидуализма и банкротстве иллюзионизма, — все это он вычитал в какой-то книге, удивляясь при себе, сколько же всего нужно знать этим поэтам».

Тетушка в этом споре явно выражает взгляды автора: «Модерное — это то же самое, что модное, нынешнее, современное, сегодняшнее, такова может быть прическа, шляпка, платье, песенка — все временное, хорошо если на один сезон. Каждый уважающий себя писатель должен отрешиваться от такого определения — “современный”. Это значит, что ему никогда не быть великим и не остаться здесь надолго».

В заключение хочется еще раз отметить особые качества упомянутых и оставшихся за пределами этого сообщения многочисленных работ С.В. Никольского — это не только глубина анализа и увлекательность изложения, основанная на увлеченности материалом, но и способность пробудить в читателе ответную реакцию, стремление применить схожие подходы и методы исследования в своей работе.

Л.П. Лантева

**ПРОФЕССОР МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА Ю.В. ГОТЬЕ И ЕГО ЛЕКЦИИ
ПО СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ ЮЖНЫХ
СЛАВЯН**

До Октябрьской революции 1917 г. в российских университетах не существовала специальная кафедра истории славян. Славяноведение было предметом преподавания кафедры славянской филологии, и хотя основное внимание её профессорско-преподавательского состава было сосредоточено на обучении славянским языкам, древнеславянскому языку, памятникам древней письменности, палеографии и литературе нового времени, история зарубежных славян также занимала значительное место в учебном процессе. История славян ещё в 60-х гг. XIX в. выделилась в специальный предмет преподавания. С конца XIX в. на историческом отделении историко-филологического факультета читали обзорный курс истории зарубежных славян, в предреволюционные годы были организованы семинарские занятия, некоторые студенты стали специализироваться по истории славян. Следует отметить, что профессора-слависты в российских дореволюционных университетах были универсалами как по своей подготовке, так и по практике преподавания славяноведения. Они владели древнеславянским, многими современными славянскими языками, знали языки древние и несколько современных европейских языков. В практической деятельности, особенно в провинциальных университетах, где славистов всегда не хватало, один профессор славист преподавал и языки, и другие языковедческие предметы, и славянские литературы и читал курс лекций по истории зарубежных славян. «Чистых» специалистов по истории славян не было до 1905 г., и лишь за год до этого Санкт-Петербургским университетом был специально подготовлен историк славист.

Им стал ученик В.И. Ламанского Н.В. Ястребов¹, который до 1918 г. работал в Санкт-Петербургском университете в качестве приват-доцента (за неимением профессорской должности на кафедре).

Необходимо подчеркнуть, что преподаватели-универсалы для своей научной работы избирали какую-то определённую область славяноведения — лингвистику, литературу, историю и т. д. Подавляющее число ценных сочинений по истории южных и западных славян разного периода было в России создано именно университетскими профессорами. В ряде университетов и в разные периоды чтение лекций по истории славян поручалось византинистам, всеобщим историкам, историкам России. Так в Московском университете несколько лет перед Октябрьской революцией историю западных славян читал профессор русской истории, опубликовавший также ряд серьёзных исследований по истории Польши, — М.К. Любавский². Лекции по истории южных славян в тот же период читал профессор также русской истории Ю.В. Готьё. Имя этого учёного (как впрочем и М.К. Любавского) хорошо известно в историографии по истории России. Его труды упоминаются во всех обзорах по этому предмету, в той или иной степени подвергаются анализу, даётся им оценка, определяется место и значение их в отечественной науке.

Немало статей было написано о Ю.В. Готьё в связи с кончиной учёного в 1943 г. Новое поколение историков отметило столетие и 125-летие со дня рождения Ю.В. Готьё достаточно обильной литературой

¹ См.: *Лаптева Л.П.* Николай Владимирович Ястребов (1869–1923) как исследователь истории Чехии // *История и историки. 2005. Историографический ежегодник. М., 2006; Л.П. Лаптева. История славяноведения в России в конце XIX — первой половине XX в. М., 2012. С.218.*

² См.: *Лаптева Л.П.* История славяноведения в России в конце XIX — первой половине XX в. М., 2012. С. 120–140. Литература о нём там же. С. 124.

о его творчестве и жизненном пути. К числу последних, по времени, сочинений, где характеризуется творчество Ю.В. Готье, относится весьма интересная и ценная книга В.В. Тихонова «Московские историки первой половины XX века»³. Здесь творчество учёного рассматривается в контексте научной деятельности младшего поколения учеников знаменитого русского историка В.О. Ключевского и вообще в рамках так называемой московской школы историков России. Что касается лекций Ю.В. Готье по истории южных славян, то о них в научной литературе упоминается редко, их содержание и оценка в историческом славяноведении отсутствует. Между тем они представляют большой интерес как с точки зрения изучения истории славян в России, так и исторической науки в целом. Отметим, что лекции профессоров, преимущественно специализирующихся по истории России, в большинстве случаев были более оригинальными и самостоятельными в суждениях, чем, например, курсы некоторых профессоров-филологов, которым приходилось читать историю славян. Профессора-русисты, как бы обладали большим кругозором и более глубоко владели методами современного исследования исторических источников. Всё это позволяло профессорам-русистам иметь собственную концепцию истории славян вообще и частных явлений и процессов.

Сказанное выше не умаляет роли историков-славистов в развитии славяноведения. Именно их трудами были созданы те духовные богатства в изучении истории зарубежных славян в России, которые вывели вперед русскую науку в Европе накануне революции

³ Тихонов В.В. Московские историки первой половины XX века. Научное творчество Ю.В.Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева, С.В. Бахрушина. М., 2012. Здесь автор кратко характеризует курс лекций Ю.В. Готье по истории южных славян, см. с. 153–156. В книге также имеется почти исчерпывающая литература о творчестве учёного. Отсылаем читателя к этой литературе, помещённой в «Примечаниях» к главам монографии В.В. Тихонова.

1917 г. Труды русских историков-славистов стали образцом, а подчас и источниковой базой в формировании исторической науки в образовавшихся в новое время самостоятельных южнославянских государствах. К числу замечательных историков-русистов относился и Юрий Владимирович Готье (1873–1943). Историк, археолог, архивовед, библиограф, он был потомком эмигрантов из Франции. Его предки прибыли в Россию в период правления Екатерины II. Прадед Ю.В. Готье, представитель третьего сословия древнего галльского города Сен-Кантен, продолжил занятие коммерцией, а отец будущего учёного являлся владельцем большого книжного магазина на Кузнецком мосту в Москве. Но будущий историк не захотел поддерживать семейное дело, и отец магазин продал в 1895 г. Ю.В. Готье после окончания гимназии поступил на историко-филологический факультет Московского университета и с 1891 по 1895 г. слушал лекции и участвовал в семинарах В.О. Ключевского, В.И. Герье, П.Г. Виноградова и молодого приват-доцента П.Н. Милюкова. Ещё в бытность свою в университете, как писал Готье, с особым интересом он занимался вопросами русской истории, что главным образом выражалось в работе по истории колонизации южных областей московского государства.

По окончании университета Ю.В. Готье прошёл годовую военную службу, а затем преподавал историю в московских гимназиях и на Высших женских курсах В.И. Герье. Одновременно он служил в Московском архиве министерства юстиции, а с 1898 г. в библиотеке Румянцевского музея. В это время Ю.В. Готье готовился к сдаче магистерского экзамена, по программе, выработанной в соответствии с указаниями профессора В.О. Ключевского. Экзамен он сдал в 1900 г. «С этого времени, — пишет в автобиографии Готье, — мои занятия в области русской истории сосредоточились главным образом на исследовании архивного материала по истории землевладения и сельского хозяйства

в XVI–XVII столетиях»⁴. В 1902 г. Готье был избран действительным членом Московского Археологического общества, в деятельности которого принимал участие с 1897 г. По поручению Императорского Археологического общества он изучал архивное дело в Швеции, куда был командирован. Результатом поездки стала публикация нескольких работ учёного, в том числе «Стокгольмский государственный архив» и «Смоленские акты из архива г. Брахе»⁵, а также «Известия Эрика Пальмквиста о России»⁶. В 1903 г. Ю.В. Готье был принят приват-доцентом в Московский университет по кафедре русской истории⁷. В 1906 г. Готье защитил магистерскую⁸, а в 1913 г. докторскую диссертации⁹ по истории России XVII–XVIII вв. и стал с 1915 г. экстраординарным, а с 1917 г. был утверждён ординарным профессором русской истории Московского университета. Таким образом, на историко-филологическом факультете Московского университета Ю.В. Готье преподавал с 1903 по 1918 г., но после ликвидации этого факультета в 1919 г. Готье стал читать курс археологии на новом факультете общественных наук и стал членом Академии истории материальной культуры. Лекции Ю.В. Готье по истории

⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 492. Л. 87 — краткие сведения о жизни магистра Ю.В. Готье. 1 марта 1903 г.

⁵ Готье Ю.В. Смоленские акты из архива г. Брахе // Труды Археологической комиссии МАО. Вып. 1–2. М., 1897.

⁶ Готье Ю.В. Известия Эрика Пальмквиста о России // Археологические известия и заметки. 1899. № 3–4.

⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 492. Л. 86 — Сообщение попечителя Московского учебного округа о принятии магистра Юрия Готье в число приват-доцентов Московского университета. 30 апреля 1903 г.

⁸ Готье Ю.В. Замосковский край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М., 1906.

⁹ Готье Ю.В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. I. Реформа 1727 года. Областное деление и областные учреждения 1727–1775 гг. М., 1913.

материальной культуры содержали ценный материал и были впоследствии изданы¹⁰.

В середине 20-х годов учёный перешёл в созданный тогда Институт истории РАНИОН¹¹. В 1922 г. Готье был избран членом-корреспондентом Академии наук. Ю.В. Готье принадлежал к числу талантливых и блестяще образованных русских историков. Он пользовался репутацией скрупулёзного архивного исследователя, изучал, главным образом, социально-экономическую историю России и являлся одним из крупнейших представителей дореволюционной исторической науки в России. Что касается его политических взглядов и мировоззрения в целом, то они отличались западнической ориентацией и в то же время патриотизмом, характерным для русской недворянской либеральной интеллигенции. Октябрьскую революцию Готье встретил крайне враждебно. Он считал её национальной катастрофой и полагал, что в этом виноваты все: царское самодержавие, временное правительство, политические партии и вся русская интеллигенция. Во время революции 1905 г. он примкнул к партии конституционных демократов, но вышел из неё уже весной 1906 г. из-за разногласий в тактике. Он обвинял кадетов наравне с другими партиями в политической амбициозности и равнодушии к интересам страны. У Готье не было расположения к какому-либо отдельному классу общества. Он ненавидел большевиков и революционеров вообще, с неприязнью относился к народу, называя его не иначе как «гориллы», большевистских деятелей еврейского происхождения называл

¹⁰ *Готье Ю.В.* Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы до основания Русского государства. I Каменный век. Бронзовый век. Железный век на юге России. Л., 1925; Он же. Железный век в Восточной Европе. М–Л., 1930. О нём также см.: *Арциховский А.В.* Ю.В. Готье как археолог // Доклады и сообщения исторического факультета МГУ, 1945. Вып. I.

¹¹ Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.

жидами, захватившими власть с помощью насилия и т.д. В общем, в сложных условиях жизни у этого умеренно-либерального интеллигента обострились черты шовинизма и антисемитизма. Он считал, что в России нет ни одной общественной группы, способной цивилизованно обустроить страну, за исключением того узкого слоя интеллигенции, которая происходит от иностранцев, прибывших в далёком прошлом в Россию с цивилизаторской целью и передавших свои способности потомкам. В то же время Ю.В. Готье был весьма прагматичным человеком. Обладая развитым историческим мышлением, он, в отличие, например, от людей его круга — учёных, эмигрировавших из России и ожидавших скорое падение большевистского режима, — считал, что власть большевиков не будет кратковременной и предвидел ряд их тактических шагов, которые действительно были сделаны впоследствии.

Соображения, изложенные выше, Ю.В. Готье высказывал в своём дневнике, который вёл с 1917 г., а прекратил записи в 1922 г. Опасаясь неприятностей (не без оснований) он отдал рукопись на сохранение знакомому американскому профессору Франку Гольдеру, который отправил её в Стенфорд, где она и пролежала до 1982 г. никем не замеченной. Обнаруженный в архиве американским библиотекарем-библиографом Э. Касинцом, дневник в 1988 г. был переведён на английский язык и напечатан. В 1997 г. дневник опубликован на русском языке отдельной книгой под названием «Готье Ю.В. Мои заметки»¹².

Что касается самого Готье, то до 1930 г. он служил заместителем директора Библиотеки им. Ленина, являлся членом Института истории РАНИОН и научным сотрудником других учреждений. Но в августе 1930 г. Готье вместе с другими московскими профессорами был

¹² Впервые на русском языке Дневник публиковался в журнале «Вопросы истории» в 1991–1993 г.: 1991 — № 6–12; 1992 — № 1–5, 11–12; 1993 — № 1–5.

арестован по так называемому «делу Платонова»¹³, который обвинялся в организации монархического заговора. Ю.В. Готье был близким другом петербургского профессора С.Ф. Платонова и обвинялся в том, что будто бы возглавлял московскую «секцию» конспиративной организации. Коллегия ОГПУ приговорила Готье к 5 годам ссылки.

В 1934 г. восстанавливаются исторические факультеты Московского и Ленинградского университетов, возобновляется преподавание истории, Ю.В. Готье возвращается из ссылки и возобновляет профессиональную деятельность. Сначала он преподаёт в МИФЛИ¹⁴, а в 1939 г. возвращается в Московский университет и в том же году избирается действительным членом Академии наук СССР. Умер академик Ю.В. Готье в Москве 17 декабря 1943 года.

В дореволюционный период Ю.В. Готье читал курс истории южных славян в Московском университете. Лекции были изданы литографированным способом в 1916 г.¹⁵ В отличие от лекционных курсов по истории южных славян, прочитанных другими профессорами, чтения Ю.В. Готье имеют ряд особенностей. Ввиду специфики подготовки кадров славистов и организации преподавания славяноведения в университетах России, курсы лекций по истории южных славян часто поручались учёным, занимавшимся древнеболгарскими и древнесербскими памятниками письменности, древней литературой южных славян, творчеством отдельных деятелей культуры и т. д., т. е. преимущественно филологам. Ю.В. Готье подошёл к истории южных славян как историк, при этом как историк России. Он считает, что «история славян важна для нас не потому, что мы составляем часть славянского

¹³ См.: *Брачев В.С.* «Дело» академика С.Ф. Платонова // Вопросы истории. 1989. № 5; Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. I. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. СПб., 1993.

¹⁴ Московский институт истории, философии и литературы.

¹⁵ *Готье Ю.В.* История южных славян. М., 1916.

племени, но потому, главным образом, что история некоторых славянских народов ... протекала по временам в очень тесной связи и в тесном взаимодействии с русской историей». «На протяжении более чем тысячелетнего исторического существования русского народа, — говорит автор, — взаимодействие его истории и истории юго-славян было очень различным как по отношению к отдельным из югославянских народностям, так и по отношению к тем или другим хронологическим моментам»¹⁶. По этой причине история сербов и болгар лектором излагалась подробно вплоть до Нового времени, т.е. включая турецкое владычество, освобождение от него Болгарии и Сербии, их устройство и политику в последнюю четверть XIX в. В то же время далматинцы, хорваты, словенцы, по мнению лектора, в истории русского народа не имели почти никакого значения, поэтому освещение их исторических судеб представлено в курсе Ю.В. Готье лишь отдельными экскурсами с целью разрешить частные вопросы историко-культурного характера.

Второй особенностью изложения автором истории южных славян является подробная характеристика источниковой базы. Отмечается малое количество «туземных» материалов: «ни у болгар, ни у сербов не сохранилось таких летописей, какие позволяют с такой подробностью знать нашу древнюю историю; нет ничего равного и латинским хроникам Запада»¹⁷, — говорит лектор. Поэтому он подробно характеризует сочинения и другие памятники византийских авторов, оставивших сведения о славянах начиная с VI в., с момента появления славян на Балканском полуострове до XIV в.

Следует заметить, что Ю.В. Готье подходит к сведениям византийцев критически. Считает их недостаточными и односторонними и находит полезным использовать сведения арабов, западных хронистов

¹⁶ Готье Ю.В. Указ. соч. С. 4.

¹⁷ Там же. С. 13.

и русские летописи. Для изучения внутреннего строя югославянских царств Готье считает очень важным памятники права. К ним он относит договора, заключённые болгарскими царями с Византией, хрисовулы, статуты и особое значение придаёт такому памятнику законодательства, как «Законник Стефана Душана». Источники о новейшей истории Сербии и Болгарии не имеют в труде специальной характеристики. О них говорится только, что они очень разнообразны и богаты и особенно их база обогащается с развитием самостоятельной политической жизни южных славян. Наряду с источниками Ю.В. Готье демонстрирует в своём курсе лекций отличное знание современной литературы, в которой прежде всего обращает внимание на новые теории, концепции и гипотезы. В лекциях излагается в основном политическая история южных славян, что автор объясняет скудостью источниковой базы для разработки социально-экономических проблем. Однако лектор постоянно проявляет интерес к экономическому положению, по его терминологии к «экономическому быту» и социальным отношениям в южнославянских государствах.

Особенно ярко это проявляется в характеристике «Законника Стефана Душана». Если в большинстве лекционных курсов других профессоров при оценке этого источника обращается внимание на его происхождение и место в славянской письменности, а о его экономическом и социальном значении говорится вскользь, то в лекциях Ю.В. Готье анализируется социальная сущность Законника. Автор указывает не только на наличие в сербском обществе разных слоёв господствующего класса, но и объясняет их различие в юридическом и фактическом отношении. Весьма интересной является констатация того положения, что властями в Сербии и великими боярами в Болгарии являются не только сербы и болгары соответственно, но также греки, немцы, влахи, печенеги и половцы. Автором рассматривается происхождение состава господствующего класса и отмечаются общие черты

политического развития древних балканских государств — Сербии и Болгарии. Они часто объединялись под властью единого правителя, ещё чаще враждовали между собой и всегда воевали с Византией то вместе, то порознь. Охарактеризовав права и обязанности всех категорий господствующего класса, форму их собственности и права на неё, автор останавливается на земельных владениях духовных учреждений, их организации и функционировании. Ю.В. Готье подчёркивает, так сказать, классовый характер «Законника царя Стефана», в котором ни словом не упоминается о земельной собственности низших слоёв народа. Проанализировав процесс постепенного стеснения свободных людей, которых Законник называет «себрами», лектор приходит к выводу, что «в царстве Душана едва ли не большинство сельского населения было несвободным»¹⁸. Основное население разделялось на меропах и отроков. Меровхи — крестьяне, сидящие на земле землевладельца, — выполняли барщинные повинности и платили денежный оброк. За самовольный уход от господина меропах при поимке наказывался клеймением и отрезанием носа. Отрок — сходная категория с меропахом, но отличается в вопросе подсудности: меропах судится царским судьёй, отроки — своим господином. Третьей категорией являлся холоп, но Законник о нём ничего не говорит, так как на Балканском полуострове рабство регулировалось нормами византийско-римского права, которое рассматривало раба как вещь. Южнославянский холоп был рабом.

Заканчивая анализ социально-экономических отношений, Ю.В. Готье приходит к выводу, что в южнославянских государствах громадное большинство сельского населения в болгарском царстве и сербских землях было несвободным и находилось в крепостной зависимости от властелей или бояр и монастырей. «Опираясь на владение землёй и на своё политическое преобладание, властели, а отчасти также и духовенство

¹⁸ Готье Ю.В. Указ.соч. С. 188.

были действительными владыками страны, но широкие круги населения, бесправные и угнетённые, мало видели пользы от силы и блеска своих царств»¹⁹, — говорит профессор. Характеризуя экономическое положение югославянских государств, лектор констатирует, что главными его чертами было земледельческое и пастушеское занятия населения. Торговля и промышленность были не развиты, хотя по странам разъезжали купцы — немцы и итальянцы. Иностранцев-промышленников привлекало горное дело, известное здесь со времён Римской империи, а местные жители обязанные оберегать торговые пути для иностранцев, «оставались чуждыми самой торговле». Таким образом, «держава Душана, как и земля его соседа Иоанна-Александра болгарского, оставалась земледельческой и пастушеской страной, жители которой истощались войнами и большой балканской политикой государей XIII–XIV столетий, как когда-то земледельцы и пастухи первого болгарского царства истощены были большой политикой царя Симеона»²⁰. Характеризуя причины падения славянских балканских государств, автор лекций обращает серьёзное внимание на экономические и социальные факторы, которые не могли обеспечить политической стабильности средневековых славянских государств и в совокупности с другими обстоятельствами обрекали эти государственные объединения на распад. Подобные выводы вытекают из общей характеристики истории южных славян, данной Ю.В. Готье, что можно отнести к существенным достижениям русской позитивистской историографии, ярким представителем которой был Ю.В. Готье.

Очень достойно излагается вопрос о богомилах. Ю.В. Готье подходит к нему как историк. В отличие от распространённой в русской литературе точки зрения, рассматривающей богомилство изолированно как еретическое учение в рамках греческой церкви и вызванное

¹⁹ Готье Ю.В. Указ.соч. С. 192.

²⁰ Там же. С. 197.

тяжёлым положением народных масс в средневековых балканских государствах, Ю.В. Готье обращается к истокам зарождения этой ереси. Её прообраз он видит в манихействе — дуалистическом учении, заимствованном из древнеперсидской религии. Изложив сущность учения Мани, автор далее останавливается на его эволюции. Так дуалистическое учение манихейства, дополненное собственными толкованиями и домыслами, видоизменялось у павликиан, ересь которых распространилась у южных славян, в частности, по причине насильственного переселения павликиан на границы Болгарии, не раз предпринимавшегося византийскими императорами в VIII–IX вв. Ересь павликиан отсюда распространилась на запад, рано проникла в Италию, где еретики носили название катаров, патарен, представлявших собой разные толки дуалистического учения. Далее ересь распространяется на Францию, затем перекинулась в Англию, а из Италии пошла на север и распространилась в южной Германии. Везде ересь приобретала новые черты, оставаясь в основе учением дуалистического характера. Проанализировав эволюцию этого явления, Ю.В. Готье заключает: «Дуалистическая ересь обошла таким образом почти всю Европу, составив одну из интереснейших страниц в истории средневековой культуры. Болгарское богомилство является, следовательно, одним из частных эпизодов в цепи явлений, коснувшейся всей Европы, но значение этого частного эпизода увеличивается тем, что Балканские страны, и в частности Болгария, где дуалистическое учение позднейшей формации впервые сошло с азиатской почвы, сделалось очагом распространения ереси в Европе. Изучая богомилство мы, следовательно, раскрываем страницу не только юго-славянской, но и общеевропейской истории»²¹. Это заключение учёного, на наш взгляд, свидетельствует о широком взгляде на процесс распространения духовных ценностей человеческого общества,

²¹ Готье Ю.В. Указ.соч. С. 79.

которые, раз возникнув, интегрируются в изменённом виде, обогащённые новыми элементами, порождёнными другими условиями существования того или иного сообщества. К сожалению такой широкий взгляд Готье на развитие богомилства не был воспринят более поздней историографией, в которой господствовало упрощённое представление о богомилстве как о явлении, возникшем в Болгарии и породившем все еретические движения Европы вплоть до гуситского движения в Чехии XV в., являвшегося, как известно, ранней европейской реформацией в рамках католической церкви.

Подчеркнув, что богомилство есть лишь часть общеевропейского процесса, Ю.В. Готье в то же время отмечает, что у итальянских катаров, французских альбигойцев и балканских богомилов много общего. Основы их учения близки между собою в отдельных странах «и сохранили очень много общего с первоначальным учением манихеев»²². Изложив эти основы по сочинению греческого монаха XIII в. Евфимия Зигавина, Ю.В. Готье рассматривает далее причины успеха богомилства в Болгарии. Их он видит в остатках язычества, где существовали зачатки дуализма. Проникновение христианства в малокультурную среду порождало сложные легенды, в которых искала выход народная мысль. Эту народную мысль автор находит в отреченных книгах. Подобная литература проникнута стремлением объяснить недосказанное в священном писании с помощью богатой народной фантазии. Большое значение автор лекций придаёт социальному строю древней Болгарии. Этот строй не был ни лёгким, ни справедливым. Процесс достижения болгарского могущества сопровождался ужасающим социальным неравенством. «Хорошо жилось только двору, боярам ... да ещё многочисленным представителям клира полугреческого по происхождению, в большинстве случаев своекорыстному и невежественному.

²² Готье Ю.В. Указ.соч. С. 79.

Крепостное население поставляло в значительной мере и те войска, благодаря которым царь Симеон одерживал свои победы над греками... Земледельческое население было источником средств, необходимых для военных предприятий царя Симеона. Таким образом, открывается редкая по своей яркости картина социального неравенства»²³. Богомильская проповедь давала выход народному недовольству и представляла собой протест против гнёта светских и церковных властей и государства. Далее автор лекций подробно останавливается на культурном влиянии древней Болгарии на Русь, внося и в этот вопрос много оригинальных суждений как отличный знаток древнерусской истории. Специальная глава отведена в лекциях и вопросу о культурном влиянии юго-славянских стран на Русь в XIV и XV вв.

В дальнейшем своём изложении средневековой истории южных славян Ю.В. Готье коротко останавливается на политической, социально-экономической и культурной истории Хорватии, Боснии, Дубровника и Черногории. Остальной объём курса посвящён истории турецкого завоевания Балканского полуострова, турецкому владычеству и борьбе южных славян за освобождение и создание независимых государств. Эти сюжеты по оригинальности их оценок и фактическому материалу заслуживают отдельного, специального анализа.

Подводя итог характеристике лекций Ю.В. Готье по истории южных славян, можно констатировать, что московский профессор русской истории являлся квалифицированным специалистом и по истории зарубежных славян. По методу обработки материала источников он принадлежал к числу прогрессивных современных ему историков, представлявших позитивистское направление. Мастер анализа и обобщений, профессор в своих лекциях не только излагал фактический материал, но учил своих слушателей, как

²³ Готье Ю.В. Указ.соч. С. 91.

исследовать историю, выяснять причины исторических явлений, указывать на их следствия, излагать объективно и беспристрастно результаты своих наблюдений и анализа. Эти особенности подхода к истории славян определяют достоинства курса Ю.В. Готье, которые вполне разделяются наукой и спустя почти сто лет после издания его пособия. В историческом образовании второй половины XX в. были восприняты те же выводы и оценки, например, «Законника Стефана Душана». Подчёркивалась, так же как и в лекциях Готье, эксплуататорская сущность общественного строя средневековых южнославянских государств, социально-экономические причины еретических движений и т.д. Правда, в советской литературе эти достоинства курса Готье не упоминались, да и сам историк не числился среди славистов ввиду его принадлежности к дореволюционной, так называемой «буржуазной», историографии. Некоторые представители советского периода нашей науки не ссылались в своих трудах по истории южных славян на соображения и выводы их предшественника, вероятно, по незнанию их, чувствовали себя первооткрывателями, ставшими таковыми благодаря марксистской методологии. Впрочем, в одном вопросе Ю.В. Готье отдал дань традиции дореволюционных историков России. Во введении к курсу лекций он подчёркивает, что подробно рассматривает историю тех славян, которая перекликалась или вообще была связана с Россией. За таким подходом может скрываться конфессиональный вопрос. Уделяя главное внимание «православным» славянам, профессор обедняет значение славян «католических», внёсших большой вклад в европейскую культуру и цивилизацию. Методология, с позиций которой Готье рассматривает историю южных славян в период средневековья, предполагает освещение истории европейских народов в их совокупности и взаимной связи.

*А.Г. Машкова***АНИМАЛИСТИЧЕСКИЙ МОТИВ В ПРОЗЕ
ЯНА ТУЖИНСКОГО**

...я пишу о судьбе собаки, о ее
верности, чести и преданности

Гавриил Троепольский,
«Белый Бим Черное ухо»

Боже, помоги мне быть таким че-
ловеком, каким считает меня моя
собака

Януш Леон Вишневский

Есть в художественной литературе мотивы, кото-
рым уготована если не вечная, то, по крайней мере,
очень долгая жизнь. К числу таких мотивов относятся
мотивы анималистические. Произведения, в которых
они присутствуют, читают и перечитывают, по ним
снимают фильмы, ставят спектакли. Человек посвяща-
ет животному свои творения не только в области ху-
дожественной литературы, но и в скульптуре, живопи-
си, архитектуре. Подобные произведения уходят свои-
ми корнями в глубокую древность, в мифы, сказки,
предания. Вспомним библейское повествование
о Христе и ослике, сказки о хитрых лисах, злых вол-
ках, смешных обезьянах, добрых собаках, коварных
змеях и т.п. В них реальное начало соседствует с фан-
тастическим, доброе со злым.

Исключительно велика роль животных в мифоло-
гии, где они, по сути, являются важнейшей составля-
ющей мифологического кода. С древних времен раз-
ные народы отдавали предпочтение тем или иным жи-
вотным, которые, как правило, возводились в культ.
Чаще всего это были собака и конь. Особая роль в ми-
фах, преданиях и сказках многих народов отводилась
собаке. Культ собаки существовал в Древнем Египте,
Индии, Иране и других странах. Собака считалась
культовым существом у ацтеков, в греческой, кельт-
ской, ирландской, скандинавской, славянской и других
мифологиях. Древние римляне выбивали изображение

собаки на монетах, фресках, мозаичных панно. Геродот рассказывал, что когда в семье египтянина умирала собака, все домочадцы погружались в траур, брили головы и не прикасались к еде; тело умершей собаки бальзамировали и хоронили на специальном кладбище. По преданию древних жителей Месопотамии четырехглазая собака охраняла мост, через который души усопших отправлялись в потусторонний мир. В древнегреческой мифологии один из детей Ехидны — трехглавый пес Цербер, который служил богу подземного царства мертвых Аиду, стоял на страже этого мрачного царства, не допуская возврата душ умерших в общество живых людей. Согласно древнегреческим мифам бог огня Адран принял облик собаки, а прекрасная нимфа Сцилла превратилась в ужасное чудовище с шестью собачьими головами. Таким образом, уже в древних мифах реализовалось стремление человека почувствовать себя частью природы. Так формировался генетический код всей прозы, одним из основных атрибутов которой стала слитность человека с природой.

По мере нарастания духовного кризиса человеческого общества менялся характер произведений, в которых присутствовали анималистические мотивы, менялся взгляд на проблему, иным становился тип повествования: от мифов, евангельских аллегорий — к гротеску, фантастике, психологизму и т.п.

Образ собаки — как наиболее разумного, близкого человеку существа — всегда был олицетворением таких добрых качеств, как верность, привязанность, искренность, послушание. Он помогал и помогает человеку постичь самого себя и окружающую действительность, обрести утраченную гармонию с природой. Этот образ является одним из способов эмоционального воздействия на читателя. Поэтому включение в текст анималистических мотивов позволяет писателю показать жизнь людей сквозь призму образа животного, как бы провести параллель между ними.

Анималистические мотивы, в частности мотив собаки, определяют звучание многих произведений мировой литературы Нового времени. Перечень

подобных произведений может занять не одну страницу текста. Довольно богатая традиция использования анималистических мотивов существует и в словацкой прозе. При этом в ней одинаковой популярностью пользуется как мотив коня, так и собаки. Одним из писателей, который успешно продолжает традиции анималистической прозы, является автор романов «Кто бросит камень» (1989), «Бильярд на крыше» (1992) и др. Ян Тужинский (р. 1951; новелла «Бассет в дожде», рассказы «Собака», «Желтая собака», «Избиение коней» и др.).

Существует двоякий способ художественного повествования о животных. В одних произведениях главным героем является животное, которое само рассказывает о своей судьбе, размышляет о перипетиях жизни, излагает свое видение мира и окружающих его людей. Классическими примерами такого рода произведений могут служить «Холстомер (История лошади)» Л.Н. Толстого, «Рассказ собаки» М. Твена, «Каштанка» А.П. Чехова, «Белый пудель» и «Сапсан» А.И. Куприна, «Белый Бим Черное ухо» Г.Н. Троепольского, «За горсть мелочи» А. Беднара и т.д. В других — рассказ строится от лица автора-повествователя, излагающего историю животного. Это более распространенный тип повествования, к которому можно отнести и произведения Я. Тужинского, с большой притягательной силой изображающего взаимоотношения человека и животного.

Уже само название новеллы «Бассет в дожде» указывает на ее основные мотивы: дождь и собака. Мотив монотонного дождя задает определенный ритм, тональность произведению. Одновременно он создает настроение. Порой столь чуткое восприятие природы напоминает живопись г. Кайботта, К. Писсарро, К. Моне и других французских импрессионистов. Это подтверждает и сам способ подачи материала: размытость сюжета, использование принципа «мазковой живописи», проявляющийся как в структуре, так и в композиции произведения. Однако в пейзажах Тужинского

отсутствует свойственная импрессионистам интимность: панорамный охват событий не предполагает камерности. Формату новеллы присуща объемность, в ней довольно отчетливо выражено эпическое начало.

Настроение, которое рождает мотив непрерывно идущего дождя, вполне гармонирует с состоянием человека, испытывающего грусть, тоску, безысходность при воспоминании об истории собаки. Уже с первых страниц новеллы Тужинский проводит мысль о нерасторжимой связи человека и природы, его таинственном родстве с «матерью-землей» (это свидетельствует о близости автора одному из направлений импрессионизма — скандинавскому, а также течению словацкого натурализма). Именно из этого родства и возникает единство пейзажа и воспоминания. Реально происходившие события как бы утрачивают свою остроту, резкость за завесой дождя, которая порой обретает мистический смысл, уступает место предчувствиям, ощущениям, видениям. С пеленой дождя в сознании героя всплывает печальная история пса по кличке Тарзан, невольным участником которой он оказался. Воспоминания мучают героя и его жену, и они «не имеют ни малейшего желания отказаться от них. Из-за этого проклятого дождя, из-за этой горькой и жестокой судьбы собаки»¹. Эти воспоминания, словно имитируя ритм природы, звуки падающих капель, извлекают из человеческой памяти эпизоды, связанные с собакой. В свою очередь, эти эпизоды, подобно осколкам мозаики, складываются в панно — трагическую историю взаимоотношений собаки и человека.

...Все началось с появления пса, выброшенного из машины, проезжавшей мимо дома родителей жены Якуба — Кристины. Поначалу никто не был в восторге от этого события. Собаку просто пожалели, а затем смирились с ней как с данностью. Однако постепенно люди привязываются к ней, а собака, познавшая, что такое человеческая жестокость и непостоянство и при

¹ *Tužinský J. Basard v daždi. Bratislava, 1994. S. 42.*

этом не озлобившаяся, отвечает им любовью и преданностью за их внимание и ласку.

В лучших традициях мировой литературы Туžинский использует образ животного для того, чтобы поговорить о проблемах, имеющих нравственный, философский, общечеловеческий смысл. Ненавязчиво передает он читателю собственное ощущение тревоги, боли в связи с тем, что агрессивная цивилизация уничтожает человечество, нарушает его единение с природой. Отсюда — и неспособность человека понять природу. И лишь дети, которых еще не разъела «ржавчина» цивилизации, чувствуют ее. По мере общения с Тарзаном Якуб постепенно приходит к выводу о том, что собака — не низшее существо, что у нее есть свое сознание и свой внутренний мир. Учась понимать собаку, он обретает способность воспринимать «все, что существует, живет [...]». Тополя, трепещущие от ветра, на несколько километров разносят информацию об его уничтожающем дыхании, могучие дубы во время урагана стонут своими ветвями, небольшой кружок в реке хранит память о камне до тех пор, пока он не превратится в песчинку. Вероятно, это бредовая мысль, но самая короткая память у человека. И поэтому он регулярно, из поколения в поколение, повторяет одни и те же ошибки. По крайней мере он больше всех существ на этой планете стремится к самоуничтожению. И как будто ему этого мало: он уничтожает все вокруг себя. Поэтому я думал об этой собаке, как о себе самом»².

Постепенно размышления Якуба о природе автор переводит в философский план: «он стремился извлечь из действительности ядро познания»³. Герой пытается понять не только самого себя, но и мир, в котором живет, задуматься не только о судьбе Тарзана, но и природы в целом. Герой убеждается в том, что собака, в отличие от человека, обладает качествами, которые люди давно утратили: непосредственностью в проявлении

² *Tužinský J. Basard v daždi. S. 56–57.*

³ *Ibid. S. 58.*

чувств, способностью бескорыстно любить, искренне радоваться, быть благодарной, преданной. «Нет ничего более грустного, чем взгляд измученного, отвергнутого или раненого пса»⁴; «человек не способен на такую безграничную преданность, как собака»⁵. Общение с собакой как частью природного мира делает человека лучше, чище, пробуждает в нем способность сострадать. Якуба начинают волновать вопросы, над которым прежде он никогда не задумывался: «Кто выбирает: человек собаку или собака человека?», «Кто мы с точки зрения космического пространства?», «Как воспринимают нас животные?», «Собака обладает печальным опытом общения с людьми, а люди, какой у них опыт?» и т.п.

На поставленные вопросы у героя нет ответов, как нет их и у писателя. Человек настолько отделился от мира природы, что не в состоянии понять живых существ, не принадлежащих к его роду. Даря людям свое собачье сердце, свою безграничную любовь и преданность, Тарзан оказывается не понятым, а в итоге становится жертвой человеческого предательства: «[...] он прижимался к людям с безграничной любовью. Но люди его не воспринимали, не понимали [...]»⁶. Не поняли его охотничьего инстинкта Кристина и Якуб, не поняли соседи его стремления прийти на помощь упавшей с велосипеда девочке. Даже «дитя природы» — соседский старик Малагело — сетует по поводу излишней свободы собаки и предсказывает проблемы, которые она может создать людям.

Доверившись человеку, находясь от него в полной зависимости, собака оказывается беззащитной. Мотивы крови, самоубийства, смерти, образы мертвого цыгана, человека без головы, звучавшие в начале новеллы, не только настраивают читателя на определенный лад, но и находят свое логическое завершение

⁴ *Tužinský J.* Basard v daždi. S. 7.

⁵ *Ibid.* S. 67.

⁶ *Ibid.* S. 94.

в конце новеллы. Сцена смерти собаки и Малагело имеет символический смысл: она звучит как напоминание и одновременно как предупреждение. Напоминание о том, что человек и собака — дети природы. Одновременно это предупреждение человечеству: жестокость в отношении ко всему, что создано Господом, сурово карается. В данном случае веревка, предназначенная для Тарзана, оказывается и на горле Малагело. «И так они лежали там, у дороги, вместе. Собака и человек. Это должно было случиться»⁷. Отдаленно судьба Малагело напоминает историю Эона, сына Ликимния и друга Геракла, победившего в беге на Олимпийских играх. Придя в Спарту, Эон подвергся нападению сторожевой собаки, за что убил ее камнем. Однако возмездие, как и в случае с Малагело, оказалось неизбежным: за свое деяние он был забит до смерти палками.

Появление солнца, радуги, прекращение дождя в конце новеллы, который словно выполнил свою очищающую функцию, последние его капли, стекающие по щекам героев и похожие на слезы, — все это вселяет надежду на то, что полученный урок не пройдет для них даром.

Не пройдет даром и урок, полученный героиней рассказа «Собака» — женой умершего Вита. Здесь ненависть, жестокость, злоба, олицетворением которых является человек, обретает еще более уродливые формы: это и дети, забрасывающие собаку камнями, и посетители корчмы, зло подшутившие над стариком, и, наконец, жена, не способная понять своего мужа и в итоге ослепленная ненавистью к собаке.

Как и в новелле «Бассет в дожде», между псом Таро и Витом, спасшим его, постепенно устанавливается внутренний контакт: «Тогда их судьбы стали единым целым [...]. С этой минуты собака и он принадлежали друг другу, и не было силы,

⁷ Tužinský J. Basard v daždi. S. 97.

которая смогла бы разорвать эту связь»⁸. В итоге и тот, и другой обретают счастье. Один — потому что, наконец, находит существо, понимающее его, избавляется от одиночества и жизненной пустоты, другого счастливым делает возможность доказать свою благодарность и преданность. Кроме того, Таро в какой-то степени заменяет Виту ребенка, о котором он мечтал всю жизнь: «[...] в беззащитности этой собаки было что-то от беззащитности ребенка, и было нечто странное в том, что эта собака стала для него ребенком»⁹. И, подобно ребенку, Таро не умеет скрывать свои чувства: он неприязненно относится к жене Вита, видя в ней угрозу не только для себя, но и для своего хозяина, он грустным, испытующим взглядом оценивает жестокую выходку и злой, ядовитый смех обитателей корчмы. И все это заставляет старика Вита лишь убедиться в наличии у собаки души.

Подобно тому, как в предыдущем произведении автор вверяет судьбы людей и собаки в руки Высших сил, и здесь праведный суд творит не закон, а Справедливость. Вит своей внезапной смертью спасает несчастного пса от предназначенного ему куска сала с ядом, приготовленного женой. И именно это событие — потеря близкого человека — пробуждает в женщине дотоле неведомые ей чувства сострадания и нежности к собаке. В ней рождается нечто вроде раскаяния, она обретает способность осмыслить произошедшие события: «Я всегда желала его только для себя, а посему я никогда его по-настоящему не имела. Человек осознает все только тогда, когда уже поздно»¹⁰.

В отличие от человека, раненое горем собачье сердце способно лишь страдать и жалобно скулить. Ставшая косвенной виновницей смерти Вита (она никого не подпустила к нему, когда он упал в канаву от

⁸ *Tužinský J. Pes // Tužinský J. Čakanie (na šarhu). Bratislava, 1989. S. 54.*

⁹ *Ibid. S. 57.*

¹⁰ *Ibid. S. 65.*

сердечного приступа), собака осталась преданной хозяину и после его смерти: «Собака лежала возле свежей могилы и, возможно, думала о том, как Вит спас ее, когда ее забрасывали камнями; он и не предполагал, что слепая верность может убить так же больно, как и брошенный камень»¹¹. А за свой собственный конец Таро, если бы умел говорить, поблагодарил бы человека, ибо он избавил его от невыносимых мук, страданий из-за потери близкого существа. Как не вспомнить здесь историю Аргоса — верного охотничьего пса Одиссея: после долгого отсутствия Одиссей возвращается домой и, не узнанный женой и детьми, был тепло встречен псом, который, увидев хозяина и поприветствовав его, навеки затих. Таким образом, смерть Таро словно «просветляет» и очищает мрачное, гнетущее социальное пространство, в котором он прожил свою собачью жизнь. Мотив очищающего дождя, зазвучавший в конце рассказа, как и в предыдущем произведении, лишь подтверждает это.

Рассказ «Собака» и новелла «Бассет в дожде» — это произведения не столько о собаке, сколько о человеке, его нравственных качествах, о том, что человек «проверяется» на человечность своим отношением к животному. Неслучайно за историями собак у Туžинского всегда просматриваются человеческие драмы и социальные трагедии, а основу конфликтов в «собачьих» историях всегда составляет противоборство «добра» и «зла», которое нередко одерживает победу и в итоге ведет к деградации человеческого общества, деформации человеческих отношений, сознания и психики людей. Именно об этом повествует рассказ «Желтая собака», который начинается с описания своры голодных собак, выброшенных людьми как «что-то ненужное и напрасное»¹². Голос автора звучит подобно гонгу, возвещающему о грозящей людям опасности, ибо именно люди являются виновниками

¹¹ Tužinský J. Pes. S. 65.

¹² Tužinský J. Zltý pes // Tužinský J. Sklenené oko. Bratislava, 2001. S. 60.

того, что собаки из верных друзей и защитников становятся опасными существами: «Собака без человека ничто [...]. Она превращается в бестию!»¹³ И, словно устыдившись деяния рук своих, люди «отводили от них взгляд, чтобы не думать о том, что все это дело их рук»¹⁴.

Героя постоянно мучает вопрос: что происходит с людьми, что они чувствуют, когда бросают свою собаку? Вывод, к которому он в итоге приходит, звучит неутешительно: «Их сердце превратилось в волчье!»¹⁵ Таким образом, писатель предупреждает об угрозе происходящего в современном обществе процесса, обратного «очеловечиванию» животного, — о превращении человека в животное. В этом убеждает и шокирующая «любовная сцена», участниками которой являются незнакомая дама и ее пес-долматин. Здесь чистая и преданная собачья душа служит своего рода лакмусовой бумажкой, указывающей на человеческие пороки. Деформированная мораль этой дамы свидетельствует о духовном состоянии человеческого общества, его болезни. По прочтении этого рассказа утверждение о том, что «человек — царь природы», кажется величайшим заблуждением.

Однако, как и в произведениях Я. Тужинского, в жизни всегда «есть скромные люди с чистым сердцем, “незаметные” и “маленькие”, но с огромной душой. Они-то и украшают жизнь, вмещая в себя все лучшее, что есть в человечестве — доброту, простоту, доверие [...]»¹⁶.

¹³ *Tužinský J. Zltý pes. S. 63.*

¹⁴ *Ibid. S. 60.*

¹⁵ *Ibid. S. 63.*

¹⁶ *Тропольский Г. Белый Бим Черное ухо. М., 2010. С. 3.*

А.В. Амелина

УТОПИЯ И АНТИУТОПИЯ В СОВРЕМЕННЫХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЧЕШСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Феномен утопии уходит корнями в архаику. Проекты идеальных моделей общества, отличных от существующего, возникали во все эпохи, а утопическое мышление было всегда присуще человеку мыслящему. Тем не менее, формы, конкретные проявления утопии меняются и развиваются в рамках культурно-исторического процесса. И чем сильнее влияние утопических идей на жизнь общества, тем больше потребность в изучении феномена утопии и ее особенностей.

В западно-европейской науке утопия активно исследуется уже с начала XX в. Следует назвать таких авторов, как А. Фойгт, Ж. Сорель, А. Свентохонский, Л. Мэмфорд, К. Мангейм и др. Из русских исследователей-эмигрантов — Е.Н. Трубецкого, С.Н. Франка, Г.В. Флоровского. Особое место среди работ по утопии занимают исследования утопии как литературного жанра.

В отечественной науке первопроходцем стал в начале 1920-х гг. В. Святловский, утопическим романом занимался и А.В. Луначарский. На Западе изучение литературной утопии активизируется в 1950–70 гг. (Л. Мортон, Р. Рюйе, Ф. Полак, Е. Шацкий и многие другие). «До начала 60-х гг. утопия как литературный жанр советским литературоведением не рассматривалась. Внимание официальной науки (философов, историков, экономистов, социологов, литературоведов) было сосредоточено, в основном, на изучении произведений социалистов-утопистов и социалистической утопической традиции. С 60-х гг. у нас в стране стали выходить тексты утопических сочинений, библиографические указатели, антологии и другие источники, связанные с историей русских и зарубежных утопических

жанров»¹. К антиутопии начали обращаться позже, чем к утопии: на Западе — с 50–70-х гг., у нас, после длительного табу на рассмотрение этой темы, — с 80-х гг., когда начали публиковаться сами произведения-антиутопии, а затем и исследования.

Большую роль для развития этой области научного знания (формирования утопиологии) сыграло появление переводов западных исследователей, во многом благодаря социологу В.А. Чаликовой — в частности, сб. «Утопия и утопическое мышление» (М., 1991), работа «Утопия и традиция» (М., 1990) польского историка Е. Шацкого. Феномен утопии стал активно изучаться, с одной стороны, социологией и философией (например, работы В.А. Чаликовой, С.С. Сизова, Э.Я. Баталова, В.П. Шестакова), и с другой стороны, литературоведением в рамках изучения научно-фантастической литературы (например, работы Ю.И. Кагарлицкого, Е.И. Парнова, Т.А. Чернышевой, А.Ф. Бритикова, В.А. Ревича, Е.Н. Ковтун). В течение 1980–90-х гг. происходит наращивание исследовательского корпуса, однако, как замечает В.Д. Бакулов, это наращивание — экстенсивно, его характеризует «разрозненность в осмыслении ее [утопии] отдельных проявлений и сторон, ограниченность их рамками, причем как в выработке методологии исследования, так и в процессе ее применения в конкретном анализе содержательных спецификаций самого предмета изучения»². Эта разрозненность очевидна на примере литературоведческих исследований. В 1990-е было защищено много интересных диссертаций по литературной утопии и антиутопии (например, Б.А. Ланина, О.В. Быстровой, Ким Сонг Иль, Л.В. Лазаренко, Ю.Л. Латыниной, О.Б. Сабининой), в которых, однако,

¹ *Ануфриев А.Е.* Утопия и антиутопия в русской прозе первой трети XX в.: Эволюция, поэтика: диссертация ... доктора филологических наук. М., 2002. С. 33.

² *Бакулов В.Д.* Социокультурные метаморфозы утопизма: автореферат дис. ... доктора философских наук. Ростов-на-Дону, 2003. С. 6.

остро ощущается нехватка теоретической и философской базы, как в аспекте понятия жанра как такового, так и жанровых проявлений утопии и антиутопии. Во многих этих исследованиях авторы едва ли выходят за рамки рассуждений об утопии только как о литературном жанре, порой игнорируя широту феномена утопии и необходимость философских обобщений. Больше всего разногласий вызывает проблема соотношения утопии и антиутопии, вопрос, являются ли они разновидностями одного и того же жанра или все же двумя генетически связанными, но различными жанрами. По этому поводу до сих пор нет единодушия.

К 2000-м гг. оформилась необходимость в междисциплинарном подходе к изучению утопии. В первые годы нового тысячелетия наблюдается консолидация научного мира, издаются такие сборники как: *Философский век: Альманах. [Вып.] 12: Российская утопия: От идеального государства к совершенному обществу. СПб., 2000; Философский век: Альманах. [Вып.] 13: Российская утопия эпохи Просвещения и традиции мирового утопизма. СПб., 2000; Утопия и утопическое в славянском мире. М., 2002; Образ рая: от мифа к утопии. Серия "Symposium". Вып. 31. СПб., 2003.* В этих сборниках участвуют ученые различных гуманитарных областей, утопия рассматривается многосторонне, в различных ипостасях, формах и проявлениях, от соотношения утопии и морали³ до проявления утопических идей в садовом искусстве⁴. В частности, в качестве методологии изучения концепта утопии используется подход «истории идей», который был

³ Прокофьев А.В. утопия и мораль (О роли девиаций нравственной дидактики в утопическом дискурсе) // *Философский век: Альманах. [Вып.] 12: Российская утопия: От идеального государства к совершенному обществу. СПб., 2000. С. 180–194.*

⁴ Ткаченко А.В. Жизнь утопических идей в европейском садовом искусстве // *Философский век: Альманах. [Вып.] 12: Российская утопия: От идеального государства к совершенному обществу. СПб., 2000. С. 301–321.*

сформулирован американскими исследователями Артуром Лавджоем и Джорджем Боасом. «Изучение истории как “истории идей” предполагает, что в основе всех историко-культурных процессов лежит система общих представлений — Лавджой называет их *unit-ideas*, — абстрактных понятий, которые составляют ткань мыслительного процесса и обеспечивают его единство и преемственность. Эти идеи видоизменяются со временем, пересекаются и сочетаются друг с другом по-разному, но, тем не менее, явно присутствуют в сознании любой эпохи. Вероятно, большую часть таких идей можно было бы сформулировать с определенной степенью четкости. Однако чаще всего попытки жесткой структуризации не помогают выявить порядок, а лишь затуманивают специфическую логику ментальных процессов. “Мир идей” существует в соответствии со своей логикой и имеет амбивалентный характер. Разумеется, он неотделим от реальных событий, но обладает некоторой спецификой, возможностями автономного развития и даже влияния на исторические события. Обращение к глубинам духовных процессов позволяет не только преодолеть непонимание среди представителей гуманитарных дисциплин и общественных наук, выявить новые фундаментальные пласты в исследовании прошлого, но и найти некоторые закономерности, важные для понимания современности, процессов. Исследовательские проекты, проводимые в рамках такого подхода, отличаются единством методологии и междисциплинарный характер»⁵.

В теоретических работах этого времени провозглашается необходимость изучения утопии в широком, социокультурном измерении⁶. Кроме того, в начале 2000-х теоретизация в философских работах достигает

⁵ Предисловие // Философский век: Альманах. [Вып.] 12: Российская утопия: От идеального государства к совершенному обществу. СПб., 2000. С. 9–10.

⁶ Бакулов В.Д. Указ. соч. С. 9.

высокого уровня. Большой вклад в это внесла Е.Л. Черткова из Института философии РАН, опубликовавшая ряд статей⁷, в частности, в рамках программы 1999–2001 гг. «Утопия как тип сознания». В тот же период об утопии защищается и много философских диссертаций (И.В. Фроловой, М.А. Кяровой, Е.Э. Эгильского, Д.П. Шишкина, Т.С. Стяжкиной и др.), издаются и монографии (И.С. Шестаковой, С.Г. Шишкиной, С.А. Шишулькина, Т.С. Паниотовой).

Появляются и новые литературоведческие работы по утопии, антиутопии, опирающиеся на более значительную теоретическую базу. Это работы А.Е. Ануфриева, А.Н. Воробьевой, И.А. Калинина, С.В. Мясниковой, О.А. Павловой, З.И. Плеха, М.И. Шадурского.

Можно выделить два принципиальных вопроса, на которые нужно ответить при изучении литературной утопии. Во-первых, это характеристика утопии как жанра, во-вторых — жанровое соотношение утопии и антиутопии. При всем обилии работ по истории литературной утопии данные теоретические проблемы еще далеки от своего разрешения.

Теория жанра как таковая — это один из самых сложных и непроясненных вопросов литературоведения, с этим связана и сложность соотнесения утопии с литературным жанром. В последнее время необходимость построения более или менее целостной теоретической базы для понятия жанра признается во многих исследованиях, однако за пределы анализа истории вопроса и постановки проблем в рамках теории эстетики фактически выйти не удалось. Учеными проделан огромный труд по генезису и истории эволюции жанров от мифа до современного состояния (например, работы О.М. Фрейденберг, М.М. Бахтина,

⁷ Черткова Е.Л. Утопия как тип сознания // *Общественные науки и современность*. 1993. № 3. С. 71–81; Черткова Е.Л. Метаморфозы утопического сознания (от утопии к утопизму) // *Вопросы философии*. 2001. № 7. С. 47–58; Черткова Е.Л. Утопизм социальный // *Новая философская энциклопедия*. Т.4. М., 2001. С.151–152.

А.Н. Веселовского, Е.М. Мелетинского, Н.Д. Тмарченко), не говоря уже об описании жанров для отдельных периодов или отдельных литератур. В последних исследованиях жанра (в частности, например, в издании: Теория литературы Т. III Роды и жанры. М.: ИМЛИ РАН, 2003) также даются подробные обзоры научных работ о жанре от Аристотеля до современности. Все эти работы, безусловно, способствуют пониманию природы жанра, но не дают универсальной теоретической модели для их исследования. Н.Д. Тмарченко утверждает, что жанр произведения нужно определить, чтобы «понять смысл произведения *в его собственном контексте* (прежде всего — диахроническом), в связи с той традицией, с которой оно объективно связано или к которой примыкает, согласно авторской установке»⁸, в этом состоит «память жанра» — понятие, введенное М.М. Бахтиным. В таком смысле конструирование «идеальной» модели определенного жанра, с одной стороны, невозможно в принципе, так как он находится в постоянном движении, а с другой стороны, при анализе конкретных произведений — бессмысленно, так как говорить о тех или иных признаках жанра следует только в рамках их соотносительности с другими произведениями того же жанра (относимым к предыдущим периодам), а не с неким идеалом вне какого-либо исторического контекста. Однако все выше сказанное, на наш взгляд, не отменяет потребность в теоретической модели жанра в целом.

Знаменательным, на наш взгляд, событием для теории литературы и литературного процесса стал выход масштабнейшего глубокого исследования объемом в девять сотен страниц «Теория жанра» Н.Л. Лейдермана, где автор не только рассматривает жанр с разных точек зрения (например, функция, генезис), но, по сути, создает теоретическую базу для истории литературы в целом. Рассматривая жанр в функциональном

⁸ Тмарченко Н.Д. Теория литературных жанров. М., 2011. С. 8.

аспекте, автор заключает, что «отношение “метод–стиль–жанр” выступает универсальной структурой не только отдельного произведения». Они «оказываются совершенно необходимыми и вместе с тем вполне достаточными характеристиками любой историко-литературной системы, как синхронной (направления, течения, стилевого «потока», литературной школы), так и диахронной (эпохи, этапа, периода литературного развития)»⁹. «Методом, представляющим собой систему принципов творческого пересоздания действительности, ее эстетической оценки и художественного обобщения, осуществляется познавательная-ценностная сторона искусства»¹⁰; жанром, то есть системой способов построения произведения как завершенного художественного целого, реализуется моделирующая сторона искусства, а “внешняя”, знаково-коммуникативная сторона формируется в соответствии со способами эстетической выразительности, относящимися к сфере *стиля*»¹¹. Автор конструирует и универсальную структурную модель жанра¹², выстраивая при этом в систему составляющие жанровой доминанты. Эта модель, на наш взгляд, должна стать значительным подспорьем для изучения отдельных жанров и (анти)утопии в частности.

Проблема утопии в жанровом аспекте заключается в том, что она не сводится к литературной форме. Утопия изучается и как тип сознания в философии, и как жанр словесности в целом (не только в художественных текстах), и как форма политического проектирования в политологии. Утопия в художественном

⁹ Лейдерман Н.Л. Теория жанра. Екатеринбург, 2013. С. 41.

¹⁰ Здесь автор реабилитирует почти канувшую в Лету по идеологическим причинам литературоведческую категорию метода. И в этом он не одинок. См., например: Луков Вл.А. Жанры и жанровые генерализации // Знание. Понимание. Умение. Проблемы филологии и культурологии. 2006. № 1. С. 143–144.

¹¹ Лейдерман Н.Л. Указ. соч. С. 40.

¹² Там же. С. 143.

творчестве — лишь одна из ее ипостасей.

Воплощаясь в художественном тексте, (анти)утопия может принимать форму поэзии, драмы, романа, рассказа и т.д. При этом антиутопия часто рассматривается, в первую очередь, как разновидность романа.¹³ А некоторые фантастоведы рассматривают (анти)утопию как разновидности научной фантастики. Многие современные литературоведы в связи с (анти)утопией говорят о метажанре, «третичном жанре», некой наджанровой конструкции.¹⁴ «При помощи терминологического выражения “третичный жанр” подчеркивается синтетичность художественной системы утопии и ее пограничное положение в литературном процессе и сопредельность собственно художественного сознания с научным и публицистическим»¹⁵. Принимать такой подход или нет, несомненно здесь одно: рассматривать литературные жанры (анти)утопии можно только учитывая культурно-исторический контекст эпохи и (анти)утопическое литературное наследие.

Из описанной выше проблемы жанра следует другая: является ли антиутопия и утопия отдельными жанрами или разновидностями, вариациями одного жанра. Некоторые исследователи, в частности Т.А. Чернышева, говорят об антиутопии как об исторической модификации утопии¹⁶. Другие исследователи рассматривают антиутопию как отдельный жанр (А.Е. Ануфриев, Ю.Л. Латынина, О.Б. Сабина и др.).

¹³ Кагарлицкий Ю.И. Что такое фантастика? М., 1974. С. 297–299; Арсентьева Н.Н. Становление антиутопического жанра в русской литературе. М., 1993. С. 2.

¹⁴ См., например, работы: Ануфриев А.Е. Утопия и антиутопия в русской прозе первой трети XX в.: Эволюция, поэтика: диссертация ... доктора филологических наук. М., 2002; Павлова О.А. Метаморфозы литературной утопии: теоретический аспект. Волгоград, 2004.

¹⁵ Павлова О.А. Указ. соч. С. 363.

¹⁶ Чернышева Т.А. Природа фантастики. Иркутск, 1984. С. 121.

Те же исследователи в своих работах формулируют жанровые константы антиутопии, во многом отличные от утопии. Отличия касаются прежде всего сюжета, образов и функций героев, организации времени и пространства в произведении и др.

На наш взгляд, чтобы решить эту проблему, следует обратиться к теоретической модели утопии как типа сознания. Важнейшей чертой утопического сознания признана его противопоставленность истории¹⁷. Утопия не является следствием эволюции в историческом процессе. Утопист отказывается принимать мир каков он есть и создает мир альтернативный. Новое общество выступает как альтернатива настоящему, а не как результат эволюции последнего. Утопическое общество статично, остановлено в своем развитии, так как идеал достигнут, и люди в идеальном обществе счастливы. Тем не менее, при построении идеального общества утопия всегда опирается на настоящее, исходит из его критики. Поэтому историческая эпоха всегда оставляет свой отпечаток на утопии и определяет некоторые ее черты.

Важнейшей чертой антиутопии является как раз отказ от статичности. Антиутопия возвращает исторический процесс, она всегда динамична, конфликтна, в ней появляется полноценный сюжет. Это, вероятно, одна из главных причин, почему антиутопия принимает преимущественно форму романа. Таким образом антиутопия отказалась от одного из главных и структурообразующих принципов утопии, и это сделало ее самостоятельным жанром, генетически, тем не менее, связанным с утопией.

Первые исследования об утопии в Чехии появляются в 1920-е гг. как реакция критиков на огромное количество утопических произведений, опубликованных после Первой мировой войны и появления

¹⁷ См. об этом: *Черткова Е.Л.* Утопия как тип сознания // *Общественные науки и современность*. 1993. № 3. С. 71–81.

переводов западных авторов (Г. Уэллс). Критики пытаются сформулировать причины такой «волны утопичности» явлениями историко-культурного процесса. А.М. Пиша называет две основные причины: развитие технической цивилизации и влияние современного социализма. Война во много раз усилила наметившиеся ранее тенденции¹⁸. В подобном ключе исследует современные утопические романы и М. Рутте, называя предпосылкой развитие техники и возникший нравственный вопрос ее использования¹⁹. Позднее большую роль в создании научной базы для изучения утопии как особого феномена сыграли исследователи К. Чапека (у нас это, в первую очередь, С.В. Никольский), Я. Вайсса, И. Гауссмана и др., однако работ, посвященных утопии как концепту или утопии как жанру, не появится еще очень долго.

В эпоху социализма утопию начали изучать сначала в рамках исследования научной фантастики в работах М. Генчиовой, О. Неффа, Д. Слободника. Эта же тенденция сохранилась и после «бархатной революции» (О. Нефф, А. Лангер, М. Чуржин)²⁰. В большинстве исследований теоретический аспект утопии как жанра практически не затрагивается, а антиутопия как самостоятельное явление не выделяется и рассматривается в рамках понятия утопии. У М. Генчиовой антиутопия — стадия развития утопии²¹, у Д. Слободника

¹⁸ *Píša A.M.* Vlna utopičnosti // *Píša A.M.* Směry a cíle: kritické listy z let 1924–1926. Praha, 1927. S. 142–145.

¹⁹ *Rutte M.* Vědecká utopie v soudobém českém románě // *Cesta*. 1925/26. Roč. 8. №3. S. 47–48.

²⁰ *Neff O., Olša J.* Encyklopedie literatury science-fiction. Praha, 1995; *Langer A.* Současná česká science-fiction. [Elektronický zdroj] // Interkom: elektronický časopis. 1994. URL: <http://interkom.vecnost.cz/1994/19940660.htm>

(дата обращения: 14.10.2013); *Čuřín M.* Ke kořenům žánru fantasy v české literatuře // *Mezi deklamováním a románem (Proměny žánrů v české a slovenské literatuře)*. Praha, 2006. S. 169–173.

²¹ *Genčiová M.* Vědeckofantastická literatura. Praha, 1980. S. 36–57.

утопия — один из «полюсов» научной фантастики²², в «Энциклопедии литературы научной фантастики» авторы определяют антиутопию как «научно-фантастический сюжет, описывающий цивилизацию, которая хуже, чем наша»²³.

Следует также отметить работу Д. Годровой,²⁴ в которой рассматриваются утопические произведения чешской литературы до Второй мировой войны. Автор включает их в общеевропейский контекст истории развития утопических жанров и анализирует изменение жанровых констант (в особенности функции персонажей, хронотоп), таким образом прослеживая эволюцию жанра в чешской литературе. Интересно же в этой работе то, какую типологию утопии приводит автор. Годрова (ссылаясь на категорию карнавальности М.М. Бахтина) выделяет классическую («серьезную») утопию и комическую утопию, в которой пародируются утопические идеи²⁵. Причем многие произведения, которые автор рассматривает далее и которые сегодня считаются антиутопиями, Годрова называет «серьезными» (например, «R.U.R» К. Чапека, «Фабричное производство добродетели» И. Гауссмана). В 1990-е гг. вышло еще несколько подобных работ об утопии обзорного характера²⁶.

К 2010-м гг. намечается возрастание интереса к феномену утопии в широком смысле, не только как к литературному жанру. В 2004 г. вышла первая монография,

²² *Slobodník D.* Genéza a poetika science fiction. Bratislava, 1980. S. 192.

²³ *Neff O., Olša J.* Encyklopedie literatury science-fiction. Praha, 1995. S. 29.

²⁴ *Hodrová D.* Utopie // Poetika české meziválečné literatury. Praha, 1987. S. 80–104.

²⁵ *Ibid.* S. 81.

²⁶ *Adamovič I.* Utopické vize ve staré české SF // *Ikarie*. 1995. №9. S. 45–48; *Hájková A.* Humorné utopie kolem první světové války // *Literární měsíčník* 1988 Roč. 17. № 6 (červen). S. 96–100; *Holý J.* Proměny utopie, utopie proměn // *Holý J.* Možnosti interpretace. Olomouc, 2002. S. 151–164.

посвященная утопическим текстам определенного периода чешской литературы — книга П. Гртанека «Негативная утопия в чешской прозе второй половины XX века»²⁷. Здесь впервые делается обзор научных работ об утопии чешских и отчасти других славянских (в основном польских) авторов, ставятся методологические проблемы исследования антиутопии как жанра и выделения жанровых «знаков». Автор анализирует произведения по следующим признакам: тематика, хронотоп, мотивы, персонажи, образ рассказчика, стилистические средства.

В 2010 г. выходят два масштабных исследования, связанные с утопией: монография П. Оуржедника «Утопус» и коллективный труд «Планета Эден: мир завтрашнего дня в социалистической Чехословакии в 1948-1978 гг.». У Оуржедника прослеживается генезис и эволюция утопии в мировой культуре с древнейших времен до наших дней, причем не только как жанра, но и как элемента общественной мысли в целом: «Для наших целей мы, таким образом, пойдем на компромисс, и если для нас решающим критерием будет формальное разграничение жанра, мы попытаемся одновременно принять понятие утопии таким, как его воспринимали в то время, и приспособиться к взгляду эпохи на предмет [...]. Если мы захотим проиллюстрировать историю западного мышления — мы придем к заключению, что утопия предстает в матрице иудео-христианской цивилизации одним из конститутивных элементов»²⁸.

Вторая книга «Планета Эден», написанная фантастоведом, представляет собой историю фантастики времен социализма второй половине XX в., тесно связанной с утопией. Авторы (в отличие от более ранних работ о фантастике), опираясь на современные теоретические исследования, не рассматривают утопию как

²⁷ Hrtanek P. Negativní utopie v české próze druhé poloviny 20. století. Ostrava, 2004.

²⁸ Ouředník P. Utopus. Praha, 2010. S. 10.

жанр НФ, а выделяют ее как концепт, признавая ее очевидную тесную связь с фантастикой в целом: «Утопия как идея философов и литераторов о лучшем месте для жизни обрела в XX веке популярный форму жанра научно-фантастического видения о будущем»²⁹.

О возрастающем интересе к утопии как феномену свидетельствует недавняя конференция Института словацкой литературы, прошедшая в Братиславе, по итогам которой был опубликован сборник: *Bude, ako nebolo. Podoby utopického žánru*. Bratislava, 2012. В нем приняли участие и чешские исследователи. Один из них, Я. Махек, недавно опубликовал статью об утопических произведениях межвоенного периода, с точки зрения национальной идеи³⁰. Исследователь утверждает, что вне зависимости от того, утопическое или антиутопическое ли это произведение, вне зависимости от политических взглядов авторов (социалистических, либеральных, прокапиталистических), идеалом авторов является светлое будущее чешского народа, это позволяет говорить о специфике чешской утопической мысли по крайней мере межвоенного периода.

Таким образом можно констатировать, что исследования утопии как «идеи» в России стремятся к все большему обобщению и теоретизации в рамках междисциплинарного подхода, а в рамках изучения литературных жанров утопии и антиутопии, на фоне развития теории жанра, — к встраиванию их в культурно-исторический контекст и прослеживанию эволюции жанров. В чешских исследованиях наблюдаются схожие явления, на данном этапе происходит обобщение утопических текстов и прослеживание эволюции жанровых знаков в определенные периоды. Добавим, что

²⁹ *Pospiszył T.* Planeta Eden: Svět zítřka v socialistickém Československu v letech 1948–1978. Praha, 2010. S. 16.

³⁰ *Machek J.* Češi jako „predvoj lidstva“. Představy o českém národě a jeho sousedech v ideálních světech meziválečné české utopické belterie // *Forum historiae*. 2012. Roč. 6. № 2. S. 84–100.

чешская литература и политическая мысль изобилует утопическими и антиутопическими идеями (см., например, статью в данном сборнике Г.П. Мельникова «Карл IV как писатель», где, в частности, говорится о «юридическом утопизме» Карла IV), поэтому хочется верить, что это интереснейшее и мало разработанное явление будет исследоваться все активнее.

БИБЛИОГРАФИЯ НАУЧНЫХ ТРУДОВ С.В. НИКОЛЬСКОГО 2004–2013 ГГ.¹

Монографические исследования

Над страницами антиутопий К. Чапека и М. Булгакова (поэтика скрытых мотивов). Изд. 2-е, доп. и испр. М., 2009. 192 с. [12 а.л.]

Рец.: *Pospíšil I.* (Новая русистика. Брно, 2012. № 1. С. 191).

V Naškových stopách za Josefem Švejkem. Пер. с рус. Дагмар Блюмловой. České Budějovice, 2012. 176 s.

Рец.: *Hoření Z.* (Slovanská vzájemnost. 2012. № 158. S. 7).

Статьи, главы и разделы в коллективных трудах и др.

2004

К истории знакомства с пьесой К. Чапека «R.U.R.» в России // Славянский альманах: 2003. М. С. 406–410.

Syntéza uměleckých struktur v tvorbě Michaila Bulgakova a rusko-české literární vztahy // Svět literatury. Časopis pro novodobé literatury. Praha. № 26–27. S. 156–168.

Над страницами антиутопий К. Чапека и М. Булгакова [фрагмент одноименной книги 2001 г.] // Меценат и мир. № 25–28. С. 441–449.

Проблема конфликтности человеческого бытия в антиутопиях К. Чапека и М. Булгакова // Первая мировая война в литературе и культуре западных и южных славян. М. С. 172–184.

Первая мировая война в литературе и культуре западных и южных славян. М. 470 с. Совм. ред.

¹ Библиографию до 2004 г. см. в кн: Фантастика и сатира в литературе славянских народов. М., 2004. С. 240–289.

2005

О Праге и пражской культуре // Меценат и мир. № 23–32. С. 441–456. [Перепечатка статьи 2004 г.]

2006

Йозеф Швейк с улицы Боиште // Меценат и мир. № 33–36. С. 423–441.

Инобытие человеческой энергии в поэтическом осмыслении Иржи Волькера // Поэтический мир славянства. М. С. 142–155.

Поэтический мир славянства. М. 334 с. Отв. редактор.

2007

Ярослав Гашек — георгиевский кавалер // Россия в глазах славянского мира. М. С. 146–187.

2008

Уж как пал туман седой на синее море // Меценат и мир. № 37–40. Часть 2–я. С. 579–588.

Драматургия звуковых структур в баснях И.А. Крылова // Славянский альманах: 2007. М. С. 279–287.

2009

Чешские писатели о русской литературе и творчестве Н.В. Гоголя // Н.В. Гоголь и славянские литературы: Тезисы международной научной конференции: 10–11 ноября 2009 г. М. С. 61.

2011

Чешская художественная литература в России после Второй мировой войны // Славянский мир в глазах России: Динамика восприятия и отражения в художественном творчестве, документальной и научной литературе. М. С. 304–310.

2012

Карел Чапек о Н.В. Гоголе и русской литературе // Н.В. Гоголь и славянские литературы. М. С. 315–324.

НАУЧНО-ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ С.В. НИКОЛЬСКОГО

Будагова Л.Н. Праздник науки // Славянский мир в третьем тысячелетии. М., 2012. С. 174–180.

К юбилею С.В. Никольского // Славяноведение. 2012. №. 2. С. 123–124.

Глазкова Н.Л. Невыдуманная история походов Йозефа Швейка в России. Составление и комментарий Н.Л. Глазковой. М., 2012. С. 5–7.

и др.

Научное издание

С.В. Никольский
и современная славистика

В честь 90-летия
со дня рождения ученого

Ответственный редактор: И.А. Герчикова

Оригинал-макет: А.В. Амелина

Иллюстрации: фотографии из личного архива
С.В. Никольского

Подписано в печать 22 октября. Объем 11 п.л. Тираж 500 экз.

*С.В. Никольский.
Фото получено 22 июня 1941 г. —
в день начала войны (Тверь)*

С.В. Никольский и вдова Карела Чапека — актриса и писательница Ольга Шайнпфлугова, читающая письмо Карела Чапека. Прага, вторая половина 1950-х гг.

*С.В. Никольский и Вилем Завада.
Вторая половина 1950-х гг.*

*С.В. Никольский, внуки Я. Гашека Даша Гашкова,
Рихард Гашек (справа) и собиратель материалов о
Гашеке Августин Кнесл (в центре)
во время 100-летнего юбилея Гашека.
Дом творчества чешских писателей Добржиш
под Прагой, 1983 г.*

*Заседание Общества братьев Чапек.
Рядом с С.В. Никольским — Л.Н. Будагова,
под портретом Чапека — Р.Р. Кузнецова.
Москва, 1990 г.*

*Вручение медали им. Йозефа Добровского С.В. Никольскому
президентом Академии наук Чешской Республики
Геленой Иллнеровой. Март 2002 г.*

*С.В. Никольский, внук Я. Гашека Рихард Гашек (в центре),
выступающий в Библиотеке иностранной литературы
им. М.И. Рудомино в Москве, и исследователь творчества
Я. Гашека Радко Пытлик (слева)*

*С.А. Шерлаимова, Е.З. Цыбенко и С.В. Никольский.
Институт славяноведения РАН. Москва, 2007 г.*

*С.В. Никольский в Праге,
13 марта 2002 г.*